

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

МГПУ

Международное научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2015 г. Том 6. № 3

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

2015 г. Том 6. № 3

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в Перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина,
Т.Г. Стефаненко, О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Л.А. Пергаменщик (Белоруссия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария), Ф. Зимбардо (США),
И. Маркова (Великобритания), Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- К проблеме перехода от исполнительской (педагогической) деятельности к управленческой: концептуальное понимание и теоретическая модель
Е.Б. Филинкова 5
- Феномен толпы в отечественной психологии: концепция В.К. Случевского
Д.С. Горбатов 21
- Ситуация развода как предмет отечественных социологических и социально-психологических исследований семейных отношений
И.С. Клещина 30

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования)
В.С. Собкин, М.А. Мнацаканян 46
- Факторы выбора этнической категоризации в ситуации информационного воздействия на подростков и юношей
О.Е. Хухлаев, К.О. Тарасов 64
- Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ
Т.В. Дробышева, М.А. Романовская 81
- О мотивации подростков — пользователей социальных сетей
В.В. Фёдоров, И.Д. Милеев 98

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр
Т.Ю. Маринова, О.В. Зарецкая 109
- Эмоции в структуре составляющих психологической «ткани» организационной культуры
И.В. Грошев, Ю.А. Давыдова, И.А. Краснослободцева 120
- Проблема диалогической личности в контексте современной психотехники
А.В. Желябин 134
- Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики
В.А. Ильин, С.В. Бонкало 150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К 100-летию Южного федерального университета
Социальная психология в Южном федеральном университете (РГУ): этапы становления и научные направления
В.А. Лабунская 157

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Рецензия на книгу Дианы Равич «Жизнь и смерть великой американской школьной системы», New York: Basic Books, 2010.
К. Билс 167

АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ

- К портрету отечественного профессионального психологического сообщества: блестящие реальности на официальном фраке
М.Ю. Кондратьев 174

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

On the Problem of Transition from Executive (Teaching) Activity to Management: Conceptual Interpretation and Theoretical Model <i>E.B. Filinkova</i>	5
The Phenomenon of the Crowd in Russian Psychology: V.K. Sluchevsky's Concept <i>D.S. Gorbatov</i>	21
Divorce in Russian Sociological and Social Psychological Research on Family Relationships <i>I.S. Kletsina</i>	30

EXPERIMENTAL RESEARCH

Features of Perception of Modern Russian Political Leaders in University Students (A Psychosemantic Research) <i>V.S. Sobkin, M.A. Mnatsakanyan</i>	46
Factors Contributing to the Choice of Ethnic Categorization in Situations of Informational Influence <i>O.E. Khukhlaev, K.O. Tarasov</i>	64
Types of Professional Interactions in Modern Russian Nannies: A Social Psychological Analysis <i>T.V. Drobysheva, M.A. Romanovskaya</i>	81
Motivation in Teenage Users of Social Media <i>V.V. Fyodorov, I.D. Mileev</i>	98

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Social Psychological Aspects of Addiction to Massively Multiplayer Online Role-Playing Game <i>T.Yu. Marinova, O.V. Zaretskaya</i>	109
Emotions in the Structure of Psychological 'Fabric' of Organizational Culture <i>I.V. Groshev, Yu.A. Davydova, I.A. Krasnoslobodtseva</i>	120
The Problem of Dialogical Personality in the Context of Modern Psychotechnology <i>A.V. Zhelyabin</i>	134
The Phenomenon of Vagrancy from the Perspective of Psychosocial Theory of Development: Origins, Nature and Prevention Guidelines <i>V.A. Ilyin, S.V. Bonkalo</i>	150

SCIENTIFIC LIFE

On the 100th Anniversary of the Southern Federal University Social Psychology at the Southern Federal University (RSU): Stages of Development and Research Directions <i>V.A. Labunskaya</i>	157
--	-----

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Book review: Diane Ravitch "The death and life of the great American school system". New York: Basic Books, 2010. <i>K. Beals</i>	167
--	-----

ARCHIVE. RECOLLECTIONS

On the Portrait of the Russian Professional Psychological Community: Sparkles of Reality on the Official Tailcoat <i>M.Yu. Kondratyev</i>	174
--	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К проблеме перехода от исполнительской (педагогической) деятельности к управленческой: концептуальное понимание и теоретическая модель

Е.Б. ФИЛИНКОВА*,
Москва, Россия,
jane421@yandex.ru

В статье представлена модель перехода от исполнительской деятельности к управленческой на примере педагогической деятельности. Переход рассмотрен как процесс управленческого смыслообразования, имеющий стадийность и направленный на формирование психологической готовности к переходу к управленческой деятельности.

Ключевые слова: исполнительская деятельность, управленческая деятельность, управленческое самоопределение, психологическая готовность.

Постановка проблемы

В связи с изменениями, происходящими в системе управления образованием — повышением автономизации образовательного учреждения, рассмотрением его как самостоятельной хозяйственной единицы и, соответственно, передачей на низовые уровни управления образованием значительного числа экономических функций — роль руководя-

щих кадров образовательного учреждения (ОУ) как фактора успешности деятельности всей организации резко повышается. Закон об образовании возлагает на руководителя ОУ ответственность за руководство образовательной, научной, воспитательной работой и организационно-хозяйственной деятельностью. Множественность разнородных функций, необходимо выполняемых руководителями ОУ, предъявляет очень

Для цитаты:

Филинкова Е.Б. К проблеме перехода от исполнительской (педагогической) деятельности к управленческой: концептуальное понимание и теоретическая модель // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 5–20. doi:10.17759/sps.2015060301.

* *Филинкова Евгения Борисовна* — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет, Москва, Россия, jane421@yandex.ru

высокие требования к их профессионализму, обуславливая крайнюю актуальность максимизации управленческой компетентности.

Новации в системе образования далеко не всегда встречают позитивный отклик, как среди самих руководителей образовательных учреждений, так и среди низовых работников. В то время как образовательные учреждения нуждаются в грамотных, мотивированных руководителях, педагоги-исполнители в большинстве своем не готовы переходить на управленческие должности [29]. Противоречие между объективными запросами практики и запросами личности в труде, высокая общественная значимость разрешения этого противоречия ставят перед психологической наукой новую задачу — изучение психологической готовности педагогов к управленческой деятельности.

Феномену готовности к деятельности посвящено множество работ, выполненных в военной, спортивной, педагогической психологии, психологии труда и др. Обобщая результаты проведенных исследований, Л.В. Лежнина выделяет три основных концептуальных подхода: готовность как состояние (функциональный подход); как совокупность личностных черт (личностный подход) и как интегративное психическое образование, отражающее диалектическую связь состояния и свойств личности (личностно-деятельностный подход) [17, с. 28–29].

Работы, затрагивающие готовность к управленческой деятельности [2; 6; 11; 15; 16; 18; 28 и др.], выполнены в рамках заявленных выше подходов. Психологическая готовность рассматривается в них как статичный феномен, что, в частности, предполагает, что для изменения

уровня готовности требуется внешнее воздействие, например, формирующий эксперимент. Наше понимание психологической готовности к управленческой деятельности состоит в том, что это не только результат (статическая характеристика), но и процесс (динамическая характеристика), разворачивающийся в сознании индивида, что дает возможность рассмотреть это феномен совсем с иной стороны. Во-первых, требуется ответить уже не на вопрос о том, каков уровень готовности, а на вопросы, как формируется готовность, что детерминирует этот процесс. Во-вторых, процессуальное понимание готовности позволяет «встроить» ее в более широкий психологический контекст, проанализировать с позиции более общего феномена, в качестве которого мы видим феномен управленческого самоопределения.

Целью настоящей статьи является изложение теоретической модели перехода от исполнительской деятельности к управленческой как феномена управленческого самоопределения.

В понимании сущности *самоопределения* мы опираемся на позицию С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой-Славской: это феномен проявления *субъектности* личности. Для С.Л. Рубинштейна самоопределение отражает «роль внутреннего в детерминации поведения на разных уровнях» [25, с. 360]. В мере соотношения самоопределения и определения другим, в характере самоопределения С.Л. Рубинштейн видел специфику человеческого способа жизни [25, с. 261]. Эта специфика «заключается в том, что во всеобщую детерминированность бытия включается не сознание само по себе, а человек как осознающее мир существо, субъект не только со-

знания, но и действия» [там же, с. 358]. В качестве субъекта человек не просто существует, но, мысленно выходя за пределы повседневного, рефлексировав свою жизнь, вырабатывает отношение к ней и определяет свое место в мире. Этот процесс «переосмысления» (или в сегодняшней терминологии — самоопределения), «проходящий через всю жизнь человека, образует самое сокровенное и основное содержание его существа, определяет мотивы его действий и внутренний смысл тех задач, которые он разрешает в жизни» [26, с. 640].

К.А. Абульханова-Славская [1], развивая идеи С.Л. Рубинштейна, рассматривает самоопределение как осознанный способ построения человеком собственного бытия. Выстраивая свою жизнь, человек делает множество выборов: условий, направления жизни, образования и профессии и т.п. Все перечисленное можно обобщить как выбор стратегии жизни. Самоопределение или выбор жизненной стратегии — есть одна из главных задач индивидуальной жизни, решаемая человеком путем соотношения себя с формами социальной жизни и определения своего места в общественных структурах. Главным механизмом самоопределения (построения стратегии жизни) является жизненная позиция как совокупность реализованных жизненных отношений. В ней воплощены одновременно и регулятивные, и результативные характеристики самоопределения. С одной стороны, жизненная позиция — *результат* самоопределения, с другой, условие ее реализации. Основным показателем, критерием самоопределения К.А. Абульханова-Славская считает отсутствие или наличие смысла жизни [1].

Управленческое самоопределение неотделимо от жизненного (или личностного) самоопределения, являясь его неотъемлемой частью. Как производное от «широкого контекста человеческого бытия» [27, с. 83] управленческое самоопределение обладает всеми свойствами родового феномена: непрерывностью, целостностью, многоплановостью, сложностью, рефлексивностью. Рассмотрим эти свойства подробнее.

Главное противоречие человеческой жизни — между детерминацией и самодетерминацией, разрешением которого и является становление субъектности, представлено для индивида в случае управленческого самоопределения как сложность управленческого выбора, как внутренние противоречия, являющиеся следствием отсутствия сформированной позиции по отношению к управленческой деятельности и к себе как руководителю. Опираясь на мнение К.А. Абульхановой-Славской, мы считаем, что профессиональная, семейная, групповая позиции выступают в данном случае как условия для реализации управленческого самоопределения.

Двойственная, духовно-материальная природа человека обуславливает, по определению М.Р. Гинзбурга, развертывание самоопределения личности одновременно в двух планах: пространственно-временном и ценностно-смысловом [5], являющимся ведущим. Управленческое самоопределение осуществляется не иначе как по отношению к управленческим ценностям, в совокупность которых входят ценности власти, материального вознаграждения и статуса.

В понимании процесса управленческого самоопределения мы солидарны с мнением Э.Р. Саитбаевой, видящей со-

держанием профессионального самоопределения *смыслообразование* относительно объективных ценностей бытия и *смысловопложение* в пространстве реального действия [27, с. 83]. Процессы управленческого смыслообразования, протекающие в сознании, представляют собой выработку исполнителем собственных смыслов управленческой деятельности. Реализация этих смыслов в трудовой активности составляет содержание процессов управленческого смыслопложения. И смысловопложение, и смыслообразование протекают параллельно, но в каждый конкретный период доминирует только один из них.

Н.Н. Никитина выделяет два вектора профессионального самоопределения: внутрь себя и от себя [21, с. 88]. Управленческое самоопределение также происходит в двух направлениях: определение своего «Я» и определение своего места в организационной структуре, в коллективе, в семье и т.п. Направленность на себя проявляется как процессы формирования управленческой Я-концепции.

Управленческое самоопределение, как и другие виды самоопределения, обладает динамичностью и статичностью одновременно [1; 21]. Динамичность связана с процессуальностью, а статичность — с достижением результатов. Управленческое самоопределение — процесс, длящийся на протяжении всей трудовой жизни *руководителя*, но его можно разделить на более короткие отрезки (этапы), каждый из которых будет иметь свое завершение и свои результаты. Диалектическая связь конечного-бесконечного реализуется через последовательную смену этапов управленческого самоопределения, когда окончание одного этапа является одновременно инициаци-

ей другого. Таким образом, с одной стороны, управленческое самоопределение предстает как целостное, длящееся достаточно длительное время явление, с другой, — как процесс и результат конкретного выбора, который можно рассматривать отдельно, как самостоятельный феномен. «Каждый частный акт выбора имеет все свойства и характеристики, что и самоопределение как единое целое, что позволяет рассматривать этот выбор как единицу анализа» [27, с. 84]. В качестве такой единицы анализа мы рассматриваем переход от исполнительской деятельности к управленческой.

Несмотря на определенную разработанность проблемы [23], изучение смены деятельности, психологии трудовой мобильности в нашей стране, по сути, только начинается [4; 7; 19; 20]. Психологи труда рассматривают переход от исполнительской деятельности к управленческой как «ключевое событие в профессиональном становлении работника» [14, с. 168] и интересуются, в первую очередь, проблемами и трудностями должностного перехода [14; 30]. Вопрос, каковы психологические характеристики процесса перехода, в рамках психологии профессиональной деятельности остается нерешенным, и именно такое понимание заложено в нашей модели перехода от исполнительской деятельности к управленческой.

Слово «перейти» по словарю С.И. Ожегова [22] в применении к нашему случаю имеет три значения: 1) переменить работу, состояние, место пребывания; 2) приступить к чему-нибудь другому, начать действовать по-иному; 3) то же, что превратиться. От глагола «перейти» происходит существительное «переход», которое несет в себе все смыслы, что

и исходный глагол. Синонимический словарь [12] говорит, что слово «переход» вполне заменимо словом «превращение». То есть переход от педагогической к управленческой деятельности *есть превращение исполнителя в руководителя*.

В качестве превращения переход можно рассматривать в двух смыслах: во-первых, как формальное (юридически оформленное) превращение — вступление педагога в руководящую должность; во-вторых, как психологическое превращение — изменения в личности самого субъекта. Переход, следовательно, представляет собой комплексный феномен, проявляющийся на социальном и психологическом уровнях.

Социальное содержание перехода составляют: повышение формального статуса индивида в организации, смена исполнительской деятельности на управленческую.

Психологическим содержанием перехода является управленческое самоопределение, под которым мы будем понимать процесс и результат изменений, происходящих в сознании исполнителей с течением времени, направленных на формирование субъектной позиции по отношению к управленческой деятельности и воплощающихся в пространстве деятельности и межличностных отношений.

Важно заметить, что управленческое самоопределение не сводится к феномену перехода. Мы будем понимать под переходом от исполнительской деятельности к управленческой процесс управленческого самоопределения субъекта *во временном промежутке* от момента получения кадрового предложения до момента начала его управленческой деятельности. Таким образом, феномен управленческого самоопределения шире

феномена перехода, и в этом смысле переход относится к управленческому самоопределению как часть к целому. Сущностью перехода являются процессы управленческого смыслообразования, направленные на формирование психологической готовности к переходу к управленческой деятельности. Показателем ее сформированности является осознание личностного смысла управленческой деятельности.

Модель перехода включает в себя два главных компонента: содержание и временные характеристики. Описание модели начнем с содержательной ее стороны (рис. 1).

Вся социальная ситуация, в которой находится человек, так или иначе оказывает влияние на процесс самоопределения. Значимые ее характеристики, которые косвенно — через формирование факторов — воздействуют на процесс управленческого самоопределения, мы будем называть условиями. К ***условиям перехода*** мы относим: социально-экономическую ситуацию в стране и ситуацию в профессиональном сообществе (профессиональная ситуация). Не имея возможности раскрыть в статье все особенности условий, просто перечислим наиболее значимые для управленческого самоопределения педагогов черты современной *социально-экономической ситуации* в России: сильное расслоение общества по уровню доходов и низкий уровень жизни большинства населения; бюрократическое давление, выражающееся, в том числе, в снижении степеней свободы в подведомственных государству организациях; состояние перманентной трансформации наиболее важных общественных сфер (здравоохранения, образования, экономики); кризис ценно-

стей. Характеристиками *профессиональной ситуации* как условием перехода педагогов от исполнительской деятельности к управленческой являются: состояние коллективного самосознания социальной группы педагогов; групповые мотивы, ценности, стереотипы; престиж профессии и отношение общества к педагогическим работникам.

Переменные, которые оказывают прямое влияние на самоопределение, мы называем факторами. Выделяются *две группы факторов: личностные и ситуационные*. *Ситуационные факторы* определяют индивидуальную социальную ситуацию педагога; мы разделяем их на две подгруппы: производственные и внепроизводственные. К производственным ситуационным факторам отно-

сятся: состояние организации (рабочее или кризисное); характеристика и история взаимоотношений с коллективом; уровень управления, на который переходит исполнитель; специфика производства (отрасль хозяйства и специализация); отношение коллег и руководства; материально-техническое и финансовое состояние организации. К внепроизводственным мы причисляем факторы семейного бытия: уровень жизни семьи, актуальная семейная ситуация (наличие брака, детей), отношение семьи к переходу, семейные традиции в отношении учительства и управленческой деятельности.

Индивидуально-личностные факторы определяют совокупность внутренних условий, которые взаимодействуют с со-

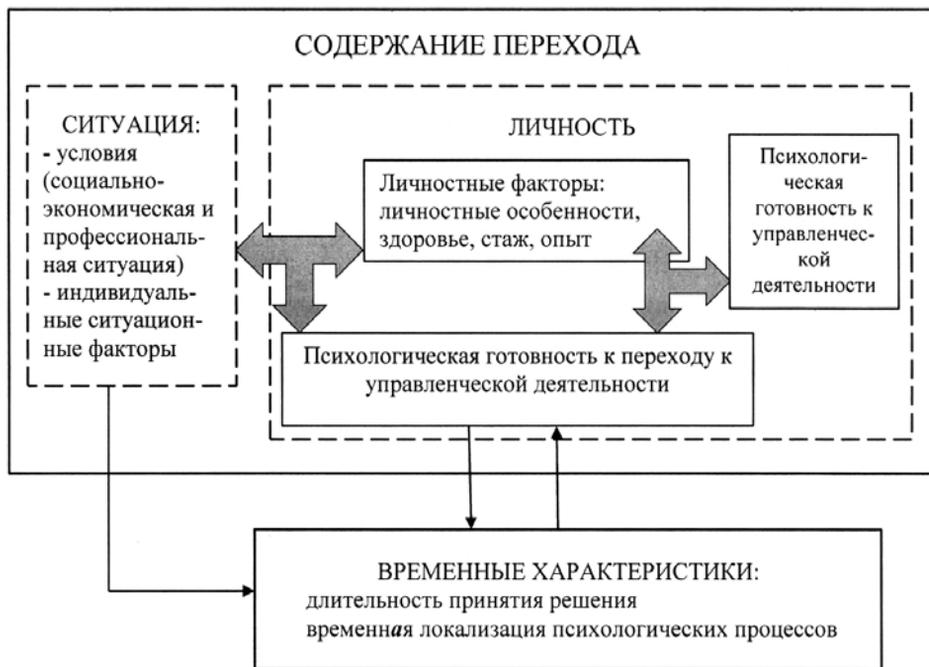

Рис. 1. Модель перехода от педагогической деятельности к управленческой как феномена управленческого самоопределения

циальными факторами. К ним относятся: состояние здоровья, стаж педагогической деятельности, опыт управленческой деятельности, личностные особенности. Среди личностных особенностей значимыми в качестве факторов управленческого самоопределения являются: профессиональная Я-концепция, ценностные ориентации и иерархия трудовых мотивов, отношение к управленческой деятельности, актуальное состояние удовлетворенности педагогическим трудом, особенности характера (эмоциональный интеллект, тревожность, стрессоустойчивость, толерантность к неопределенности, готовность к риску).

Как уже было сказано, содержание перехода — единый процесс смыслообразования. Как феномен сознания он проявляется на двух психических уровнях: когнитивном и ценностно-смысловом. На когнитивном уровне он выступает как процесс и результат принятия решения. Более высокий уровень ценностно-смысловой играет две роли: является регулятором когнитивных процессов и выступает как самостоятельный агент, отвечающий за формирование личностного смысла управленческой деятельности.

Процесс смыслообразования развивается, последовательно проходя три стадии (рис. 2):

- 1) стадия кризиса деятельности;
- 2) стадия готовности к смене деятельности;
- 3) стадия психологической готовности к управленческой деятельности.

Стадия кризиса деятельности. Кризисы, с которых начинается процесс управленческого самоопределения подразделяются на два вида: профессиональные и исполнительские (в терминологии Э.Ф. Зеера, — профессиональные норма-

тивные и ненормативные [10]). Источником их возникновения является восприятие педагогом неудовлетворенности своей производственной деятельностью как *личностной проблемы*. Не факт наличия неудовлетворенности трудом и не его осознание, как у Э.Ф. Зеера, а именно осознание *рассогласования* желаемого и действительного уровней удовлетворенности трудом запускает развитие кризисной ситуации.

В момент осознания неудовлетворенности как проблемы профессиональный или исполнительский по своей сути кризис принимает форму внутриличностного. Закономерности его развития, описанные Л.Г. Жедуновой [8], вполне применимы: возникает особая внутренняя деятельность — переживание. Переживание неразрывно связано с рефлексией, которая, с одной стороны, детерминирует возможность развертывания личностного кризиса, а, с другой, — «выступает основой реадaptации субъекта, как на чувственном, так и на смысловом уровне сознания» [8, с. 10].

В случае профессионального кризиса рефлексия противоречия между желаемым и действительным заставляет субъекта искать ответы на обязательные вопросы: 1) какие потребности оказываются неудовлетворенными; 2) каковы возможности их удовлетворения, как в образовательном учреждении, так и за его пределами. Если субъект понимает, что возможности педагогической деятельности не позволяют удовлетворить его ведущие потребности, то формируется **готовность к смене деятельности** (ГСД) как новообразование — *непосредственный результат* разрешения внутриличностного кризиса. Психологическими механизмами, приводящими

к возникновению ГСД, являются процессы самопознания.

На существование ГСД указывают и другие авторы: у Н.В. Васиной с соавт. готовность к смене профессиональной деятельности есть итог процесса репрофессионализации — «субъективное состояние личности, которая считает себя способной и подготовленной к смене профессиональной деятельности» [3, с. 194]. С нашей точки зрения появление ГСД есть лишь свидетельство завершения первого этапа формирования готовности к новой (в данном случае управленческой) деятельности.

Стадия готовности к смене деятельности. ГСД проявляется в том, что педагог осознает, что выполнять педагогическую работу как раньше он не может или не хочет и готов сменить ее на что-то другое. Именно на этой стадии имеет место феномен принятия решения (ПР).

Протекающий на когнитивном уровне процесс принятия решения характеризуется разными стратегиями: интуитивной

и рациональной. Интуитивное ПР максимально свернуто и предстает для самого субъекта как инсайт. Рациональное ПР характеризуется высокой развернутостью во внутреннем плане и ясностью осознания, оно предстает как выбор между двумя альтернативами: уходить или остаться в системе образования.

С опорой на результаты исследований Т.В. Корниловой [13] мы представляем, что процесс рационального решения происходит следующим образом (рис. 3). В результате приложения интеллектуально-личностных усилий у педагога возникает предвосхищение (образ) возможных результатов. Чтобы сделать выбор, педагог формирует критерии оценки альтернатив. Согласно Ю.М. Забродину [9], критерии рационального принятия решения должны удовлетворять следующим требованиям: минимизировать субъективную неопределенность входной информации и выводить решение на максимальную эффективность. В данном случае эффек-

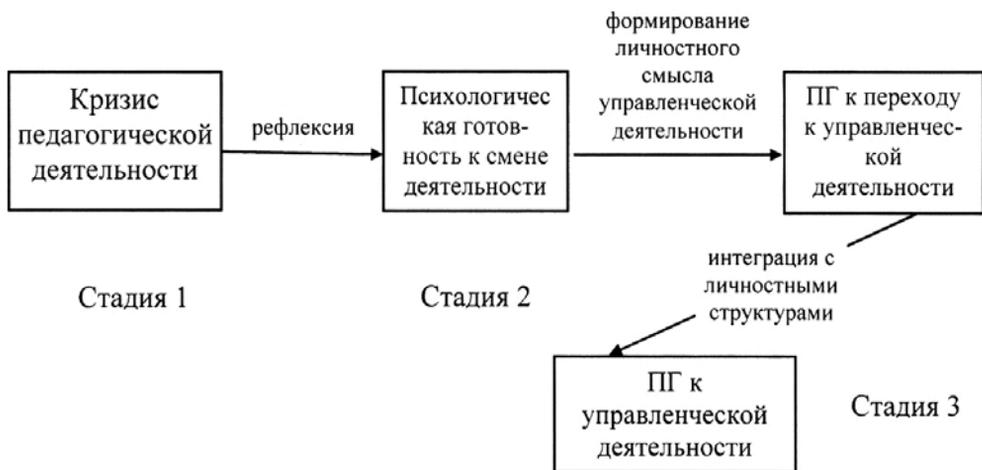

Рис. 2. Процесс смыслообразования при переходе от педагогической деятельности к управленческой

тивность выбора есть не что иное, как его *ценность* для субъекта. В этом критерии отражается регулирующее влияние ценностно-смысловой сферы личности на когнитивные процессы: для субъекта ценность той или иной альтернативы означает не только и не столько ее «стоимость», сколько «значение для меня», т. е. личностный смысл выбора.

Мы предполагаем, что критерии не обладают одинаковым «весом» (значимостью). Вероятнее, что для большинства людей критерий ценности имеет большее значение. Тем не менее, все свойства альтернатив оцениваются с точки зрения обоих критериев. Соответствие какого-либо свойства более значимому критерию, т. е. «работа» данного свойст-

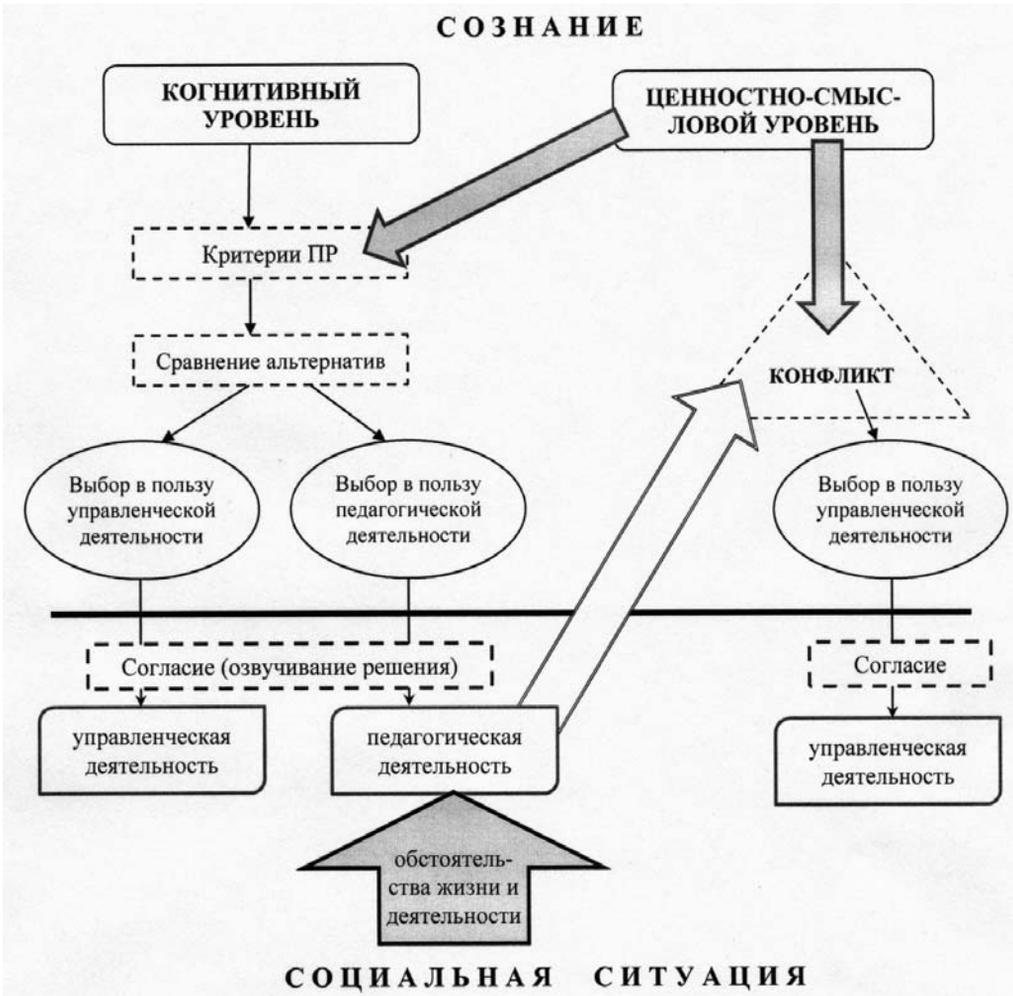

Рис. 3. Взаимодействие когнитивного и ценностно-смыслового уровней сознания в процессе смыслообразования

ва на личностный смысл придает этому свойству больший «вес». Иерархизация (категоризация) по «весу» характеристик будущей ситуации (деятельности) позволяет сделать итоговый выбор.

Сделанный выбор *превращает* генерализованную, не имеющую направленности готовность к смене деятельности в конкретный вид готовности, *придавая ей определенную направленность*. Данная трансформация нам видится как аналогичная превращению потребности в мотив («опредмечивание» потребности). Так возникает либо психологическая готовность (ПГ) *к смене профессии*, либо ПГ *к переходу* к управленческой деятельности как конкретизированные формы ГСД. Эти психические новообразования есть по своей природе состояния личности. Кроме направленности, конкретизированные готовности обладают еще одной особенностью: принятием на себя риска соответствующего выбора.

В случае исполнительского кризиса первая и вторая стадии процесса смыслообразования могут быть неразрывно связаны друг с другом в единое целое и иметь как бесконфликтный, так и конфликтный характер. При отсутствии внутреннего конфликта все закономерности принятия решения, описанные выше для профессионального кризиса, применимы.

Источником личностного конфликта при разворачивании исполнительского кризиса может выступать одно из двух или оба вида противоречий: в мотивах деятельности и в Я-концепции. Эти противоречия появляются в сознании под непосредственным воздействием социальной ситуации, в которой оказывается педагог-исполнитель (рис. 3).

Возникновение внутреннего конфликта отражает неспособность человека сделать выбор из двух альтернатив, невозможность решить задачу на когнитивном уровне. Конфликт переводит процесс с когнитивного на более высокие уровни сознания. Разрешение личностного конфликта осуществляется на уровне ценностных ориентаций через механизм формирования личностного смысла управленческой деятельности. Конструктивный исход из исполнительского кризиса приводит к возникновению конкретной формы ГСД — готовности к переходу к управленческой деятельности. Однако вероятен и неконструктивный исход, связанный с выдачей внешнего согласия работника перейти на руководящую должность при внутреннем несогласии. В таком случае формальный переход (изменение статуса в организации) происходит без осознания в полной мере личностного смысла управленческой деятельности. Данный тезис согласуется с результатами, свидетельствующими, что несамостоятельный выбор профессии связан с трудностями в нахождении смыслов деятельности [24].

На следующей стадии смыслообразования происходит **формирование психологической готовности к управленческой деятельности**. Если на стадии ГСД готовность представляет собой только состояние, ситуативную характеристику индивида, то интеграция состояния готовности с такими личностными структурами, как свойства личности, способности, Я-концепция, придает этому состоянию черты стабильности и созидает новую психическую реальность психологическую готовность к управленческой деятельности. То есть процесс, про-

текающий на третьей стадии, определяется нами как интеграция ПГ к переходу с личностными свойствами. После формирования готовности к управленческой деятельности самоопределение переходит в фазу преимущественного смысловоплощения, которое проходит уже в пространстве деятельности и межличностных отношений.

Необходимо отметить, что на когнитивном уровне и готовность к переходу, и готовность к управленческой деятельности рассматриваются нами как внутренние (*личностные*) *детерминанты принятия решения*, являющиеся непосредственной причиной выражения педагогом согласия на руководящую должность. Эти две детерминанты не являются рядоположенными: готовность к деятельности является более значимой по сравнению с готовностью к переходу. На уровне самосознания готовность к управленческой деятельности есть *сформированная субъектная позиция индивида*, проявляющаяся в понимании личностного смысла деятельности и позитивной оценке себя в качестве руководителя. То есть ПГ к управленческой деятельности рассматривается нами как результат и критерий завершенности в основном процессов смыслообразования по отношению к управленческой деятельности.

Переход в качестве процесса имеет определенную продолжительность. Это означает, что, с точки зрения временных особенностей перехода, следует выделить две переменные: локализацию психологических процессов во времени, а также время принятия решения. На оси времени выделяются две значимые для понимания психологии перехода точки: момент получения педагогом предложения о повышении и момент вступления педагога в должность руководителя, начало управленческой деятельности. Наблюдается гетерохронность социальной и психологической трансформации. Если социальные изменения, связанные с повышением формального статуса индивида в организации, происходят только в период от момента получения предложения о повышении до момента начала управленческой деятельности, то психологические изменения могут предшествовать социальным, совпадать с ними во времени и обязательно происходят после вступления работника в новую должность.

Таким образом, в статье представлена модель перехода от педагогической деятельности к управленческой. Переход рассмотрен как процесс управленческого смыслообразования, имеющий стадиальность и направленный на формирование психологической готовности к переходу к управленческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Аверьянов С.В. Формирование готовности к управленческой составляющей профессиональной деятельности у курсантов вуза: дисс. ... канд. психол. наук. Казань, 2006. 198 с.
3. Васина Н.В., Капранова М.В., Грузинова А.И. Конфликтологическая сущность процесса формирования психологической готовности к смене профессиональной деятельности // Человеческий капитал. 2014. № 6. С. 193–196.
4. Гафнер В.В. Профессиональная переориентация бывших военнослужащих и проблема становления профессиональной компетентности учителя ОБЖ // ОБЖ. Основы безопасности жизнедеятельности. 2004. № 11. С. 47–49.

5. *Гинзбург М.Р.* Психология личностного самоопределения: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1996. 60 с.
6. *Горонин П.В.* Профессиональное самосознание как фактор психологической готовности к управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Минск, 2000. 20 с.
7. *Дворецкая Ю.Ю.* Психология профессиональной мобильности личности: автореф. дисс.... канд. психол. наук. Краснодар, 2007. 23 с.
8. *Жедунова Л.Г.* Психология личностного кризиса: автореф. дисс...докт. психол. наук. Ярославль, 2010. 44 с.
9. *Забродин Ю.М.* Процессы принятия решения на сенсорно-перцептивном уровне // Проблемы принятия решений. М.: Наука, 1976. С. 33–55.
10. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий: учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
11. *Ильин С.С.* Психологическая готовность специалиста к управленческим профессиям: содержание, структура, диагностика: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. 21 с.
12. *Кожевников А.Ю.* Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник: в 2 т. Т. 2. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. 480 с.
13. *Корнилова Т.В.* Психологическая регуляция принятия интеллектуальных решений: автореферат дисс. ...докт. психол. наук. М., 1999. 54 с.
14. *Кочарова М.В.* Психологические особенности адаптации должностного перехода начальников поезда как руководителей нижнего звена управления // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 53. С. 167–171.
15. *Кривошеева Н.С.* Исследование социально-психологической готовности студентов — будущих руководителей к принятию управленческих решений: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 23 с.
16. *Левадняя М.О.* Оценка психологической готовности руководителя к управлению в условиях кризиса: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003. 24 с.
17. *Лежнина Л.В.* Готовность психолога образования к профессиональной деятельности: этапы, механизмы, технологии формирования: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2010. 473 с.
18. *Ливенцева О.В.* Психологическая готовность руководителей среднего звена к деятельности в неблагоприятных ситуациях: на примере аппарата управления Буровой компании: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 25 с.
19. *Любимова О.В.* К проблеме обоснования теоретической модели профессиональной мобильности современного инженера // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 4. С.120–127.
20. *Мищенко В.А.* Сущностные характеристики профессиональной мобильности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 9. С. 61–66.
21. *Никитина Н.Н.* Культура профессионально-личностного самоопределения учителя: контекст становления: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 400 с.

22. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / Под. ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
23. *Петров В.П.* Психологические проблемы профессиональной переориентации взрослых // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 3. С. 79–89.
24. *Рахманкулова Г.Д.* Смыслообразование в процессах профессионального самоопределения: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.
25. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 423 с.
26. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008. 713 с.
27. *Саитбаева Э.Р.* Теоретические основы самоопределения педагога-профессионала в системе дополнительного педагогического образования: монография. Оренбург: Изд-во ООИПКРО, 2005. 501 с.
28. *Скориков В.Б.* Психологическая готовность работника к руководству научно-производственным коллективом: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1991. 19 с.
29. *Филинкова Е.Б.* Психология принятия решения о переходе от педагогической к другим видам деятельности: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 174 с.
30. *Шеколдина А.А.* Должностной переход в профессиональном становлении специалиста: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 229 с.

On the Problem of Transition from Executive (Teaching) Activity to Management: Conceptual Interpretation and Theoretical Model

E.B. FILINKOVA*,
Moscow, Russia,
jane421@yandex.ru

The paper describes a theoretical model of transition from executive activity to management using teaching activity as an example. This transition is explained in terms of management process of meaning-making that has its own stages and is generally aimed at the formation of psychological readiness for the transition to management.

Keywords: executive activity, management, self-determination in management, psychological readiness.

REFERENCES

1. *Abul'khanova-Slavskaya K.A.* Strategiya zhizni [The strategy of life]. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
2. *Aver'yanov S.V.* Formirovanie gotovnosti k upravlencheskoi sostavlyayushchei professional'noi deyatel'nosti u kursantov vuza: diss. ... k. psikhol. nauk [Formation of readiness for the management component of professional activity of the cadets of the military University. Ph.D. (Psychology) diss.]. Kazan', 2006. 198 p.
3. *Vasina N.V. Kapranova M.V., Gruzina A.I.* Konfliktologicheskaya sushchnost' protsessa formirovaniya psikhologicheskoi gotovnosti k smene professional'noi deyatel'nosti [Conflictological essence of the process of formation of psychological readiness for change in professional activities]. *Chelovecheskii capital [Human capital]*. 2014, no.6, pp. 193–196.
4. *Gafner V.V.* Professional'naya pereorientatsiya byvshikh voennosluzhashchikh i problema stanovleniya professional'noi kompetentnosti uchitelya OBZh [Professional reorientation of former soldiers and the problem of formation of professional competence of a teacher of basics of life safety]. *OBZh. Osnovy bezopasnosti zhizni [BLS, The basics of life safety]*. 2004, no.11, pp. 47–49.
5. *Ginzburg M.R.* Psikhologiya lichnostnogo samoopredeleniya: avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk [Psychology of personal self-determination. Dr. Sci. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 1996. 60 p.
6. *Goronin P.V.* Professional'noe samosoznanie kak faktor psikhologicheskoi gotovnosti k upravlencheskoi deyatel'nosti rukovoditelei organov vnutrennikh del: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Professional Self-consciousness as the factor of Psychological

For citation:

Filinkova E.B. On the Problem of Transition from Executive (Teaching) Activity to Management: Conceptual Interpretation and Theoretical Model. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 5–20. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060301.

* *Filinkova Evgeniya* – PhD in Psychology, assistant professor, Social Psychology Chair, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, jane421@yandex.ru

- Readiness for Administrative Activity of the Chiefs of law-enforcement Bodies. Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Minsk, 2000. 20 p.
7. *Dvoretzkaya Yu.Yu.* Psikhologiya professional'noi mobil'nosti lichnosti: avtoref. diss.... kand. psikhol. nauk [Psychology of professional personal mobility. Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Krasnodar, 2007. 23 p.
8. *Zhedunova L.G.* Psikhologiya lichnostnogo krizisa: avtoref. diss...dokt. psikhol. nauk [Psychology of personal crisis. Dr. Sci. (Psychology) Thesis.]. Yaroslavl', 2010. 44 p.
9. *Zabrodin Yu.M.* Protsessy prinyatiya resheniya na senso-rno-pertseptivnom urovne [The decision-making processes at the sensory-perceptual level]. Problemy prinyatiya reshenii [Problems of decision-making]. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 33–55.
10. *Zeer E.F.* Psikhologiya professii: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Psychology of professions: a textbook for University students]. 2-d ed. Moscow: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. 336 p.
11. *Il'in S.S.* Psikhologicheskaya gotovnost' spetsialista k upravlencheskim professiyam: sodержanie, struktura, diagnostika: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological readiness specialist to managerial professions: the content, structure, diagnostics. Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 1999. 21 p.
12. *Kozhevnikov A.Yu.* Bol'shoi sinonimicheskii slovar' russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: prakticheskii spravochnik [Great synonymic dictionary of the Russian language. Speech equivalents: a practical guide]. In 2 Vol. Vol.2. S-Peterburg.: Publ. "Neva", 2003. 480 p.
13. *Kornilova T.V.* Psikhologicheskaya regulyatsiya prinyatiya intellektual'nykh reshenii: avtoreferat diss. ...dokt. psikhol. nauk [Psychological regulation to make intelligent decisions. Dr. Sci. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 1999. 54 p.
14. *Kocharova M.V.* Psikhologicheskie osobennosti adaptatsii dolzhnostnogo perekhoda nachal'nikov poezda kak rukovoditelei nizhnego zvena upravleniya [Psychological features of the official transfer's adaptation stage during chiefs of the train professional becoming]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera [The conference "Sociosphere" proceedings]*. 2013, no. 53, pp. 167–171.
15. *Krivosheeva N.S.* Issledovanie sotsial'no-psikhologicheskoi gotovnosti studentov-budushchikh rukovoditelei k prinyatiyu upravlencheskikh reshenii: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [The study of socio-psychological readiness of students-future managers to make management decisions Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 2008. 23 p.
16. *Levadnyaya M.O.* Otsenka psikhologicheskoi gotovnosti rukovoditelya k upravleniyu v usloviyakh krizisa: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Assessment of psychological readiness Manager to management in crisis conditions Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 2003. 24 p.
17. *Lezhnina L.V.* Gotovnost' psikhologa obrazovaniya k professional'noi deyatel'nosti: etapy, mekhanizmy, tekhnologii formirovaniya: diss. ... dokt. psikhol. nauk [The readiness of the psychologist in education to professional activity: stages, mechanisms, techniques of forming Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2010. 473 p.
18. *Liventseva O.V.* Psikhologicheskaya gotovnost' rukovoditelei srednego zvena k deyatel'nosti v neblagopriyatnykh situatsiyakh: na primere apparata upravleniya Burovoi

- kompanii: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological readiness of line managers to work in adverse situations: the example of the management apparatus Drilling company. Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 2002. 25 p.
19. *Lyubimova O.V.* K probleme obosnovaniya teoreticheskoi modeli professional'noi mobil'nosti sovremennogo inzhenera [To the problem of substantiation of modern engineer's occupational mobility theoretical model]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian researches], 2011, no. 4, pp. 120–127.
20. *Mishchenko V.A.* Sushchnostnye kharakteristiki professional'noi mobil'nosti [Essential characteristics of professional mobility]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Reports: Series Humanities], 2010, no. 9, pp. 61–66.
21. *Nikitina N.N.* Kul'tura professional'no-lichnostnogo samoopredeleniya uchitelya: kontekst stanovleniya: Monografiya [The culture of professional and personal self-determination of teachers: a context of formation: Monograph]. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 400 p.
22. *Ozhegov S.I.* Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] N.Yu. Shvedova, ed. Moscow: Russkii yazyk, 1988. 750 p.
23. *Petrov V.P.* Psikhologicheskie problemy professional'noi pereorientatsii vzroslykh [Psychological problems of professional reorientation adults] / *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 1993, vol. 14, no. 3, pp.79–89.
24. *Rakhmankulova G.D.* Smysloobrazovanie v protsessakh professional'nogo samoopredeleniya: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Meaning in the processes of professional self-determination. Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Barnaul, 2006. 21 p.
25. *Rubinshtein S.L.* Problemy obshchei psikhologii [Problems of General psychology]. Moscow: Pedagogika, 1973. 423 p.
26. *Rubinshtein S.L.* Osnovy obshchei psikhologii [Bases of General psychology]. S-Petersburg: Piter, 2008. 713 p.
27. *Saitbaeva E.R.* Teoreticheskie osnovy samoopredeleniya pedagoga-professionala v sisteme dopolnitel'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya: Monografiya [Theoretical foundations of self-determination teacher-professional in the system of additional pedagogical education: Monograph]. Orenburg: Publ. OOIPKRO, 2005. 501 p.
28. *Skorikov V.B.* Psikhologicheskaya gotovnost' rabotnika k rukovodstvu nauchno-proizvodstvennym kollektivom: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological readiness of the employee to the management of the research team. Ph.D. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 1991. 19 p.
29. *Filinkova E.B.* Psikhologiya prinyatiya resheniya o perekhode ot pedagogicheskoi k drugim vidam deyatel'nosti: Monografiya [Psychology of decision making about the transition from teaching to other activities]. Moscow: Publ. MGOU, 2012. 174 p.
30. *Shchekoldina A.A.* Dolzhnostnoi perekhod v professional'nom stanovlenii spetsialista: diss. ... kand. psikhol. nauk [Job transition in the professional development specialist Ph.D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2002. 229 p.

Феномен толпы в отечественной психологии: концепция В.К. Случевского

Д.С. ГОРБАТОВ*,
Санкт-Петербург, Россия,
gorbatov.rus@gmail.com

В статье описывается содержание концепции толпы, разработанной отечественным правоведом и общественным деятелем В.К. Случевским (1893). Уточняются ее принципиальные отличия от других концепций начального этапа изучения данного феномена, раскрывается нравственный потенциал психологических воззрений В.К. Случевского. Специфика толпы как социально-го объединения, свойства толпы, факторы ее образования, изменения личности в толпе, проблема предупреждения, пресечения и уголовного наказания за массовые преступления — таковы некоторые вопросы, интересовавшие автора одной из первых концепций стихийных групп.

Ключевые слова: толпа, концепция толпы В.К. Случевского, свойства толпы, влияние на личность в толпе, массовая агрессия, противодействие массовой агрессии.

Обронив в одной из своих работ фразу «Всемирно известно, что психология толпы была создана Лебоном» [7, с. 47], С. Московичи заметно отклонился от истины. С точки зрения хронологии, труд популярного французского исследователя [14] предшествовало не менее полдюжины книг и статей, большинство из которых давно не упоминается в перечнях научных источников по проблематике стихийных социальных объединений. Бойкость пера и безудержность полета

мысли Г. Лебона заслонили вклад в психологию толпы С. Сигеле [16], А. Фурниаля [15], Г. Тарда [17] и других западноевропейских исследователей, многие идеи которых заимствовались их талантливым продолжателем без упоминаний подлинного авторства. Что касается отечественных публикаций «долебоновского» периода, то среди них, в первую очередь, следует выделить теорию «героев и толпы» (1882) публициста и литературного критика Н.К. Михайловского [6] и

Для цитаты:

Горбатов Д.С. Феномен толпы в отечественной психологии: концепция В.К. Случевского // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 21–29. doi: 10.17759/sps.2015060302.

* Горбатов Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор кафедры Менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, gorbatov.rus@gmail.com

оригинальную концепцию (1893) профессора уголовного права В.К. Случевского [10; 11].

Если воззрения Н.К. Михайловского получили приемлемое отражение в современных исследованиях [2; 5; 8; 12 и др.], то содержание идей В.К. Случевского (1844—1926) еще не становилось предметом отдельного рассмотрения. Проанализируем данную концепцию, обращая внимание на те составляющие, которые оказали влияние на развитие представлений о толпе в российской общественно-научной мысли конца XIX — начала XX в.

Определяя предмет своего исследования, В.К. Случевский противопоставил толпу случайному множеству людей, объединенных местом и временем, но никак не связанных между собой (агрегации — Д.Г.). В отличие от прохожих на многолюдной улице в подлинной толпе существуют «точки соприкосновения со стороны психической и... почва для развития единства мысли, чувства и симпатии» [10, с. 10]. Заметим, что заключительная часть данной формулировки, указывающая на когнитивные и аффективные аспекты образования толпы, во многом совпадает по смыслу со следующей фразой Г. Тарда: «Общая вера, общая страсть, общая цель — такова ... жизненная основа этого странного живого существа, которое мы называем толпой. От особенностей этих руководящих страстей, идей и целей зависит и различие между толпами» [17, с. 355]. Помимо этого, Г. Тард особо упоминал и симпатию «как животворящее начало сообществ» [17, с. 354].

Возможно, в данном случае речь должна идти о влиянии идей французского ученого на трактовку феномена толпы В.К. Случевским. Но значение

этого влияния не следует преувеличивать. Достаточно заметить, что названные исследователи принципиально различным образом интерпретировали процессы воздействия на личность в толпе. Согласно позиции Г. Тарда, получившей развитие в книге С. Сигеле [16], изменения личности, подчас напоминающие степень психопатологической выраженности, прежде всего, связаны с потребностью членов толпы подражать окружающим и с внушением в их адрес со стороны выделившихся вожаков. Точка зрения В.К. Случевского была сформулирована следующим образом: «...в каждом живет зверь, действия которого сдерживаются нравственными мотивами, частью прирожденными, частью же развитыми путем воспитания» [10, с. 33]. Пребывание в толпе лишь создает условия к тому, чтобы прежде надежно скрытые «в тайниках человеческой души, вне сферы сознания» [10, с. 36] психические начала такого рода проявили себя во всей полноте и определенности. Толпа, с одной стороны, способна придать любым импульсам своих членов чрезвычайную силу и, с другой стороны, уменьшить до ничтожных размеров сопротивление им, столь действенное в повседневной жизни. «Кто только в мыслях своих, самопроизвольно возникших и затем бесследно исчезнувших за отсутствием потребной для их дальнейшего развития почвы в личных его свойствах, не совершал тяжких преступлений или, по крайней мере, не желал наступления таких событий, для осуществления которых он никогда не решился бы приложить руку!» — писал В.К. Случевский [10, с. 37].

Данный тезис вызвал ряд ожидаемых возражений. Так, Н.К. Михайловский в работе «Еще о толпе» иронично заметил:

«Ныне вошло в большую моду сваливать все беды на злую природу человека, унаследованную им от далеких предков... Как и всякая мода, она скоро пройдет» [6, с. 451]. В процессах изменения личности толпой он предпочел поставить на первое место то ощущение «бесконтрольной власти и силы», которое «у толпы кружит головы до кровожадности» [6, с. 453]. В свою очередь, Д.Д. Безсонов [1] увидел в рассуждениях об усилении в толпе изначально присущих асоциальных предрасположенностей противоречие с другим принципиально важным положением своего авторитетного предшественника: «...человек с развитым сердцем и с культурным чувством чести не решится приобщиться к толпе, отдавшейся кровожадным инстинктам, а присоединившись к ней и увлекшись ею, проявит более умиротворяющих начал, нежели человек, не обладающий этими личными свойствами» [10, с. 12]. Однако есть основание полагать, что это противоречие мнимое, так как в обоих случаях В.К. Случевским говорилось о возможности сдерживания негативных проявлений бессознательного характера в условиях толпы. В целом следует признать, что суждение о проявлениях некоего «звериного начала» со времен Т. Гоббса [4] сохраняло известную востребованность в общественных науках (см.: С. Сигеле [16, с. 60–62]) и не хуже своих альтернатив позволяло объяснить факт индивидуальных различий при решении проблем, связанных с определением меры вменяемости и степени ответственности участников массовых беспорядков, что для правоведа В.К. Случевского имело особое значение.

Описывая толпу как единый организм, совокупное существо, образованное

доминированием общей идеи и чувства над повседневными заботами каждого, В.К. Случевский не согласился с позицией С. Сигеле [16], предлагавшего отнести к ней суд присяжных, парламентское собрание, ту или иную комиссию. Последовательное противопоставление «личной толпы» подобным социальным объединениям позже позволило Н.К. Михайловскому [6], Д.Д. Безсонову [1], В.М. Бехтереву [3] и А.С. Резанову [9] избежать неоправданно широкого толкования базового понятия, которое было характерно для ряда западноевропейских исследований того времени [13; 16].

Предпринятая В.К. Случевским попытка систематизации свойств этого «организма» основывалась на выделении признаков общих, «вполне космополитического характера», и частных, по совокупности которых «новгородская толпа, действовавшая во времена Великого Новгорода, ...отличается другими красками и контурами, нежели та новгородская толпа, которая в наше время в пределах Тихвинского уезда сжигала колдунью Афросинью» [10, с. 11].

В перечень обязательных, общих для любой толпы, им были включены четыре свойства, а именно:

- чрезвычайная возбудимость по самым ничтожным поводам;
- моноидеизм как господство одной идеи или чувства над остальными, приводящее к тому, что «ничего другого для толпы не существует, там только мрак, в котором ни толпа, ни ее участники в отдельности разобраться не могут и разогнать его не в силах» [10, с. 23];
- легковерие, в силу которого недостаток фактов успешно компенсируется нелепыми домыслами и даже галлюцинациями;

— жестокость действий, подчас достигающая запредельной выраженности.

Как следствие, попадая под влияние толпы, «человек перестает быть вполне нормальным субъектом, он изменяет часто тем обычным свойствам, которые характеризуют его в будничной жизни; он делается таким же возбудимым, легковерным и односторонним в своих суждениях и чувствах, как и сама толпа, и легко превращается в такого же зверя, как она» [10, с. 35].

Надо заметить, что отечественные исследователи толпы высказали возражения против включения некоторых из этих свойств в перечень атрибутивных. В частности, Н.К. Михайловский [6] справедливо отметил, что жестокость не присуща любой толпе, и объяснил акцентирование внимания на ней В.К. Случевского шокирующим впечатлением от холерных беспорядков начала 90-х гг. XIX в., а также влиянием идей С. Сигеле и Г. Тарда. В.М. Бехтерев [3] связал жестокость толпы с проявлением высокой возбудимости, т. е., фактически, признал ее производной от иного атрибутивного признака. Д.Д. Безсонов [1], также усомнившись в неперемнной жестокости толпы, указал, что и ее легковерие является лишь следствием господства устоявшейся идеи, а не самостоятельным признаком. А.С. Резанов [9] счел возможным констатировать, что каждое из этих свойств (за исключением моноидеизма) выделено со значительной степенью голословности, преувеличения и пристрастности.

Что же касается свойств частных, отличающих одни толпы от других, то В.К. Случевский отнес к ним те, которые возникают в силу влияния на окружающих отдельных личностей, а также обус-

ловленные отпечатком национального характера, духом эпохи и особенностями социально-экономического уклада.

Любопытно, что в категорию частных свойств автор анализируемой концепции включил один из признаков толпы, который Г. Тард, напротив, посчитал принципиально значимым, позволяющим с первого взгляда установить, что группа людей «из случайного скопища вдруг стала одной колоссальной личностью, в которой слились тысячи лиц» [17, с. 354]. Речь идет о «коллективном самолюбии», «крайней гордости и тщеславии» [17, с. 355]. Согласно В.К. Случевскому, указанная метаморфоза обусловлена тем, что значительное большинство из состава толп принадлежит к низшим слоям населения, живущим в условиях тягостной борьбы за существование. Неудовлетворенные потребности в признании и уважении в ситуации общественного противостояния получают гипертрофированную реализацию: «Он, этот совсем невидимый человек нагнал на всех страх. Перед ним преклоняют колени и простирают руки потерпевшие, прося его пощады или защиты. Он — полный господин положения... Это ли не обстановка для увлечения, для того, чтобы потерять всякое самообладание!» [10, с. 38].

Характеризуя различия между причинами и поводом к массовой агрессии, В.К. Случевский отметил, что в качестве последнего может выступить любое событие, совершенно не релевантное как имеющимся предпосылкам, так и трагическим последствиям. Так, например, один из ожесточенных погромов начался с разбитой и неоплаченной рюмки в кабаке; холерный бунт вспыхнул во всей разрушительной силе после попытки перенести больную в клинику; военные

беспорядки последовали за дерзким выкриком из строя и т.п. Конкретный повод не важен в тех случаях, когда «накопившиеся в массе идеи и чувства требуют разрешения, и это последнее ожидает лишь внешних условий для своего проявления. Как при одинаково настроенных струнах, удар по одной струне вызывает общее их дрожание, так и в толпе, отдавшейся одному влечению, ничтожное и случайное обстоятельство заставляет... индивидуумов подражать друг другу» [10, с. 17]. По его мнению, в подобных ситуациях вожаками толпы становятся любые лица, активнее других выражающие общие идеи и чувства. В частности, женщины или дети, легче попадая под влияние непосредственного окружения и ситуативных переменных, подчас начинают играть несвойственную им определяющую роль. Что же касается тех, кто не находится под влиянием импульса к немедленным действиям, то они, пришедшие «только посмотреть», своим присутствием придают толпе больше веса и силы, а следовательно, и готовности действовать.

Сравнительно большее внимание, чем его западноевропейские современники, В.К. Случевский уделил социальным факторам, создающим основу для духовного единства толпы. Тягость условий жизни того времени и надежда на скорые изменения собирали приверженцев Разина или Пугачева, надвигающаяся холера будила суеверия и обостряла недоверие к представителям иных сословий, общее обнищание переносило тяжесть неразборчивого народного гнева с ростовщиков и содержателей питейных домов на случайные жертвы — единство в мыслях и переживаниях невозможно без определенной почвы.

Особый интерес в концепции В.К. Случевского вызывает то, что в социальной психологии XX в. получило наименование «посылов к агрессии» [13], ситуативных переменных, которые, невольно ассоциируясь с насилием, «запускают» соответствующую реакцию по типу условного рефлекса. Так, одну из жертв массовой агрессии погубил невольно вырвавшийся жалобный крик, другую — униженные мольбы, третью — не вовремя выпавшее из кармана оружие. Аналогично, толпу погромщиков «звон битого стекла, разлетающиеся по воздуху перья из распоротых перин, крики «Ломай! Бей!» и тем более вид крови, страданий и смерти электризует... и заставляет развивать страшную стихийную разрушительную силу» [10, с. 35]. Под впечатлением такого рода импульсов, ломающих последние барьеры на пути «кровожадного инстинкта», толпа переходит от убийств к глумлению над трупами, бессмысленному уничтожению домашних животных и разрушению до основания жилищ своих жертв.

В статье, основу которой составил доклад, прочитанный в уголовном отделе Петербургского юридического общества, В.К. Случевский не мог обойти вниманием проблему общественной опасности агрессивной толпы. Среди способов противодействия массовому насилию он выделил три аспекта: предупреждения, пресечения и уголовного преследования.

Диапазон мер *предупреждения*, по его мнению, чрезвычайно широк: «все, способное отвлечь толпу от давления того чувства, на котором она сосредоточилась, и способное благотельно повлиять на нее, освободив личность слившегося с толпой человека от гнета, от угроз и возбуждаемого ею страха, — все это должно

быть применимо» [11, с. 18]. Рассуждая о том, что не существует никаких универсальных рецептов, В.К. Случевский, помимо традиционной тактики уговоров и запугиваний со стороны властей, отмечал уместность обращения к нравственному и религиозному чувству собравшихся, а также высоко оценивал роль умело брошенного в толпу острого словца или находчивого действия, начиная от своевременной демонстрации портретов государя до подкупа водкой (!).

В отношении мер пресечения массовой агрессии автор, ссылаясь на закон от 3 октября 1877 г., регламентировавший применение военной силы для подавления беспорядков¹, писал: «если меры убеждения и успокоения толпы не найдены, то необходимо прибегнуть к самым крайним способам действия для того, чтобы сдержать осуществление преступных инстинктов толпы. Дикий зверь вышел из клетки, стихийная сила перешла тот рубикон, за которым создается опасность для личности, общества и государства и начинается ряд преступных действий, вредные последствия которых невозможно даже предусмотреть» [11, с. 21]. Надо заметить, что в этом его позиция не отличалась от рассуждений С. Сигеле [16] и Г. Тарда [17] о допустимости любых способов защиты общественного порядка от агрессивной толпы.

В том, что касается уголовного преследования за преступления, совершенные в составе толпы, В.К. Случевский выделил несколько значимых проблем юридического характера. Во-первых, далеко не всегда суд способен обоснованно отделить виновных от соучастников, свидетелей или потерпев-

ших, хотя бы потому, что в толпе «жертвами насилия могут сделаться и те, и другие, и третьи» [11, с. 15]. Во-вторых, гораздо проще осудить, к примеру, лиц, разрушивших здание, но не всегда очевидна вина тех, кто снабдил их нужным инструментом, уничтожил отнесенный в сторону материал, каким-то образом затруднил действия правоохранителей или ограничился лишь выражением одобрения разрушителям. В-третьих, перед судом нередко предстают только те, кого задерживали целыми группами в спешке, сгоряча. Среди них преобладают пассивные элементы толпы, отставшие от ее ядра или не сопротивлявшиеся аресту, тогда как подлинные «ководы смуты» ускользают. В-четвертых, подсудимые, в прошлом попавшие под влияние толпы, в ожидании приговора пребывают уже в ином состоянии — подавленности и раскаяния, не представляя больше угрозы для общественного порядка.

Констатируя, что законодательство Российской империи позволяет распространить ответственность за содеянное на любого человека, примкнувшего к толпе (за исключением невменяемых по болезни лиц), В.К. Случевский настаивал на том, чтобы судебная власть в своих действиях исходила из приоритета общественной пользы и справедливости. С его точки зрения, уголовная кара должна распространяться только на тех, кто играл руководящую роль и своим примером увлекал других на путь преступления. Что же касается пассивного элемента толпы, на время поддавшегося чужому влиянию, то «уголовно-политические соображения могут побудить желать не столько наказания лиц, появив-

¹ По этому закону использование оружия допускалось как крайняя мера по исчерпанию всех других средств, применяемая только после трехкратного о том предупреждения сигналами и трубами, горном или барабаном (Приложение к статье 541 т. II свода законов по продолжению 1886 г.).

ших уже безумие своих действий, сколько забвения совершенного» [11, с. 16].

Рассуждая об особой значимости гуманизма и христианского милосердия «в наше склонное к озлоблению время» [11, с. 18], В.К. Случевский не мог и подозревать о том, что несет для России грядущий «век толп». Его концепция оказала заметное влияние на развитие представ-

лений о стихийных объединениях в отечественной общественно-научной мысли, но время существования самой этой традиции оказалось непродолжительным. Когда же после долгого перерыва российские исследователи вновь обратились к изучению толпы, вклад В.К. Случевского в данную проблематику остался в ряду несправедливо забытых.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Теории толпы в отечественной психологической мысли конца XIX— начала XX вв.», проект № 15-06-10091а.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безсонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. 480 с.
2. *Белинская Е.П.* У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 1. С. 9–18.
3. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921. 432 с.
4. *Гоббс Т.* Левиафан // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 5–285.
5. *Горбатов Д.С.* Теория «героев и толпы» Н.К. Михайловского: основные идеи // Социальная психология и общество. 2014. № 4. С. 5–13.
6. *Михайловский Н.К.* Сочинения: в 6 т. Т. 2. СПб.: Русское богатство, 1896. 886 стб.
7. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
8. *Почебут Л.Г.* Социальная психология толпы. СПб.: Речь, 2004. 240 с.
9. *Резанов А.С.* Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава: Варшавская эстетич. тип., 1910. 103 с.
10. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 4. С. 5–38.
11. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 5. С. 5–23.
12. *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. М.: ИФРАН, 2001. 229 с.
13. *Berkowitz L.* The frustration-aggression hypothesis revisited // Roots of aggression: A re-examination of the frustration-aggression hypothesis / Ed. L. Berkowitz. N.Y.: Atherton Press, 1969. P. 1–28.
14. *Von G., Le.* Psychologie des foules. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1895. 200 p.
15. *Fourmial H.* Essai sur la psychologie des foules: considerations medico-judiciaires sur les responsabilites collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
16. *Sighele S.* La foule criminelle. Essai de Psychologie Collective. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1892. 185 p.
17. *Tarde G.* Les crimes des foules // Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique. 1892. Т. 7. P. 353–386.

The Phenomenon of the Crowd in Russian Psychology: V.K. Sluchevsky's Concept

D.S. GORBATOV*,
Saint Petersburg, Russia,
gorbatov.rus@gmail.com

The article describes the concept of the crowd proposed by a Russian lawyer and public figure V.K. Sluchevsky (1893). It focuses on its principal differences from other concepts of this initial period and reveals the moral potential of Sluchevsky's views in psychology. Among the issues that were of particular interest to the author of one of the first concepts of spontaneous groups were the specifics of the crowd as a social association, features of the crowd, factors of its formation, changes in personality of individuals, and problems concerning the prevention and punishment of mass crimes.

Keywords: *crowd, V.K. Sluchevsky's concept of crowd, features of a crowd, influence on personality, mass aggression, resisting mass aggression.*

Acknowledgements

The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities ("Theories of crowd in Russian psychological thought of the late 19th-- early 20th centuries", project № 15-06-10091).

REFERENCES

1. *Bezsonov D.D.* Massovye prestupleniya v obshchem i voenno-ugolovnom prave [Mass crimes in general and military criminal law]. Saint Petersburg: tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1907. 480 p.
2. *Belinskaya E.P.* U istokov sotsial'noi psikhologii: sravnitel'nyi analiz "psikhologii mass" G. Lebona i kontseptsii "geroev i tolpy" N.K. Mikhailovskogo [At the origins of social psychology: A comparative analysis "psychology of the masses" by G. le Bon and the concept of "heroes and crowds" by N.K. Mikhailovsky]. Bulletin of Moscow University. Ser. 14. Psychology. 2012. № 1. P. 9–18.
3. *Bekhterev V.M.* Kollektivnaya refleksologiya [Collective reflexology]. Petrograd: Kolos, 1921. 432 p.
4. *Hobbes T.* Leviatan [Leviathan]. Sochineniya [Writing]: v 2 t. T. 2. Moscow: Mysl', 1991. P. 5–285.

For citation:

Gorbatov D.S. The Phenomenon of the Crowd in Russian Psychology: V.K. Sluchevsky's Concept. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 21–29. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060302.

* *Gorbatov Dmitriy* – Doctor in Psychology, professor at the Department of Management in Mass Communications, Faculty of Applied Communications, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, gorbatov.rus@gmail.com

5. *Gorbatov D.S.* Teoriya "geroev i tolpy" N.K. Mikhailovskogo: osnovnye idei [Mikhailovsky's theory of "heroes and crowd": Main ideas]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2014. № 4. P. 5–13.
6. *Mikhailovskii N.K.* Sochineniya [Writing]: v 6 t. T. 2. Saint Petersburg: Russkoe bogatstvo, 1896. 886 p.
7. *Moskovichi S.* Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psikhologii mass [Century of crowds. The historical treatise on psychology of masses]. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. 480 p.
8. *Pochebut L.G.* Sotsial'naya psikhologiya tolpy [Social psychology of the crowd]. Saint Petersburg: Rech', 2004. 240 p.
9. *Rezanov A.S.* Armiya i tolpa. Opyt voennoi psikhologii [The army and the crowd. The experience of military psychology]. Warsaw: varshavskaya estetich. tip., 1910. 103 p.
10. *Sluchevskii V.K.* Tolpa i ee psikhologiya [Crowd and its psychology]. *Knizhki nedeli* [Books of the week]. 1893. № 4. P. 5–38.
11. *Sluchevskii V.K.* Tolpa i ee psikhologiya [Crowd and its psychology]. *Knizhki nedeli* [Books of the week]. 1893. № 5. P. 5–23.
12. *Kheveshi M.A.* Tolpa, massy, politika: Ist.-filos. ocherk [Crowd, masses, policy: Historico-philosophical essay]. Moscow: IFRAN, 2001. 229 p.
13. *Berkowitz L.* The frustration-aggression hypothesis revisited. *Roots of aggression: A re-examination of the frustration-aggression hypothesis* / Ed. L. Berkowitz. N.Y.: Atherton Press, 1969. P. 1–28.
14. *Bon G., Le.* Psychologie des foules. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1895. 200 p.
15. *Fournial H.* Essai sur la psychologie des foules: considerations medico-judiciaires sur les responsabilites collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
16. *Sighele S.* La foule criminelle. *Essai de Psychologie Collective*. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1892. 185 p.
17. *Tarde G.* Les crimes des foules. *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*. 1892. T. 7. P. 353–386.

Ситуация развода как предмет отечественных социологических и социально-психологических исследований семейных отношений

И.С. КЛЁЦИНА*,
Санкт-Петербург, Россия,
irinaklyotsina@mail.ru

В статье осуществлен социально-психологический анализ публикаций, посвященных изучению особенностей ситуации развода в супружеских отношениях с учетом причин и последствий развода для супругов и детей. В качестве основного фактора, приводящего к разводам, предлагается рассматривать такой социально-психологический феномен, как «неконструктивные супружеские отношения». Особое внимание уделено характеристикам партнерской модели супружеских отношений, которая может быть использована в качестве нормативного образца, способствующего стабилизации семейно-брачных отношений. В отличие от существующих трактовок развода как разрыва семейных отношений предлагается понимание и оценка феномена развода как этапа трансформации супружеских и детско-родительских отношений.

Ключевые слова: развод в практике семейных отношений, супружеские отношения, партнерская модель супружеских отношений, неконструктивные супружеские отношения, семейно-брачные отношения, детско-родительские отношения.

Одна из тенденций, характеризующих состояние современной семьи, связана с ростом числа разводов¹. Развод в практике семейных отношений в совре-

менном обществе предстает как весьма распространенное явление, оказывающее влияние на жизненные ситуации и психологическое самочувствие большо-

Для цитаты:

Клёцина И.С. Ситуация развода как предмет отечественных социологических и социально-психологических исследований семейных отношений // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 30—45. doi: 10.17759/sps.2015060303.

* *Клёцина Ирина Сергеевна* — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВПО РГПУ имени А.И. Герцена), Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru

¹ Анализ демографических показателей по данным Федеральной службы государственной статистики [6] за последние несколько десятилетий свидетельствует о заметной тенденции увеличения количества разводов: в 1950 г. в расчете на 10000 человек населения приходилось 5 разводов, в 1970 г. их число составило 30, в 1990 г. — 38, а в 2010 г. этот показатель увеличился до 45 разводов на 10000 человек.

го числа людей. Озабоченность ростом числа разводов и последствиями этой ситуации для членов семьи находит отклик в общественном сознании и побуждает представителей дисциплин социогуманитарной направленности исследовать этот сложный феномен, затрагивающий социальную и психологическую стороны жизни людей.

В поле зрения социологов и психологов включен широкий спектр тем, связанных с исследованием особенностей проявления феномена развода: анализ количественных показателей и тенденций «разводимости» [14; 29]; изучение оценки развода в общественном сознании и публичном дискурсе [11; 29]; выявление общих условий и факторов, дестабилизирующих супружеские отношения [10; 24; 28; 30]; изучение влияния развода на психическое и соматическое здоровье супругов и детей [3; 19; 23; 27; 31]; характеристика практик постразводного родительства [22]; поиск путей и способов коррекции бракоразводных установок супругов, а также направлений работы по формированию типов супружеских отношений, повышающих стабильность семьи и исключающих развод [1; 23].

Анализ отечественных научных публикаций, посвященных проблематике развода, показал, что, несмотря на актуальность данной темы, в последнее десятилетие было проведено совсем немного исследований, позволяющих увидеть тенденции и новые аспекты проблематики разводов на фоне трансформирующихся семейно-брачных отношений. Ощущается недостаток работ, обобщающих результаты социологических и психологических исследований.

В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел посредством

анализа современных отечественных исследований по проблеме разводов с позиции социологического и социально-психологического знания, что позволяет сформировать видение феномена развода в объединенном социо-психологическом контексте.

Для реализации данной цели необходимо: *во-первых*, конкретизировать *социально-психологическую специфику* изучения феномена развода, т.е. показать отличия социально-психологического подхода в исследовании этого сложного феномена от подходов, используемых в других дисциплинах социогуманитарной сферы; *во-вторых*, используя концептуально-понятийный аппарат социальной психологии, прояснить *сущность и основные характеристики данного феномена*, включающие основные условия и факторы его возникновения и его последствий для членов семьи.

Социально-психологическая специфика изучения какого-либо феномена (и ситуации развода в том числе) может быть определена при обращении к вопросу о понимании статуса социальной психологии как научной сферы знания. Общепризнанной является точка зрения о существовании тесных связей социальной психологии с социологией и психологией, выступающих в качестве ее «родительских дисциплин» [2]. Поэтому социально-психологическое изучение различных феноменов закономерно включает анализ теоретических и эмпирических исследований, проведенных не только психологами, но и социологами.

Кроме того, в социальной психологии реализуется целостный интегрированный подход к изучению трех основных элементов социально-психологической реальности: 1) внутреннего мира инди-

вида; 2) межличностного взаимодействия в конкретной ситуации; 3) социального контекста жизни и деятельности людей. Все эти составляющие явно представлены в ситуации развода, поэтому концептуально-понятийный аппарат социальной психологии адекватен для изучения содержания феномена развода.

Сущностные характеристики феномена развода могут быть определены в контексте анализа общих подходов к пониманию семьи и брака в социологии, психологии и социальной психологии.

В социологической науке акцент при изучении семьи и брака сделан на понимании семьи как социального феномена, имеющего существенные черты социального института и малой социальной группы [33, с. 701]. «Социологический подход к изучению семьи сосредоточен на институциональных изменениях семьи, на смене типов организации структур семейной жизнедеятельности в конкретных исторических обстоятельствах» [30, с. 11]. Социальный институт семьи на уровне макроанализа характеризует само состояние общества и успех социальной системы в целом [4].

При анализе семьи как социального института обычно рассматриваются образцы семейного поведения, характер распределения ролей в семье, специфика формальных и неформальных форм и санкций в сфере брачно-семейного взаимодействия, специфичного для тех или иных социальных групп [33, с. 701].

Психологический подход в изучении семьи обусловлен пониманием семьи как феномена, тесно связанного с человеческими эмоциями, переживаниями, убеждениями и отношениями [24], а семейный контекст рассматривается как среда социализации и развития личности [21].

Особое внимание в психологии семьи уделено психологическим особенностям всех членов семьи, влияющих на качество семейных отношений. Предметом исследования являются личностные особенности супругов в их связи с удовлетворенностью браком, психологические характеристики родителей и детей в контексте эффективности воспитания, индивидуально-личностные особенности других членов семьи как фактор, влияющий на стили взаимодействия и жизненный цикл семьи. В последние годы широкое распространение в психологии семьи получил системный подход, в соответствии с которым «семья рассматривается как социальная система, объединяющая группу людей и их взаимоотношения, т. е. это комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом» [21, с.10].

В социальной психологии семья рассматривается в качестве примера естественной малой группы [2]. Социальная психология семьи занимается изучением таких проблем, как установки на брак и детерминанты выбора брачного партнера, мотивы и причины семейных конфликтов, супружеские и детско-родительские отношения. Акцент сделан на понимании семьи как социально-психологической целостности. Также большое внимание уделяется поиску такого типа отношений в семье, который приводит к устойчивому ее функционированию. Базовая для социальной психологии категория «*отношения*» в социальной психологии семьи играет ведущую роль, поскольку изучение значительного числа семейных проблем включает анализ характера *межличностных отношений*. В определениях, раскрывающих суть понятия «*межличностные отношения*» [10;

17; 20], выделяются следующие основные характеристики отношений между людьми: наличие реального непосредственного или опосредованного контакта между людьми и наличие обратной связи между ними. Само функционирование семьи, разные семейные проблемы в значительной степени обусловлены характером супружеских, детско-родительских, родственных взаимоотношений и взаимодействий.

Можно отметить, что некоторые темы изучаются представителями всех трех вышеназванных дисциплин (например, ролевая структура семьи, распределение власти в семье, цикл жизнедеятельности семьи, межкультурное взаимодействие), однако для социологии, психологии и социальной психологии в исследовании семьи характерны свои специфические акценты и круг изучаемых проблем.

Рассмотрение общих подходов к пониманию семьи и брака в социологии, психологии и социальной психологии позволяет обратиться к пониманию ситуации развода в этих отраслях научного знания.

В социологическом словаре развод определяется как социально санкционированный распад брака [5, с. 125]. Другими словами, развод — это распад семьи, разрушение брака как социального института.

Социолог А.Б. Синельников трактует развод в качестве «домашней революции». Исследователь указывает на то, что семья как ячейка общества разрушается инициатором развода, который стремится заключить более удачный брак, выдвигая на первый план свои собственные интересы, а не интересы детей. Когда инициатором развода становится муж, как правило, происходит ослабле-

ние его взаимодействий с детьми (особенно в случае создания им новой семьи). Когда развод является инициативой жены, она стремится убедить окружающих и саму себя, что ребенку будет лучше, если он останется жить с одной мамой, а не с обоими родителями, которые конфликтуют [26].

Среди социологов, по утверждению С.И. Голода [11, с. 78.], достаточно широко распространена точка зрения, согласно которой ситуация развода и рост числа разводов рассматривается как однозначно негативное явление и интерпретируется как трагедия, свидетельство дезорганизации семьи с акцентом исключительно на негативных последствиях, особенно для детей.

Психологами ситуация развода тоже, как правило, оценивается негативно: «под разводом понимают разрыв супружеских отношений в юридическом, экономическом и психологическом плане, что влечет за собой реорганизацию семейной системы» [23, с. 111].

В психологической литературе имеет место точка зрения о том, что развод — это ненормативный семейный кризис, который связан с продолжительностью и болезненностью переживаний членов семьи и с его дестабилизирующим влиянием на всю систему семейных отношений [23].

Есть и другие точки зрения, в рамках которых оценка развода не столь негативна. Так, в работе С.И. Голода оценка развода связана с рассмотрением этого феномена как важного компонента современной семейной системы, который способствует предотвращению перманентного конфликта в обстоятельствах совместного проживания двух взрослых людей [11].

С позиции социально-психологического знания для оценки ситуации развода важно концентрировать внимание не на какой-то одной стороне этого явления, а рассматривать последствия для трех основных составляющих социопсихологической реальности: для общества, для супругов и для их детей.

Для общества главными функциями семьи являются репродуктивная и воспитательная. В условиях значительно распространившейся малолетности развод практически не оказывает влияния на уровень рождаемости [28].

В отношении качества воспитания детей в семьях разведенных родителей данные исследований неоднозначны. Выполнение воспитательных функций разведенными родителями в значительной мере обусловлено стилем их общения и взаимодействия в предразводный и постразводный периоды отношений. Взаимная ярко выраженная враждебность и неконструктивное поведение бывших супругов по отношению друг к другу снижают их воспитательный родительский потенциал.

Для супругов развод — это разрушение границ супружеской подсистемы, поэтому переживания, связанные с разводом, в той или иной степени затрагивают обоих супругов независимо от того, кто был его инициатором [24].

Для мужчин в ситуации развода характерны переживания за ребенка, с которым он зачастую оказывается разлученным, а также негативные эмоциональные состояния, связанные с сожалением о принесенных жертвах ради бывшей супруги и/или семьи. Мужчиной это воспринимается как напрасно растроченные ресурсы и неоправданное предательство собственных идеалов [13].

В содержании женских переживаний ситуации развода важную роль играют эмоциональные состояния, связанные с желанием отомстить бывшему мужу, а также те, которые имеют своим источником страх перед будущим (дети, общественное мнение, материальное благополучие) [13].

Однако ситуация развода в конфликтной семье дает шанс на более счастливую жизнь для взрослых членов семьи — у мужчин и женщин, которые развелись, появляется возможность создать новую семью, с типом отношений, удовлетворяющих личностные потребности партнеров.

Для детей в ситуации развода родителями предоставляется возможность избежать жизни в дисфункциональной и недружелюбной семье. Распространение практики постразводного родительства позволяет компенсировать для детей издержки распада семьи. Большинство детей, чьи родители развелись, нормально развиваются и хорошо адаптируются в сложившейся ситуации. Безусловно, развод — негативное явление семейной жизни, но дети, воспитанные в конфликтном браке, испытывают не меньше проблем в собственных семейных отношениях, чем дети разведенных родителей [25].

Сам факт развода одновременно не приводит к прекращению всех контактов в междупружеском взаимодействии, поскольку между партнерами, как правило, продолжают обсуждаться по поводу материально-бытовых вопросов и исполнения родительских обязанностей.

Учитывая социальный и психологический контекст постразводной ситуации, предлагается оценивать развод не как разрыв супружеских отношений, а

как этап модификации отношений партнеров. Развод — это изменения, а не распад системы семейных отношений. В семье взрослые выполняют одновременно и супружеские (жены или мужа), и родительские (матери или отца) роли, в ситуации развода происходит модификация набора ролей субъектов семейных отношений: супружеские роли формально исчезают, а родительские сохраняются.

С точки зрения В.В. Солодникова, семья, пережившая развод, не может однозначно быть отнесена к социально-дезадаптированному типу семьи. В силу сохраняющейся эмоциональной привязанности между супругами и выполнения ими родительских обязанностей такая семья может приближаться к социально-адаптированной семье [29, с. 139].

Таким образом, с позиции социально-психологического знания развод можно рассматривать как определенный этап трансформации отношений в некоторых семьях, причем это касается и супружеских, и детско-родительских отношений.

Одним из источников информации (используемых, в большей мере, социологами), позволяющих изучать условия и факторы, приводящие к разводу в супружеских отношениях, выступают результаты опросов общественного мнения. В табл. 1 представлены результаты анализа ответов на вопросы о факторах, вынуждающих людей к разводам (по данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения за 1990, 2007, 2013 гг. [8; 9; 15]).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, чаще всего вынуждает людей к разводам?»²(%)

Причины разводов	Год проведения опроса		
	1990	2007	2013
Алкоголизм, наркомания одного из супругов	33	51	16
Отсутствие собственного жилья	21	41	3
Ничто не вынуждает, в разводе виноваты сами супруги	34	31	1
Невозможность прокормить семью	8	29	21
Вмешательство родственников в дела семьи	17	18	1
Невозможность иметь детей	10	10	1
Длительное раздельное проживание	7	8	-
Тюремное заключение одного из супругов	4	3	-
Хроническая болезнь одного из супругов	3	2	-
Измена одного из супругов	-	-	24
Неумение идти на компромиссы, уступать друг другу, непонимание, эгоизм, ссоры	-	-	19
Несовпадение характеров, разные взгляды на жизнь	-	-	8
Бытовые проблемы	-	-	7
Чувства остывают	-	-	5
Безответственность, невнимание к семейным ценностям	-	-	3
Ревность, недоверие, подозрения	-	-	3

² Возможен выбор не более трех ответов; в опросе 2013 г. изменилось количество предлагаемых вариантов (отсутствующие варианты помечены знаком «-»).

Причины разводов	Год проведения опроса		
	1990	2007	2013
Рукоприкладство, насилие в семье	-	-	1
Неудовлетворенность в сексуальной жизни	-	-	1
Ранний или неравный брак	-	-	1
Различия в социальном статусе супругов	-	-	1
Так складываются обстоятельства, у каждого развода — своя причина	-	-	4
Что-либо еще	3	5	1
Затрудняюсь ответить	13	2	17

Наиболее весомые причины развода можно объединить в три группы:

- обстоятельства жизненной ситуации (**социальные факторы**) — *отсутствие собственного жилья, невозможность прокормить семью, вмешательство родственников в дела семьи, длительное раздельное проживание;*
- особенности здоровья личности и ее поведения (**психолого-физиологические факторы**) — *алкоголизм, наркомания одного из супругов, невозможность иметь детей, хроническая болезнь одного из супругов, измена одного из супругов;*
- нарушенные отношения между супругами (**социально-психологические факторы**) — *неумение идти на компромиссы, уступать друг другу, непонимание, эгоизм, ссоры; несовпадение характеров, разные взгляды на жизнь; неумение решать бытовые проблемы.*

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что в 2013 г. произошло смещение акцентов в плане выбора возможных причин разводов.

Значимые 20 и 15 лет назад причины, связанные с обстоятельствами жизненной ситуации (отсутствие собственного жилья, вмешательство родственников в дела семьи), а также с невозможностью иметь детей, в настоящее время не играют, по мнению россиян, важной роли при решении о разводе. В соответствии с

имеющимися данными можно сделать вывод о **переключении внимания с факторов окружения в плоскость межличностных отношений в семье.**

Дальнейший анализ данных предполагает построение рейтинга наиболее весомых, по мнению россиян, причин, вынуждающих людей к разводам. Для каждого из периодов было выбрано по пять вариантов ответов, которые оказались наиболее популярными среди опрошенных. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Анализ результатов, представленных в табл. 2, показывает, что наибольшую роль в перечне причин развода играют **социально-психологические факторы** (27%), которые отражают нарушения в системе супружеских отношений — *неумение идти на компромиссы, уступать друг другу, непонимание, эгоизм, ссоры (19%) и несовпадение характеров, разные взгляды на жизнь (8%).*

Анализ социально-психологических публикаций по проблеме развода, представленных в работе В.В. Солодникова [28], подтверждает вывод о высокой значимости социально-психологических факторов, препятствующих стабильности брака в молодой семье. Это следующие факторы: 1) расхождение репродуктивных установок мужа и жены; 2) расхождение установок супругов относи-

Рейтинг основных причин разводов, по мнению россиян³

Рейтинг	Год проведения опроса		
	1990	2007	2013
1	Ничто не вынуждает, разводе виноваты сами супруги (34%)	Алкоголизм, наркомания одного из супругов (51%)	Измена одного из супругов (24%)
2	Алкоголизм, наркомания одного из супругов (33%)	Отсутствие собственного жилья (41%)	Невозможность прокормить семью (21%)
3	Отсутствие собственного жилья (21%)	Ничто не вынуждает, в разводе виноваты сами супруги (31%)	Неумение идти на компромиссы, уступать друг другу, непонимание, эгоизм, ссоры (19%)
4	Вмешательство родственников в дела семьи (17%)	Невозможность прокормить семью (29%)	Алкоголизм, наркомания одного из супругов (16%)
5	Невозможность иметь детей (10%)	Вмешательство родственников в дела семьи (18%)	Несовпадение характеров, разные взгляды на жизнь (8%)

тельно характера главенства в семье; 3) расхождение установок супругов по поводу распределения хозяйственно-бытовых обязанностей; 4) расхождение установок супругов относительно совместности/раздельности проведения домашнего/внедомашнего досуга; 5) отсутствие доверия и поддержки со стороны другого супруга.

Расхождения в социальных установках мужей и жен по поводу организации внутрисемейного взаимодействия приводят к конфликтам и дестабилизируют отношения, создавая угрозу существованию брака.

В психологических исследованиях, анализирующих причины развода, подчеркивается ведущая роль следующих факторов: изменение в поведении одного из супругов, вызывающих дестабилизацию супружеских отношений; нарушение представлений супругов о семье и личности друг друга [32]; невозмож-

ность удовлетворения в данном брачном союзе потребностей и желаний супругов [23]. Переживание одним из супругов длительной депривации таких значимых потребностей, как потребность в уважении, поддержке, безопасности, признании, интимности, приводит к разводу, поскольку эти потребности могут быть удовлетворены только в диадных, межличностных отношениях [24].

Результаты социологических и психологических исследований свидетельствуют о том, что основными причинами расторжения брака являются не социальные и материальные причины, а психологические мотивы, обусловленные нарушением системы супружеских отношений.

Этот вывод находит подтверждение в оценках практических психологов, сформулированных на основе психотерапевтической работы с клиентами в ситуации развода. Так, в статье семейных психоте-

³ Приведены по пять причин, поддержанных наибольшим количеством респондентов; не учитывались позиции «затрудняюсь ответить».

рапевтов А.Я. Варги и В.Г. Будинайте подчеркивается, что «...все чаще поводом к разводу становятся не просто измена, появление нового партнера или бытовые несогласия, а поиск более устраивающего, личностного, эмоционального взаимодействия. Это один из существенных мотивов развода сегодня, когда партнер перестал быть интересен, когда контакт не устраивает, недостаточно насыщен, недостаточно “теплый” и пр.» [7, с. 23].

Именно в сфере отношений, не удовлетворяющих психологические потребности супругов, сосредоточены основные причины разводов. О повышении значимости для стабильности брака психологизации и интимизации супружеских отношений, с акцентом на взаимопонимании писал в своих работах С.И. Голод [11; 12], а И.С. Кон подчеркивал, что «нестабильность отношений — прямое следствие ускорения ритма жизни и роста индивидуальной избирательности и вариативности» [18, с. 59].

Итак, социально-психологический анализ причин развода позволяет сделать вывод о том, что ведущую роль в стабилизации супружеских отношений играет модель, основанная на идее **партнерства** в отношениях, которая в отличие от традиционной модели семьи (базирующейся на **доминировании и подчинении** в отношениях) способствует построению конструктивных взаимодействий между партнерами.

Новые тенденции в сфере семейно-брачных отношений характеризуют превращение брака в свободное партнерство, основу которого составляют равноправные отношения представителей разного пола. Такая семья отвечает потребности человека в личном жизненном пространстве и независимости, членов семьи объединяют взаимные чувства и потребность в близости и приватности [16].

В табл. 3 приведены характеристики партнерской и доминантно-зависимой моделей семейных отношений.

Таблица 3

Содержательные характеристики партнерской и доминантно-зависимой моделей семейных отношений

Параметры анализа модели отношений в семье	Партнерская модель: характеристика отношений в семье	Доминантно-зависимая модель: характеристика отношений в семье
Характер распределения ролей между супругами	<ul style="list-style-type: none"> • Гибкий вариант распределения ролей и обязанностей, взаимозаменяемость ролей. Роли в семье распределены с учетом индивидуальных склонностей и возможностей их исполнения. • Время, затрачиваемое на выполнение обязанностей по обеспечению жизнедеятельности семьи, примерно равное у мужа и жены. 	<ul style="list-style-type: none"> • Жесткий вариант распределения ролей в семье: мужья ответственны за материальное обеспечение семьи, а жены — за все внутрисемейные обязанности. • Время, затрачиваемое на выполнение обязанностей по обеспечению жизнедеятельности семьи, распределяется неравномерно: либо у мужа, либо у жены существенное превышение временных затрат.

Параметры анализа модели отношений в семье	Партнерская модель: характеристика отношений в семье	Доминантно-зависимая модель: характеристика отношений в семье
	<ul style="list-style-type: none"> • Жены, наряду с мужьями, исполняют роль ответственного за материальное обеспечение семьи, а мужья наряду с женами включены в повседневные хозяйственно-бытовые обязанности, уход за детьми и их воспитание 	<ul style="list-style-type: none"> • Жены не берут на себя ответственность за материальное обеспечение семьи (считая это исключительно мужской обязанностью), а мужья слабо вовлечены в повседневные хозяйственно-бытовые вопросы, уход за детьми и их воспитание
Характер распределения власти между супругами	<ul style="list-style-type: none"> • Решения принимаются согласованно, никто из супругов не занимает доминирующую позицию в принятии решений, важных для семьи. • Руководство базируется на основе компетентности одного из супругов по поводу конкретных вопросов. • Нет соперничества и борьбы за власть в семье 	<ul style="list-style-type: none"> • Один из супругов занимает доминирующую позицию в принятии решений по вопросам, значимым для жизнедеятельности семьи. • Руководство базируется на силе, на основе демонстрируемой авторитарной позиции одного из супругов. • Либо муж, либо жена злоупотребляют властью. Супруги соперничают друг с другом, явно или скрыто борются за власть
Особенности взаимодействия и общения супругов	<ul style="list-style-type: none"> • Признание ценности личности друг друга и проявление уважения к личным делам, интимным сторонам жизни без посягательства на индивидуальную сферу жизни без разрешения. • Частые проявления симпатии, расположенности, признательности в повседневном общении. • Направленность на психологическую поддержку партнера в разных ситуациях. • Конструктивный способ разрешения конфликтов 	<ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие признания ценности личности партнера и проявление неуважения к личным делам, интимным сторонам жизни, тотальная подконтрольность поведения. • Редкие проявления симпатии, расположенности, признательности в повседневном общении. • Отсутствие выраженной направленности на психологическую поддержку партнера. • Деструктивный способ разрешения конфликтов

Достижение в семейной жизни типа отношений, выстроенных на модели партнерства, оказывается нелегкой задачей. Этому, прежде всего, мешает распространенность в общественном сознании традиционно-консервативных взглядов по поводу ролевого пове-

дения мужчин и женщин в семье. Например, считается, что: 1) для женщины семья и дети важнее, чем для мужчины; 2) всем женщинам необходимо быть матерями; 3) именно на женщине, а не на мужчине лежит основная ответственность за сохранение семьи; 4) в

случае развода для ребенка всегда лучше остаться с матерью, чем с отцом; 5) если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях.

Подводя итоги настоящей статьи, следует, прежде всего, отметить, что социальная психология как сфера научного знания благодаря своему концептуально-понятийному аппарату позволяет изучать ситуацию развода в супружеских отношениях всесторонне, интегрируя результаты социологических и психологических научных исследований.

В качестве ведущего фактора, дестабилизирующего всю систему взаимодействий в семье, предлагается рассматривать такой социально-психологический феномен, как «неконструктивные супружеские отношения». Партнерская модель супружеских отношений может быть использована в качестве нормативного образца, способствующего стабилизации семейно-брачных отношений.

В отличие от социологического подхода развод в социальной психологии предлагается понимать не как разрыв семейных отношений, а как этап трансформации супружеских и детско-родительских отношений.

Представленные результаты аналитического исследования могут быть использованы специалистами, работающими с семьей на разных этапах ее развития:

– в предразводной ситуации усилия практиков могут быть направлены на формирование партнерской модели супружеских отношений, повышающих стабильность семьи и исключающих развод, а также на коррекцию бракоразводных установок супругов;

– в период процесса развода помощь членам семьи может заключаться в направлении психологической поддержки и активизации личностных ресурсов для совладания с трудной ситуацией;

– в постразводный период важна помощь членам семьи по перестройке отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. 2-е изд. М.: Класс, 2000. 208 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 364 с.
3. Андреева Т.В. Психология семьи: учеб. пособие. 3-е изд. СПб.: Питер, 2014. 336 с.
4. Антонов А.И. Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. С. 182–198.
5. Большой толковый социологический словарь (Collins): в 2-х т. Т. 2 (П-Я) / Джери Д., Джери Дж; пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.
6. Браки и разводы: официальная статистика [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#) (дата обращения 07.02. 2015).
7. Варга А.Я., Будинайте В.Г. Современный брак: новые тенденции. Вып. 5. Системная терапия супружеских пар. / Сост. А.Я. Варга; под общ. ред. К. Ягнюк; науч. ред. А.Я. Варга. М.: Когито-Центр, 2012. С. 9–26.

8. Всероссийский опрос ВЦИОМ, 25 февраля 2007 года: Вопрос 31: «Что, по Вашему мнению, чаще всего вынуждает людей к разводам?» [Электронный ресурс] // База данных исследований ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=418&q_id=33581&date=25.02.2007 (дата обращения: 07.02. 2015).
9. Всероссийский опрос ВЦИОМ, 6 марта 2013 года: Вопрос 33: «Что, по Вашему мнению, чаще всего вынуждает людей к разводам?» [Электронный ресурс] // База данных исследований ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=916&q_id=63412&date=30.06.2013 (дата обращения: 07.02. 2015).
10. *Гозман Л.Я.* Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987. 176 с.
11. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.
12. *Голод С.И.* Стабильность семьи. Социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 158 с.
13. *Гришунина Е.В.* Когнитивно-эмоциональная структура переживаний сложных жизненных ситуаций на примере миграции и развода // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 4. С. 130–152.
14. *Заикина Г.А., Фотеева Е.В., Доэрти У., Хоган М.Дж.* Развод в России и США // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. С. 67–85.
15. Исследование Омнибус ВЦИОМ 1990-3: Вопрос 76: «Что, по Вашему мнению, чаще всего вынуждает людей к разводам?» [Электронный ресурс] // Единый архив экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/lin_que.shtml?В=Показать+линейные+распределения&NQ=89334&sch_xml=1&en=0 (дата обращения: 07.02. 2015).
16. *Клёцина И.С.* Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Психология. 2011. Т. 5. № 4. С. 107–119.
17. *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах: общие и возрастные особенности: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2000. 432 с.
18. *Кон И.С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. №1 (54). С. 51–65.
19. *Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Фести П.* Влияние распада брака на профессиональную карьеру мужчин и женщин // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синавской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009. С. 291–322.
20. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
21. *Лидерс А.Г.* Семья как психологическая система. Очерки психологии семьи. Москва; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2004. 296 с.
22. *Николаева Я.Г.* Реализация прав и обязанностей отцов после развода // Актуальные проблемы семей в России / Ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 183–193.

23. *Олифиревич Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф.* Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь. Москва; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005. 356 с.
24. Психология семейных отношений: конспект лекций / Сост. С.А. Векилова. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. 127 с.
25. *Райс Ф., Долджин К.* Психология подросткового и юношеского возраста. 12-е изд. СПб.: Питер. 2010. 816 с.
26. *Синельников А.Б.* Развод — революция в семье // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 130—146.
27. *Солодников В.В.* Дети развода // Социологические исследования. 1988. № 4. С. 58—62.
28. *Солодников В.В.* Социальная психология семьи // Социальная психология: учеб. пособие / Под ред. А.Н.Сухова, А.А. Деркача. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 145—157.
29. *Солодников В.В.* Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб.: Директ. 2007. 384 с.
30. Социология семьи: учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 640 с.
31. *Шнейдер Л.Б.* Семья: оглядываясь вперед. СПб.: Питер, 2013. 368 с.
32. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1998. 656 с.
33. Энциклопедический социологический словарь / Под общей ред. академика РАН Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. 939 с.

Divorce in Russian Sociological and Social Psychological Research on Family Relationships

I.S. KLETSINA*,
Saint Petersburg, Russia,
irinaklyotsina@mail.ru

The article presents social psychological analysis of publications that focus on divorce situations in official marriages and explore its causes and consequences both for spouses and children. It is argued that the key factor in separation is a socio-psychological phenomenon called 'unconstructive marital relationships'. The partnership model described in the article, on the contrary, may serve as a normative basis contributing to the stabilization of marital relationships. While most publications conceptualize divorce as a collapse and split of family relationship, the article suggests interpreting divorces rather as a transformation stage in spousal and parent-child relationships.

Keywords: *divorce in the practice of family relationship, marital relationship, partnership model of marital relations, unconstructive marital relationships, parent-child relationships.*

REFERENCES

1. Aleshina Yu.E. Individual'noe i semeinoe psikhologicheskoe konsul'tirovanie [Individual and family psychological consultation]. Moscow: Klass, 2000. 208 p.
2. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2003. 364 p.
3. Andreeva T.V. Psikhologiya sem'i [Psychology of family]. St. Petersburg: Piter, 2014. 336 p.
4. Antonov A.I. Sem'ya kak institut sredi drugikh sotsial'nykh institutov [The family as an institution among other social institutions]. *Sem'ya na poroge tret'ego tysyacheletiya* [Family on the threshold of the third millennium]. Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei, 1995, pp 182–198.
5. Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar' (Collins) [Collins dictionary of sociology]. Jary D., Jary J., vol. 2. Moscow: Veche, AST, 1999. 528 p.
6. Braki i razvody: ofitsial'naya statistika [Elektronnyi resurs] [Marriages and divorces]. *Sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Accessed 07.02. 2015).

For citation:

Kletsina I.S. Divorce in Russian Sociological and Social Psychological Research on Family Relationships. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 30–45. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060303.

* *Kletsina Irina* – Doctor in Psychology, professor, Human Psychology Chair, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, irinaklyotsina@mail.ru

7. Varga A.Ya., Budinaite V.G. Sovremenniy brak: novye tendentsii [Modern marriage: new trends]. *Sistemnaya terapiya supruzheskikh par* [Systemic couples therapy]. Varga A.Ya., Yagnyuk K., eds. Iss. 5. Moscow: Kogito-Tsentr, 2012, pp. 9–26.
8. Vserossiiskii opros VCIOM, 2007, 25 fevralya: Vopros 31: "Chto, po Vashemu mneniyu, chashche vsego vynuuzhdaet lyudei k razvodam?" [Elektronnyi resurs] [The poll, 2007, February 25: Question 31: "What, in your opinion, often forcing people to divorce?"]. *Baza dannykh issledovaniy VCIOM* [Database Research VCIOM]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=418&q_id=33581&date=25.02.2007 (Accessed: 07.02. 2015).
9. Vserossiiskii opros VCIOM, 2013, 6 marta: Vopros 33: "Chto, po Vashemu mneniyu, chashche vsego vynuuzhdaet lyudei k razvodam?" [Elektronnyi resurs] [The poll, 2013, March 6: Question 33: "What, in your opinion, often forcing people to divorce?"]. *Baza dannykh issledovaniy VCIOM* [Database Research VCIOM]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=916&q_id=63412&date=30.06.2013 (Accessed 07.02. 2015).
10. Gozman L.Ya. Psikhologiya emotsional'nykh otnoshenii [Psychology of emotional relationships]. Moscow: MGU, 1987. 176 p.
11. Golod S.I. Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Family and marriage: historical and sociological analysis]. St. Petersburg: Petropolis, 1998. 272 p.
12. Golod S.I. Stabil'nost' sem'i. Sotsiologicheskii i demograficheskii aspekty [Family stability: sociological and demographic aspects]. Leningrad: Nauka, 1984. 158 p.
13. Grishunina E.V. Kognitivno-emotsional'naya struktura perezhivaniy slozhnykh zhiznennykh situatsii na primere migratsii i razvoda [Cognitive-emotional structure of difficult situations experience]. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2011. no. 4, pp. 130–152. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Zaikina G.A., Foteeva E.V., Doherty W., Hogan J. Razvod v Rossii i SShA [Divorce in the United States and Russia]. *Sem'ya na poroge tret'ego tysyacheletiya* [Family on the threshold of the third millennium]. Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tselestey, 1995, pp. 67–85.
15. Issledovanie Omnibus VCIOM 1990-3: Vopros 76: "Chto, po Vashemu mneniyu, chashche vsego vynuuzhdaet lyudei k razvodam?" [Elektronnyi resurs] [Research Omnibus polls were 1990-3: Question 76: "What, in your opinion, often forcing people to divorce?"]. *Edinyi arkhiv ekonomicheskikh i sotsiologicheskikh dannykh* [Joint economic and social data archive]. URL: http://sophist.hse.ru/db/lin_que.shtml?B=Pokazat'+lineinye+raspredeleniya&NQ=89334&sch_xml=1&en=0 (Accessed 07.02. 2015).
16. Kletsina I.S. Gendernyi podkhod v psikhologicheskikh issledovaniyakh sovremennykh semeinykh otnoshenii [Gender Approach in psychological studies of modern family relationships]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]. Psychology. 2011, vol. 5, no 4, pp. 107–119.
17. Kolominskii Ya.L. Psikhologiya vzaimootnoshenii v malykh gruppakh: obshchie i vozrastnye osobennosti [The Psychology of relationships in small groups: total and age-specific features]. Minsk: TetraSistems, 2000. 432 p.
18. Kon I.S. Tri v odnom: seksual'naya, gendernaya i semeinaya revolyutsii [Three in one: Sexual, Gender and Family revolution]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2011, vol. XIV, no 1 (54), pp. 51–65.

19. Korchagina I.I., Prokof'eva L.M., Festy P. Vliyanie raspada braka na professional'nyu kar'eru muzhchin i zhenshchin [Influence of breakdown of the marriage on the career men and women]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society]. Zakharov S.V., Maleva T.M., Sinyavskaya O.V., eds. Iss. 2. Moscow: NISP, 2009. pp. 291–322.
20. Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. Mezhluchnostnoe obshchenie [Interpersonal communication]. St. Petersburg: Piter, 2001. 544 p.
21. Liders A.G. Sem'ya kak psikhologicheskaya sistema. Ocherki psikhologii sem'i [The family as a psychological system. Sketches of family psychology]. Moscow-Obninsk: IG-SOTsIN, 2004. 296 p.
22. Nikolaeva Ya.G. Realizatsiya prav i obyazannosti ottsov posle razvoda [Implementation of the rights and duties of fathers after divorce]. *Aktual'nye problemy semei v Rossii* [Actual problems of families in Russia]. Gurko T.A., ed. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2006, pp.183–193.
23. Olifirovich N.I., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. Semeinye krizisy: fenomenologiya, diagnostika, psikhologicheskaya pomoshch' [Family crises: phenomenology, diagnosis, a psychological help]. Moscow-Obninsk: IG-SOTsIN, 2005. 356 p.
24. Psikhologiya semeinykh otnoshenii [Psychology of family relations]. Vekilova S.A., comp. Moscow: AST; St. Petersburg: Sova, 2005. 127 p.
25. Rice F., Doldzhin K. Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta [Psychology of teenage and youthful age]. St. Petersburg: Piter. 2010. 816 p.
26. Sinel'nikov A.B. Razvod — revolyutsiya v sem'e [Divorce — a revolution in the family]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 18. Sociology. Politology. 2010, no 2, pp. 130–146.
27. Solodnikov V.V. Deti razvoda [Children of divorce]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 1988, no 4, pp. 58–62.
28. Solodnikov V.V. Sotsial'naya psikhologiya sem'i [Social psychology of Family]. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Sukhov A.N., Derkach A.A., eds. Moscow: Akademiya, 2001, pp. 145–157.
29. Solodnikov V.V. Sotsiologiya sotsial'no-dezadaptirovannoi sem'i [Sociology of social disadaptated family]. St. Petersburg: Direkt. 2007. 384 p.
30. Sotsiologiya sem'i [Sociology of Family]. Antonov A.I., ed. Moscow: INFRA-M, 2005. 640 p.
31. Shneider L.B. Sem'ya: oglyadyvayas' vpered [Family: looking back forward]. St. Petersburg: Piter, 2013. 368 p.
32. Eidemiller E.G., Yustitskis V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i [Family Psychology and Psychotherapy]. St. Petersburg: Piter, 1998. 656 p.
33. Entsiklopedicheskii sotsiologicheskii slovar' [Collegiate Dictionary of Sociology]. Osipov G.V., ed. Moscow: ISPI RAN, 1995. 939 p.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования)

В.С. СОБКИН*,
Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

М.А. МНАЦАКАНЯН**,
Москва, Россия,
004000@inbox.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей восприятия молодежью современных политических деятелей. В исследовании использовалась методика многомерного семантического дифференциала, где испытуемым предлагалось оценить 15 объектов (политические лидеры, «мой идеал», «идеальный лидер», «антипатичный мне человек» и «Я») по 33 личностным характеристикам, используя семибальную шкалу. Результаты показывают, что структура восприятия студентами политических лидеров весьма проста и строится относительно трех модальностей: «нравственность», «сила» и «интеллект». Сопоставление результатов настоящего исследования с данными, полученными по той же методике в 2004 г. позволило сделать вывод о том, что современные политические лидеры не оцениваются молодежью относительно морально-нравственных качеств, а в большей степени воспринимаются через силовые качества, связанные с социальной манипуляцией.

Ключевые слова: политические лидеры, лидерство, семантический дифференциал, социальная психология, политическая психология, студенческая молодежь.

Для цитаты:

Собкин В.С., Мнацаканян М.А. Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 46–63. doi: 10.17759/sps.2015060304.

* Собкин Владимир Самуилович — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор, Институт социологии образования Российской академии образования (ФГНУ ИСО РАО), Москва, Россия, sobkin@mail.ru

** Мнацаканян Милена Артуровна — младший научный сотрудник, Институт социологии образования Российской академии образования (ФГНУ ИСО РАО), Москва, Россия, 004000@inbox.ru

Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель - на следующее поколение.

У. Черчилль

Гражданская активность населения резко возрастает в период сложных экономических, социальных и политических изменений. Весьма отчетливо это проявляется и в ситуациях подготовки к выборам. В процессе политических дебатов кандидаты выдвигают предвыборные программы, высказывая как партийную, так и личную точку зрения, стремясь завоевать доверие и голоса избирателей. При этом возникает ряд вопросов относительно тех психологических параметров, которые определяют выбор избирателей в пользу того или иного кандидата. Здесь, безусловно, особое значение имеют личностные качества претендента. Насколько они соответствуют представлениям о характеристиках идеального лидера и представлениям избирателя о самом себе? На что именно ориентируется избиратель? Какие личностные качества и характеристики он приписывает политическим лидерам? Эти психологические аспекты крайне важны для понимания особенностей политического лидерства в целом и российского, в частности.

Существуют разнообразные подходы к выделению значимых для политического лидера характеристик. Согласно Н. Макиавелли, политический лидер (государь) должен обладать такими качествами, которые позволяют ему представлять интересы общества, соединять его, и, вместе с тем, использовать любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения собственного господства [4]. Обсуждая проблему лидерства М. Вебер, указывал на «*харизму*» как особое качество личности, «благодаря кото-

рому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям» [2].

При рассмотрении характеристик, касающихся проблем политического лидерства, одной из важных является понятие авторитарности. Само понятие «авторитарная личность» впервые было введено Э. Фроммом, для исследования истоков нацизма. Авторитарная личность, согласно Э. Фромму, страдает от одиночества, затерянности в сложных социальных обстоятельствах. Эти негативные чувства обостряют инстинкт самосохранения и жажду самоутверждения. Если воля к самореализации не может найти выход в демократически ориентированной социальной деятельности, то тогда она, по мнению Э. Фромма, реализуется на путях авторитаризма с помощью самоидентификации личности с авторитетом группы, государства, т.е. с харизматическим лидером. В этом и состоит феномен «бегства от свободы».

В своей работе, посвященной этой проблеме, Э. Фромм показал, что авторитарный характер обладает одновременно садистическими и мазохистскими чертами. Первые проявляются в желании иметь неограниченную власть над другими и в агрессии по отношению к подчиненным; вторые связаны с готовностью подчиниться и следовать указаниям внутренней или внешней власти. При этом, с точки зрения Э. Фромма, в сознании авторитарной личности отсутствует понятие равенства, наоборот, такой человек делит окружающих людей на «высших»

и «низших», в зависимости от того, наделены они властью или нет [16].

Одним из первых исследователей в этой области был психоаналитик В. Райх, который в начале 1930-х гг. провел специальное исследование авторитарности и ее связи с фашизмом. С его точки зрения, люди авторитарного типа получили особое воспитание, в основе которого лежит подавление сексуальности; сексуальное торможение, вызванное системой запретов, налагаемых на ребенка в семье, выступило одним из основных факторов, способствующих становлению фашистской ментальности. В качестве важной черты авторитарного сознания В. Райх называет стремление личности к самоидентификации с государственной властью или иным авторитетом, что позволяет ей избавиться от бессознательной тревоги [11].

А. Маслоу в работе «Структура авторитарного характера» выделил следующие основные черты этого типа личности: стремление к внешним атрибутам престижа (статусу, деньгам, власти); наличие предрассудков; садомазохистские тенденции; постоянная неудовлетворенность и неспособность достичь удовлетворения жизнью; стремление к унижению других для возвышения и подтверждения своего статуса; тенденция к избеганию ответственности [5].

Важным этапом в исследовании феномена авторитарности стала коллективная работа Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона и Н. Сэнфорда «Авторитарная личность» [1]. С целью создания психологического инструмента для диагностики авторитарных личностных качеств ими был разработан ряд диагностических методик, в том числе шкала фашизма, являющаяся наиболее изве-

стной и широко используемой до сих пор. Инструмент включает в себя шкалы антисемитизма, этноцентризма и политико-экономического консерватизма, позволяя при этом выявить уровень указанных проявлений без упоминания конкретных меньшинств или общественных проблем. При работе над данной шкалой авторы опирались на идею об особом образе мышления, присущем восприимчивым к фашистской идеологии личностям. Для определения типа личности использовались такие характеристики, как конвенционализм, авторитарные представления, авторитарная агрессия, стремление к власти, цинизм и другие. При этом авторитарная личность сама предрасположена к подчинению более сильным лидерам, традициям и принятым нормам [1].

Известный французский психолог С. Московичи, занимаясь изучением психологии масс, показал, что, воздействуя на толпу, авторитарный лидер использует в большей степени невербальные качества (авторитет, харизма, обаяние), чем рациональные доводы. При этом, согласно концепции С. Московичи, потребность в подчинении, также как и потребность во власти, формируется у индивида в раннем детстве, где семья, и, в первую очередь, отец, выступают в качестве прообраза вождя, который оказывает влияние на формирование личности ребенка [6; 7].

Что касается отечественных исследований, посвященных изучению отношения к современным политическим деятелям, то здесь стоит отметить работы В.Ф. Петренко [9; 10], В.П. Швейнова [17], Е.Б. Шестопаля [18], П.С. Гуревича [3] и других авторов, анализирующих восприятие политических лидеров пост-

советского пространства. Политический образ представляет собой проекцию ожиданий субъекта восприятия. В образе политического лидера отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции и требования массового сознания к власти.

Одним из важнейших инструментов при изучении восприятия (отношения) к политическим лидерам является анализ общественного мнения. Традиционно с этой целью проводятся мониторинговые социологические опросы, где используются, как правило, одномерные шкалы, показывающие отношение респондентов к тем или иным политическим деятелям. Так, в исследованиях ВЦИОМ, Левада-Центра и других социологических центров респондентам задаются вопросы следующего типа: «Доверяете ли вы перечисленным политикам...?» или «Если бы выборы президента проводились в ближайшее воскресенье, то за кого из кандидатов Вы бы проголосовали?» и т.п. Подобные опросы, построенные на использовании одномерных шкал, позволяют выявить лишь общую картину отношения к политикам. Однако они не позволяют провести более детальный анализ восприятия образа того или иного политического деятеля. Как правило, в лучшем случае исследования ограничиваются рейтингом «предпочтений» и «доверия» избирателей.

С нашей точки зрения, одним из наиболее эффективных методов для выявления содержательных особенностей восприятия в массовом сознании политических лидеров является процедура многомерного шкалирования, основанная на методике семантического дифференциала. Этот метод был разработан в

1955 г. группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом [20].

Сегодня его применяют в психологии и социологии, теории массовых коммуникаций и рекламе, а также в области экспериментальной эстетики. Одной из разновидностей метода являются так называемые личностные семантические дифференциалы, построенные на базе прилагательных, обозначающих черты личности и ориентированные на оценку самого себя или другого человека. Адаптация методики личностного семантического дифференциала идет по линии построения семантических пространств для различных социальных групп. С его помощью могут быть реконструированы групповые представления об определенных социально значимых личностях [9; 10].

В нашей стране первым исследователем, использовавшим метод семантического дифференциала для анализа динамики общественного сознания, был В.Ф. Петренко. Его работы затрагивают достаточно широкий спектр проблем, связанных с изучением политического менталитета россиян: отношение избирателей к политическим партиям, лидерам и др. Отметим, что в ряде его исследований использовались оригинальные приемы, когда испытуемым предлагалось оценить политические партии и лидеров, соотнося их с тезисами политических программ, либо высказываниями, характеризующими деятельность и образ оцениваемого объекта (так, например, в исследовании восприятия россиянами политических партий предлагалось оценить каждую партию по вероятности декларирования тех или иных принципов: «выступает за усиление военного потенциала России», «выражает интересы малоимущих слоев населе-

ния», «имеет большой политический вес в обществе» и т.п.).

В наших исследованиях, начатых в то же время, для изучения особенностей восприятия политических лидеров также применялся метод многомерного семантического дифференциала, где в качестве объектов использовались наборы конкретных политических деятелей. При этом испытуемым также предлагалось оценить в качестве объектов «идеального лидера», «мой идеал», «антипатичного мне человека» и «я». В качестве шкал для оценки использовались различные личностные характеристики (грубость, терпимость, интеллект, прямота и др.) [12; 14; 15]. Отметим, что включение в дизайн исследования в качестве объектов оценивания «идеала», «антиидеала» и «я» позволяет охарактеризовать особенности идентификации испытуемых с тем или иным политическим лидером, а также выявить сходство оценок политиков с оценками идеальных/антипатичных социальных образов.

Общая характеристика выборки испытуемых и методика исследования

Настоящее исследование продолжает цикл наших работ, посвященных изучению политических предпочтений современной молодежи [12; 13; 14; 15].

Его особая актуальность связана с тем периодом, когда проводился сбор данных, а именно накануне выборов президента РФ в 2012 г. В этот период политические лидеры активно борются за предпочтения избирателей, пытаясь увлечь их не только политическими программами, но и стремясь продемонстри-

ровать свои личные качества, которые используются как своеобразные «средства» для достижения своих политических целей. В этой связи важно установить, какие характеристики реально оказываются значимыми для оценки политического лидера. Так, можно предположить, что восприятие строится не на выявлении отдельных личностных качеств, а на основе обобщенных представлений о личности лидера. Отсюда возникает вопрос о структурных содержательных особенностях восприятия политического лидера в массовом сознании. Каковы здесь основные семантические модальности? Насколько дифференцирован личностный образ политического лидера, и по каким основаниям? В какой степени образ политика близок к идеальному образу и представлению избирателя о самом себе?

В исследовании приняли участие 437 студентов из различных московских вузов (119 юношей и 318 девушек), в возрасте 16–18 лет.

Выбор студентов в качестве испытуемых не случаен и обусловлен рядом соображений. Одно из них касается актуальности для них самой темы исследования. Дело не только в том, что исследование проводилось накануне последних выборов президента (в самый пик предвыборных дебатов кандидатов в президенты России, а именно, в последнюю неделю перед мартовскими выборами 2012), но и в том, что для наших респондентов эти выборы стали их первым опытом активного участия в политической жизни страны; тем социальным опытом, когда они получили возможность проявить свою гражданскую позицию. Второй момент заключается в том, что студенческая молодежь представляет со-

бой тот особый социальный слой среди представителей молодого поколения, который обладает не только более высоким интеллектуальным потенциалом, но и культурным и социальным капиталом, позволяющим реализовать стратегию восходящей социальной и профессиональной мобильности. Поэтому для данного слоя отношение к власти имеет совершенно особое значение. Мнение студенчества важно и для власти, поскольку из этой группы и рекрутируется будущая социальная элита страны. И, наконец, в-третьих, важными являются социально-психологические особенности самого возрастного этапа, связанные с юношеским периодом. Его главной особенностью является преодоление кризиса идентичности, когда молодой человек формирует собственное представление о себе и интегрирует различные роли и личностные качества в целостный образ «Я» [19]. В целом перечисленные выше соображения и определяют особую значимость выбора именно студентов в качестве испытуемых в нашем эксперименте, направленном на изучение особенности отношения к политическим лидерам.

Исследование основано на использовании разработанной Ч. Осгудом методики многомерного шкалирования (семантический дифференциал). Respondентам предлагался список политических лидеров, каждого из которых необходимо было оценить по ряду семантических признаков (шкал). При этом выраженность того или иного качества у соответствующего политического лидера оценивалась по семибалльной шкале (где «1» — отсутствие признака, «7» — максимальная выраженность признака).

Для оценки политических лидеров были предложены 33 качества, которые использовались в наших предыдущих исследованиях [12; 14; 15]. Они включают в себя следующие характеристики: *терпимость, честность, ограниченность, порочность, открытость, прямота, сдержанность, поверхностность, эмоциональность, лицемерие, гибкость, надежность, корыстность, принципиальность, невоспитанность, хитрость, остроумие, честность, властность, сила, агрессивность, расчетливость, интеллект, мудрость, мужественность, грубость, компетентность, сложность, внешняя привлекательность, эрудиция, безнравственность, образованность, профессионализм.*

Как мы отметили выше, в разработанной нами методике наряду с конкретными политиками испытуемым предлагались для оценки и такие категории, как «мой идеал», «настоящий политический лидер», «антипатичный человек» и «Я», что позволяет оценить степень принятия/непринятия конкретного политика молодежью, а также выявить особенности идентификации испытуемых с политическим лидером. Кроме того, это дает возможность проследить связь образов реальных политиков с идеальными представлениями, сложившимися в сознании студенческой молодежи.

Поскольку данное исследование является продолжением нашей предыдущей работы [14], то, помимо полностью сохраненного списка личностных характеристик, частично были сохранены и политические лидеры, продолжающие активную деятельность в настоящее время, это: Жириновский, Зюганов, Путин.

В то же время политические изменения, произошедшие в нашей стране, потребовали внести в список таких новых

политиков, по сравнению с 2004 г., как Медведев, Миронов, Прохоров.

И наконец, помимо современных политических лидеров, в качестве объектов оценивания предлагались политические лидеры, которые руководили нашим государством на разных исторических этапах: Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин. Поскольку эти лидеры выступали в качестве объектов исследования и в наших предыдущих исследованиях [12; 14; 15], то это позволяет оценить динамику особенностей их восприятия разными поколениями студенческой молодежи (2004 и 2012 гг.).

Полученные в результате эксперимента материалы были сгруппированы в средние суммарные матрицы исходных данных, где в столбцах фиксировались имена политических лидеров и социальных категорий («мой идеал», «настоящий политический лидер», «антипатичный человек» и «Я»); в строках же – характеристики, по которым они оценивались. Общая размерность матрицы 15 (столбцы) × 33 (строки). Ячейка матрицы (пересечение столбца и строки) определяет среднее балльное значение соответствующей характеристики по семибальной шкале для конкретного политического лидера или той или иной социальной категории. Матрица исходных данных была факторизована методом главных компонент с последующим вращением по критерию «Varimax» Кайзера.

Особенности восприятия политических лидеров России юношами и девушками

В ходе первичной обработки данных была составлена объединенная матрица,

включающая данные по подвыборке юношей и по подвыборке девушек (размерность: 30 (столбцы) × 33 (строки)). В результате факторного анализа было выделено 3 фактора, описывающих 88,6% общей суммарной дисперсии. Рассмотрим содержательные особенности выделенных факторов.

Фактор F1 (64,1%) является биполярным и обозначен нами как «*нравственность, интеллект – безнравственность, поверхностность*» (табл. 1). Его структура выглядит следующим образом.

Таблица 1
Структура фактора F1

Честность	0,92
Открытость	0,91
Надежность	0,89
Внешняя привлекательность	0,85
Компетентность	0,84
Остроумие	0,83
Гибкость	0,82
Образованность	0,8
Эрудиция	0,8
Интеллект	0,79
Терпимость	0,79
Мудрость	0,78
Профессионализм	0,78
Прямота	0,77
Сдержанность	0,71
Мужественность	0,68
Лицемерие	-0,9
Корыстность	-0,9
Порочность	-0,9
Безнравственность	-0,9
Ограниченность	-0,8
Поверхность	-0,8
Невоспитанность	-0,7

Как мы видим, положительный полюс данного фактора определяет комплекс позитивных *морально-нравственных* качеств («честность», «надеж-

ность», «открытость», «терпимость», «прямота», «мужественность»). Данный комплекс коррелирует с положительными интеллектуальными характеристиками личности («интеллект», «мудрость», «остроумие», «эрудиция», «образованность»). Помимо этого, на положительном полюсе фактора F1 расположился ряд качеств, связанных с успешной профессиональной деятельностью («компетентность», «профессионализм»). Таким образом, обобщая, этот полюс фактора, можно определить как «нравственность, интеллект». Противоположный, отрицательный, полюс фактора F1 определяют, в первую очередь, отрицательные морально-нравственные качества («лицемерие», «корыстность», «порочность», «безнравственность», «невоспитанность»). Характерно, что они связаны с негативными оценками интеллектуальных способностей («ограниченность», «поверхностность»). Поэтому отрицательный полюс можно обозначить как «безнравственность, поверхностность». В целом же данный фактор задает оппозицию: «нравственность, интеллект — безнравственность, поверхностность».

Фактор F2 (19,3%) условно можно обозначить как «сила, честолюбие, манипулирование» (табл. 2). Он является униполярным и включает в свою структуру следующие характеристики.

Таблица 2

Структура фактора F2

Властность	0,91
Расчетливость	0,89
Хитрость	0,88
Сила	0,8
Принципиальность	0,77
Сложность	0,74
Честолюбие	0,69

Важно обратить внимание на то, что собственно силовые характеристики («властность», «сила», «принципиальность») здесь высоко коррелируют с такими интеллектуальными особенностями, как «расчетливость», «хитрость». В структуру данного фактора входит также такое личностное качество, как «честолюбие». Таким образом, данный комплекс характеристик, который мы определили как *сила*, по своему содержанию оказывается весьма своеобразным: это *сила*, ориентированная на удовлетворение своего честолюбия, причем, опирающаяся на интеллектуальные способности (ресурсы), связанные с обеспечением успешного социального взаимодействия для удовлетворения собственных амбициозных целей. Иными словами, это особого рода интеллект, сориентированный на социальное превосходство и социальное манипулирование другими. В целом этот фактор можно определить как *сила, честолюбие, манипулирование*. Заметим, что по своему содержанию он соотносим с теми качествами, которые выделяли Н. Макиавелли и М. Вебер, говоря о своеобразной способности политического лидера к поддержанию собственного господства («расчетливости» и «харизме»).

Фактор F3 (5,2%) «интолерантность» (табл. 3). Он является униполярным и по своей структуре весьма прост.

Таблица 3

Структура фактора F3

Эмоциональность	0,9
Агрессивность	0,78
Грубость	0,75

Как мы видим, эмоциональность связана здесь с негативными проявлениями в отношении другого. Причем это откры-

тая, несдерживаемая социальными нормами *непосредственная* агрессивность. Таким образом, данный фактор можно обозначить как *интолерантность*. Заметим, что по своему содержанию этот фактор сопоставим с садистическими тенденциями, которые отмечал Э. Фромм, характеризуя авторитарного лидера.

В целом, результаты факторного анализа показывают, что структура восприятия студенческой молодежью политических лидеров весьма проста и строится относительно трех обобщенных модальностей: 1) «*нравственность, интеллект — безнравственность, поверхностность*»; 2) «*сила, манипулирование*», 3) «*интолерантность*». При этом полученные данные позволяют

охарактеризовать особенности восприятия студенческой молодежью того или иного политического лидера.

В качестве примера рассмотрим распределение оцениваемых испытуемыми в ходе эксперимента политических лидеров (а также «идеала», «идеального лидера», «антипатичного человека» и «Я») в пространстве наиболее мощных факторов F1 и F2 (рис. 1).

Как мы видим, наибольшие положительные значения по оси фактора F1 («*нравственность, интеллект*») имеют «мой идеал», «идеальный лидер» и «Я». Причем характерно, что «мой идеал» и «идеальный лидер» практически не дифференцируются и по своему размеще-

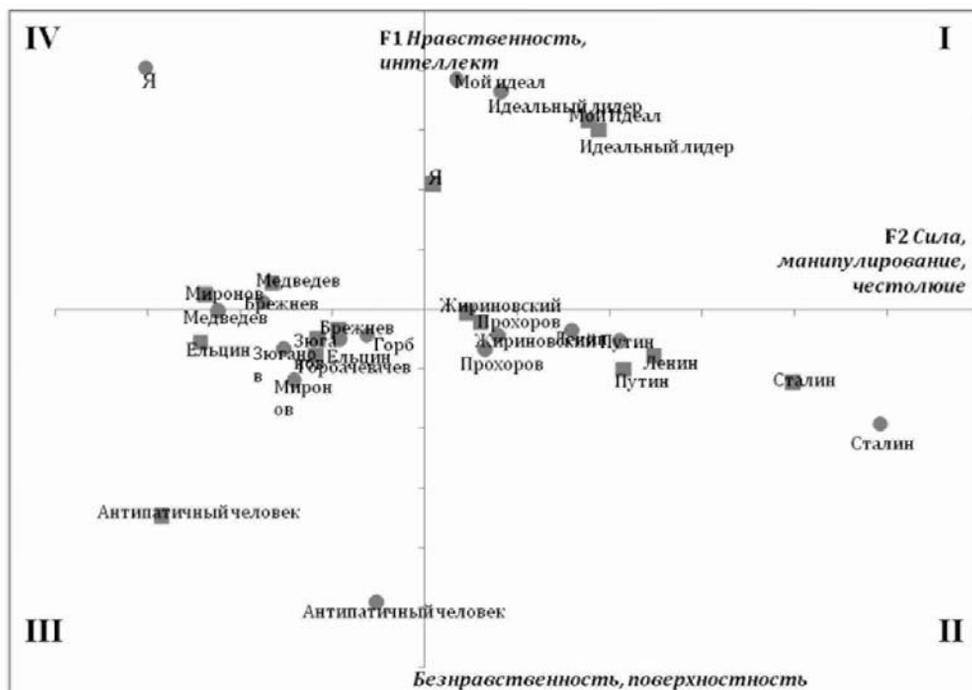

Рис. 1. Размещение российских политиков, «моего идеала», «идеального лидера», «антипатичного человека» и «Я» в пространстве факторов F1 «нравственность, интеллект — безнравственность, поверхностность» и F2 «сила, манипулирование, честолюбие»
 Условные обозначения: квадрат — юноши; круг — девушки

нию близки у юношей и девушек. В зоне выраженных положительных значений лежит и собственная самооценка. Таким образом, студенты (обоих полов) оценивают себя в позитивном плане относительно комплекса нравственных характеристик («честность», «открытость», «надежность», «терпимость», «прямота») и интеллектуальных качеств («интеллект», «образованность» и «мудрость»), которые определяют положительный полюс фактора F1. Важно также и то, что данный полюс связан с профессиональной успешностью. Это качество («профессионализм», «компетентность») для студентов оказывается также важным и при оценке «своего идеала», «идеального лидера» и «Я».

На отрицательном полюсе фактора F1 («безнравственность, поверхностность») с наиболее высокими значениями разместился (у представителей обоих полов) «антипатичный мне человек».

Рассматривая размещение оценок политических лидеров относительно значений по оси фактора F1, следует отметить, что в целом координаты всех политиков лежат в зоне отрицательных (правда, не явно выраженных) значений данного фактора. Это позволяет считать, что оцениваемые российские политические лидеры (как наших дней, так и прошлого) не воспринимаются современной студенческой молодежью как люди, обладающие положительными нравственными качествами. В этом отношении можно сделать вывод о том, что по такому параметру, как *нравственность*, явно проявляется тенденция отчуждения студентов от политической сферы российской жизни; политика не рассматривается ими как та сфера, где они могут найти нравственные личностные образцы, политические лидеры ско-

рее антипатичны. Заметим, что в рамках психоаналитической традиции принято считать, что для авторитарного типа личности характерна установка на отождествление себя с политическим лидером (В. Райх). Поскольку наши данные свидетельствуют о явном разотождествлении «Я» у представителей студенческой молодежи с политическими лидерами, то отсюда можно сделать и вывод о том, что для этой социальной группы не характерен авторитарный тип сознания.

Если обратиться к фактору F2 («сила, манипулирование»), то можно заметить, что он отчетливо дифференцирует российских политических лидеров. Напомним, что при его интерпретации мы характеризовали данный фактор как близкий по своему содержанию к «расчетливости» и «харизме» в понимании Н. Макиавелли и М. Вебера. Наиболее высокие положительные значения по оси этого фактора (как у юношей, так и у девушек) имеют Сталин, Ленин и Путин. Высокие же отрицательные значения — Медведев, Миронов, Ельцин и Брежнев. Это говорит о том, что в восприятии современных студентов они не обладают «харизмой» и не являются сильными личностями, способными к социальному лидерству; им не присущ комплекс качеств, фиксируемых положительным полюсом фактора F2: «властность», «расчетливость», «хитрость», «сила», «честолюбие» и «сложность».

Помимо этого, следует добавить, что по оси данного фактора проявляются значимые различия между самооценкой «Я» у юношей и у девушек. Так, выраженные отрицательные значения «Я» у девушек по оси фактора F2 свидетельствуют о том, что они не склонны фиксировать у себя комплекс характеристик, обозначенный нами как «сила, социальное манипулиро-

вание». Более того, девушки также менее предрасположены, по сравнению с юношами, рассматривать эти качества и как значимые для «своего идеала».

И наконец, подводя итог обсуждению данных, приведенных на рис. 1, заметим, что на этапе завершения кампании по выборам президента РФ (напомним, что исследование проводилось за неделю до завершения выборов президента РФ в 2012 г.) студенческая молодежь не видела среди кандидатов тех, кто оказался бы близок к их представлениям, как об «идеальном лидере», так и об их собственном «идеале». Зона F1+/F2+, определяемая квадрантом I (сочетание «нравственности» и «силы») в этом смысле оказалась «пустой» как для современных политиков, так и для политиков прошлого (рис. 1).

Анализ динамики изменений структурных особенностей воспри- ятия политических лидеров (от 2004 к 2012 году)

Обсуждая в начале статьи вопрос, касающийся характеристик выборки испытуемых, мы отмечали, что студенческая молодежь представляет специальный интерес, поскольку это особый социальный слой внутри молодежной когорты; слой, обладающей значительным культурным потенциалом и социальным капиталом, который ориентирован на восходящую социальную мобильность. Между тем, есть еще один содержательный аспект, который представляет для нас специальный интерес при изучении студенческой молодежи. Этот аспект связан с рассмотрением своеобразия восприятия политических лидеров разными поколениями молодежи. По сути дела, сравнение мнений

разных поколенческих когорт студентов позволяет оценить динамику ценностных изменений, происходящих в массовом сознании. Подобные ценностные тренды крайне важны для понимания своеобразия особенности восприятия политических деятелей на том или ином историческом этапе, в конкретном социокультурном контексте. Так, можно предположить, что в одной исторической ситуации образ политического деятеля представлен в массовом сознании как более сложный и многомерный; в другой же, напротив, персонажи, действующие на политической сцене выступают как более простые (одномерные) фигуры. При этом, безусловно, особую значимость, исходя из уже приведенных выше материалов, имеет вопрос о значимости морально-нравственных качеств при оценке политических лидеров. Эти вопросы мы и попытаемся рассмотреть ниже.

Поскольку в 2004 г. при выборе президента России мы проводили аналогичное исследование с использованием той же самой методики [13], то мы имеем возможность сопоставить содержательные особенности оценки студентами политических лидеров в 2004 и в 2012 гг. В рамках настоящей статьи ограничимся лишь рассмотрением результатов, полученных в этих двух исследованиях на подвыборках юношей.

Поскольку респондентам в обоих исследованиях предлагалось оценить политических лидеров по одним и тем же качествам (шкалам), то специальный интерес представляет именно сопоставление структурных особенностей выделенных факторов. Сразу отметим, что в результате факторного анализа, проведенного в 2004 г., было выявлено четыре фактора, в то время как в 2012 г. их ста-

ло лишь три. Уже сам по себе этот факт достаточно важен, поскольку свидетельствует об упрощении восприятия политических лидеров; сфера политики оказывается в семантическом отношении менее дифференцированной.

Перейдем к более детальному анализу содержательных особенностей выделенных факторов в обоих исследованиях.

Интолерантность/толерантность.

Как в 2004, так и в 2012 г. в подвыборках юношей-студентов был выделен фактор, который задает оппозицию *интолерантность/толерантность*. В целом его структура в обоих исследованиях оказалась во многом схожей. Так, положительный интолерантный полюс фактора в обоих случаях определяют такие личностные качества, как «грубость», «агрессивность», «эмоциональность», «невоспитанность». Противоположный, отрицательный, полюс (*толерантность*) определяет такие качества, как «сдержанность» и «терпимость». Это общая инвариантная для обоих исследований структура семантических оппозиций при оценке политических лидеров.

Вместе с тем, несмотря на отмеченное сходство, обращают на себя внимание следующие два момента, позволяющие говорить о своеобразии восприятия *интолерантных/толерантных* личностных проявлений у политических лидеров в этих двух исследованиях. Во-первых, данный фактор в 2004 г. включал в свою структуру целый комплекс нравственных характеристик. Так, на полюсе *интолерантности* сгруппировались такие качества, как «безнравственность», «порочность», «лицемерие», «корыстность»; на полюсе *толерантности* — «честность». Таким образом, в 2004 г. с ключевой оппозицией, задающей собственно *интолерантное/толерантное* отношение *агрес-*

сивность/терпимость, коррелировало и нравственное противопоставление: *лицемерие/честность*. Иными словами, интолерантным и толерантным проявлениям соответствовали и определенные морально-нравственные оценки.

Во-вторых, важно обратить внимание на существенное изменение, которое касается значимости данных факторов в общей структуре восприятия политических лидеров. Об этом, в частности, свидетельствуют вклады факторов в общую суммарную дисперсию. Так, если в 2004 г. фактор *интолерантность/толерантность* объяснял 31% общей суммарной дисперсии, то в 2012 г. его вес сократился практически вдвое — 18%. Подобное уменьшение вклада фактора *интолерантность/толерантность* в общую суммарную дисперсию позволяет сделать вывод об уменьшении значимости этого параметра при оценке политических лидеров. Заметим, что это происходит вследствие того, что *интолерантные/толерантные* проявления оказываются лишенными (не связываются в сознании) с моральной оценкой.

Сила/поверхностность. Это вторая инвариантная оппозиция, которая проявилась в опросах 2004 и 2012 гг., фиксируемая особым фактором. На его положительном полюсе сила в обоих исследованиях сгруппировались такие характеристики, как «властность», «сила», «хитрость», «расчетливость», «принципиальность», «сложность». Отрицательный же полюс определяется лишь одной характеристикой «поверхностность». Вместе с тем проявилась и достаточно интересная особенность, которая состоит в том, что личностные характеристики, определяющие полюс силы, были связаны в 2004 г. с такими проявления-

ми, как «профессионализм», «компетентность», «честолюбие», вошедшими с высокими весовыми нагрузками в состав положительного полюса данного фактора. Это обстоятельство, на наш взгляд, важно, поскольку *сила* связывалась как с профессиональной компетентностью, так и со стремлением к личностному превосходству. Любопытно, что спустя восемь лет силовые характеристики лишились этих дополнительных коннотаций и оказались в основном связанными только с интеллектуальными способностями («хитрость», «расчетливость», «принципиальность»).

Следует подчеркнуть, что подобное упрощение структуры фактора параллельно привело к тому, что он оказался доминирующим в структуре восприятия политических лидеров. Об этом свидетельствует резкое увеличение его вклада в общую суммарную дисперсию: если в 2004 г. данный фактор описывал 28% общей суммарной дисперсии, то в 2012 — 69%.

Иными словами, «силовая доминанта», связанная с интеллектуальными способностями к эффективному для себя социальному взаимодействию (манипулированию), сегодня определяет оценку политического лидера в массовом сознании студенческой молодежи. При этом подчеркнем еще раз, что подобное проявление *силы* сегодня уже не связывается с профессиональной компетентностью, как это было восемь лет назад.

Помимо рассмотренных выше двух в целом инвариантных факторов, которые были выделены в исследовании 2004 и 2012 гг., обращают на себя внимание и явные структурные изменения в оценке российских политических лидеров. Эта структурная перестройка связана с отмеченным уже выше изменением самого

числа выделяемых факторов — с четырех в 2004 г. до трех в 2012 г. Подобное сокращение произошло за счет слияния двух факторов, «*эрудиция/ограниченность*» и «*честность/лицемерие*» (2004 г.) в один фактор «*нравственность/безнравственность*» (2012 г.). Это структурное изменение отобразено на рис. 2.

Приведенные на рис. 2 данные показывают, что в 2004 г. при оценке политических лидеров юноши-студенты отчетливо дифференцировали их как по интеллектуальным («*эрудиция/ограниченность*»), так и по нравственным («*честность/лицемерие*») основаниям. В 2012 г. подобная дифференциация уже отсутствует: оба фактора («*эрудиция/ограниченность*» и «*честность/лицемерие*») объединились в один фактор «*нравственность/безнравственность*». При этом важно иметь в виду, что подобное слияние шкал, характеризующих нравственные аспекты («честность», «надежность» и др.) с интеллектуальными проявлениями («образованность», «эрудиция» и т.п.), оказалось также связанным и с резким падением значимости этих характеристик в общей структуре восприятия политических лидеров. Если в 2004 г. факторы, характеризующие *эрудицию* и *честность*, вместе давали вклад в общую суммарную дисперсию 32,8%, то в 2012 г. их вклад составил всего 4,7%. Иными словами, нравственный и интеллектуальный аспект при восприятии политических лидеров сегодняшней студенческой молодежью оказывается практически не значимым: сегодня при восприятии политика студенческая молодежь отдает приоритет силовым качествам и способностям, обеспечивающим возможность социального манипулирования.

Возникает вопрос: за счет чего произошли столь существенные деформации в

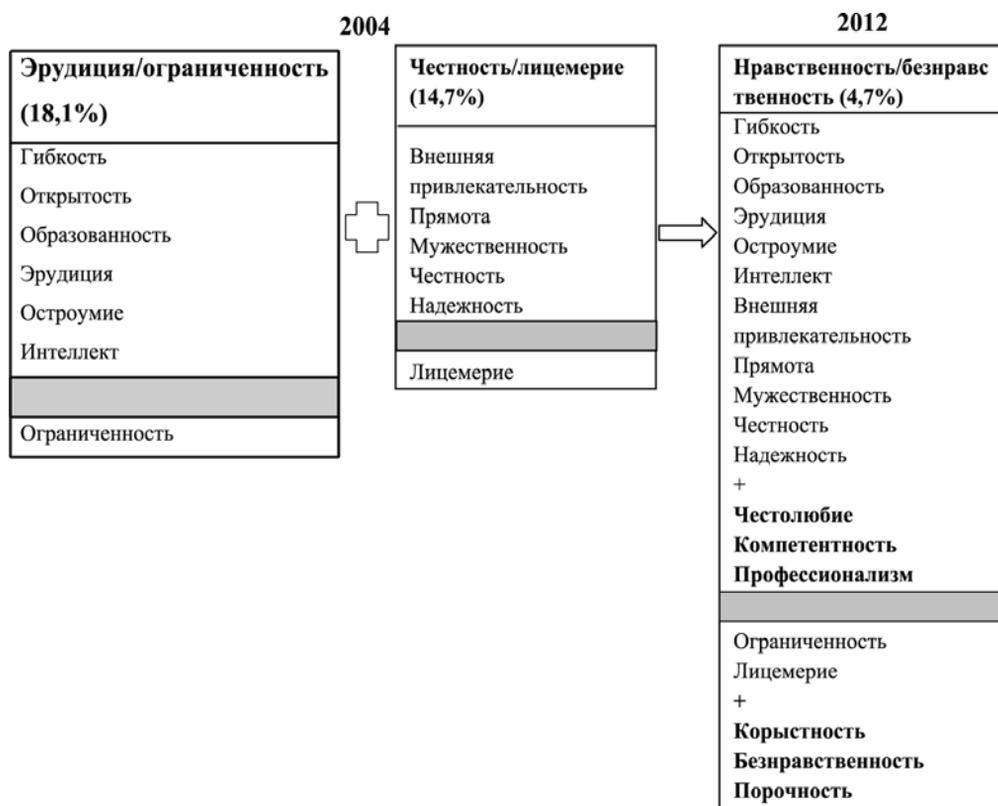

Рис. 2. Изменение структуры факторного пространства восприятия политических лидеров: от 2004 к 2012 г.

Условные обозначения: жирным шрифтом выделены дополнительные новые характеристики, вошедшие в фактор «нравственность/безнравственность» в 2012 г.

структуре восприятия политических лидеров? Поскольку используемые в эксперименте оценочные шкалы в обоих опросах (2004 и 2012 г.) были инвариантны, то можно предположить, что эти деформации связаны со значительным изменением тех объектов (т.е. тех политических лидеров), которые предлагались для оценки студентам. Так, по сравнению с опросом 2004 г. были устранены из списка предлагаемых для оценки лидеров такие политики, как Говорухин, Лужков, Джабраилова, Лебедь, Памфилова, Под-

березкин, Савостьянов, Скуратов, Титов, Тулеев и Явлинский. Вместе с тем, изменив список лидеров, предлагаемых студентам в исследовании 2012 г., мы дополнили его такими политиками, как Медведев, Миронов и Прохоров.

Таким образом, на наш взгляд, именно новый набор политических лидеров и обусловил существенное изменение в структуре их восприятия студентами. Новый состав политических игроков уже не предполагает их сопоставления относительно морально-нравственных

качеств (таких критериев, как «честность», «надежность», «прямота», «лицемерие», «безнравственность», «корыстность», и т.п.). Персонажи, вышедшие на политическую сцену оцениваются относительно их силовых качеств; качеств, связанных, прежде всего, со способностью к социальной манипуляции.

Завершая статью, вернемся к ее эпиграфу. Напомним: «...политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующее поколение». Это высказывание позволяет по-новому взглянуть на представленные в статье результаты. И, действительно, поскольку мы выявили явное расхождение в оценках современных российских политических лидеров с представлениями студенческой молодежи о своих идеалах (т.е. расхождение с идеалами «следующего поколения»), то можно сделать вывод о том, что поведение политика в публичном пространстве сориентировано на решении тактических задач, а не на реализацию стратегических целей, связанных с этим будущим поколением. И в этом отношении реальные политики сегодня действительно лишь «политики».

Выводы

По результатам исследования выделим несколько основных моментов, касающихся особенностей восприятия студентами политических лидеров России.

1. Анализ особенностей восприятия студенческой молодежью политических лидеров России выявил факторы, фиксирующие основные критерии (личностные характеристики), по которым респонденты оценивают тех или иных политиков. Полученные данные говорят о

том, что структура восприятия политических лидеров строится относительно трех модальностей, которые характеризуют «нравственность», «силу» и «интолерантность».

2. Второй важный момент заключается в том, что оцениваемые политические лидеры не воспринимаются студенческой молодежью как люди, обладающие положительными нравственными качествами; по параметру «нравственность» явно проявляется тенденция отчуждения студентов от политической сферы, политические лидеры скорее «антипатичны». При этом является важным результатом тот факт, что по фактору «сила» у студентов наблюдается отчетливая дифференциация политических лидеров.

3. Обращает на себя внимание и то, что на этапе завершения кампании по выборам президента РФ студенческая молодежь не видит среди политических лидеров тех, кто бы оказался близок к их представлениям об «идеальном лидере», тем самым, «зона идеалов» оказалась пустой.

4. И, наконец, последним важным результатом является факт, свидетельствующий об упрощении (в семантическом плане) восприятия политических лидеров студентами. Таким образом, при восприятии студентами политиков нравственный и интеллектуальный аспекты оказываются практически не значимыми: сегодня при восприятии политика молодежь отдает приоритет именно силовым качествам и способностям, которые обеспечивают возможность социального манипулирования. Весьма любопытно, что при этом, оценивая «идеального политического лидера», «мой идеал» и «Я», они придают большое значение именно нравственно-интеллектуальным личностным качествам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Общ. ред. В.П. Култыгин. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
2. Вебер М. Харизматическое господство // Социс. 1988. № 5. С. 139–147.
3. Гуревич П.С. Политическая психология / М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 543 с.
4. Макиавелли Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия / Пер. с итал. К.А. Тананушко. Минск: Харвест, 2004. 704 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. А.М. Татлыбаева. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
6. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / СПб.: Академический проект, 2011. 396 с.
7. Московичи С., Канетти Э. Монстр власти / М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
8. Петренко В.Ф. Лекции по психосемантике. Самара: СГУ, 1997. 237 с.
9. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учеб. Пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 400 с.
10. Петренко В.Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: на материале политического менталитета / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 214 с.
11. Райх В. Психология масс и фашизм. М.: Университетская книга, 1997. 380 с.
12. Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997. 320 с.
13. Собкин В.С., Буреломова А.С., Смыслова М.М. Представления современного российского подростка о значимых личностных качествах // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 44–55.
14. Собкин В.С., Ваганова М.В. Политические лидеры России: взгляд молодежи (по материалам психосемантического эксперимента) // Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 160–204.
15. Собкин В.С., Грачева А.М. Возрастные особенности ориентации в социально-профессиональной сфере // Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования: сб. науч. трудов / Отв. ред. В.С. Собкин. М.: Изд. АПН СССР, 1990. С. 102–130.
16. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. 288 с.
17. Швейнов В.П. Психология лидерства, влияния, власти. Минск: Харвест, 2008. 652 с.
18. Шестопал Е. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Политические исследования. 1995. № 4.
19. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с.
20. Osgood C.E. The nature and measurement of meaning // Psychological Bulletin. 1952. № 49. С. 197–237 с. <http://dx.doi.org/10.1037/h0055737>

Features of Perception of Modern Russian Political Leaders in University Students (A Psychosemantic Research)

V.S. SOBKIN*,
Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

M.A. MNATSAKANYAN**,
Moscow, Russia,
004000@inbox.ru

The paper presents outcomes of a research on features of perception of modern Russian political leaders in young people. A technique of multi-dimensional semantic differential was employed: the subjects were asked to assess 15 objects (political leaders, 'my ideal', 'ideal leader', 'antipathetic person' and 'Myself') according to 33 personality traits using a seven-point scale. The outcomes suggest that the structure of the students' perception of political leaders is quite simple and is based on three modalities: 'morality', 'power' and 'intelligence'. Comparing these outcomes with the research data obtained in 2004 using the same technique allowed the authors to conclude that the students do not assess modern political leaders according to the moral qualities of the latter, but rather perceive them through the qualities of power associated with social manipulation.

Keywords: political leaders, leadership, semantic differential, social psychology, political psychology, students.

REFERENCES

1. Adorno T. Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [The study of the authoritarian personality] / Obshch. Red. V.P. Kulygina, Moscow: Serebryanye niti, 2001. 416 p.
2. Veber M. Kharizmaticheskoe gospodstvo [Charismatic domination] / Moscow: Sotsis, № 5, 1988.
3. Gurevich P.S. Politicheskaya psikhologiya [Political psychology] / Moscow: YuNITI-DANA, 2010. 543 p.
4. Makiavelli N. Gosudar'. Razmyshleniya nad pervoi dekadoi Tita Liviya [Emperor. Thinking on the first decade of Livy]/ per. s ital. Tananushko K.A. / Minsk, 2004.

For citation:

Sobkin V.S., Mnatsakanyan M.A. Features of Perception of Modern Russian Political Leaders in University Students (A Psychosemantic Research). *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 46–63. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060304.

* Sobkin Vladimir — Doctor in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE), director, Institute of Sociology of Education RAE, Moscow, Russia, sobkin@mail.ru

** Mnatsakanyan Milena — Junior researcher, Institute of Sociology of Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, 0040000@inbox.ru

5. *Maslou A.* Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]/ per. s angl. Tatlybaeva A.M. / Saint Petersburg: Evraziya, 1999.
6. *Moskovichi E., Kanetti E.* Monstr vlasti [Monster of power]/ Moscow: Algoritm, 2009.
7. *Moskovichi E.* Vek tolp.Istoricheskiy traktat po psikhologii mass [Century of thronng. Hystorical treatise of the psychology of the masses] / Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2011.
8. *Petrenko V.F.* Lektsii po psikhosemantike [Lectures about the psychosemantics] / V.F. Petrenko / Samara, 1997. 237 p.
9. *Petrenko V.F.* Osnovy psikhosemantiki [The base of psychosemantics]: ucheb. posobie / V.F. Petrenko / Moscow, Ed. Moscow State University, 1997. 400 p.
10. *Petrenko V.F.* Psikhosemanticheskii analiz dinamiki obschestvennogo soznaniya: na materiale politicheskogo mentaliteta [Psychosemantic analysis of the dynamics of social consciousness on the material of political mentality] / V.F. Petrenko, O.V. Mitina / M.: Izd-vo Moscow. Ed. Moscow State University, 1997. 214 p.
11. *Raikh V.* Psikhologiya mass i fashizm [Psychology of mass and fascism] / M.: "Universitetskaya kniga" ["University book"], 1997. 380 p.
12. *Sobkin V.S.* Starsheklassnik v mire politiki. Empiricheskoe issledovanie [High school student in the world of politics. An Empirical Researches] / M.: TsSO RAO, 1997. 320 p.
13. *Sobkin V.S., Burelomova A.S., Smylova M.M.* Predstavleniya sovremennogo rossiiskogo podrostantka o znachimykh lichnostnykh kachestvah [Modern Russian Adolescents' Notions of Significant Personal Traits] // Social'naya psihologiya i obshestvo [Social Psychology and Society]. 2011. no. 1, pp. 44–55.
14. *Sobkin V.S., Vaganova M.V.* Politicheskie lidery Rossii: vzglyadmolodezhi (po materialam psikhosemanticheskogo eksperimenta) // Tolerantnost' v podrostantkovo i molodezhnoi srede. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. [Political leaders of Russia: a view of young people (based on psychosemantic experiment) // Tolerance in adolescent and youth. Works on the sociology of education. T. IX. Vol. XVI.]/ Ed. V.S. Sobkin / M.: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO [Center for the Sociology of Education] 2004. 160–204 p.
15. *Sobkin V.S., Gracheva A.M.* Vozrastnye osobennosti orientatsii v sotsial'no-professional'noi sfere [Age peculiarities of orientation in social and professional life] // Zhiznennye orientatsii uchashchikhsya i problemy sovremennogo obrazovaniya [Life orientation of students and problems of modern education] Sb. nauchn. Trudov / Otv. Redaktor V.S. Sobkin. Moscow: Izd. APN SSSR, 1990. 102–130 p.
16. *Fromm E.* Begstvo ot svobody [Escape from Freedom] / M.: Ast, 2011. 288 p.
17. *Shveinov V.P.* Psikhologiya liderstva, vliyaniya, vlasti [Psychology of leadership, influence, power] / Minsk: Kharvest, 2008.
18. *Shestopal E.* Vospriyatie obrazov vlasti: politiko-psikhologicheskii analiz [Perception of the image of power: political-psychological analysis] // Politicheskie issledovaniya [Political researches] / Moscow: 1995. № 4.
19. *Erikson E.* Identichnost', yunost' i krizis [Identity, youth and crisis] / Moscow: Flinta, 2006.
20. *Osgood C.E.* The nature and measurement of meaning, Psychological Bulletin, 49 (1952), 197–237 p. <http://dx.doi.org/10.1037/h0055737>

Факторы выбора этнической категоризации в ситуации информационного воздействия на подростков и юношей

О.Е. ХУХЛАЕВ*,
Москва, Россия,
huhlaevoe@mgppu.ru

К.О. ТАРАСОВ**,
Москва, Россия,
dr-bmx@mail.ru

В статье рассмотрена специфика взаимовлияния информационного воздействия и индивидуальных особенностей субъекта в ситуации этнической категоризации. Обнаружено, что респонденты, которым был предоставлен материал, повышающий доступность этнической категории, чаще использовали этничность в процессе социальной категоризации. Из всех социально-психологических параметров, использованных в исследовании, только националистические установки демонстрируют наличие влияния на социальную категоризацию по этническому признаку. Также в ходе исследования не обнаружено взаимовлияния информации и установок на этническую категоризацию. Полученные данные показывают, что этническая категоризация может являться не только функцией внутригрупповых процессов, но и результатом ситуативного стечения обстоятельств контекста.

Ключевые слова: социальная категоризация, этническая идентичность, этнонациональные установки, информационный прайминг.

Постановка проблемы

Понятие социальной категоризации выступает одним из центральных для со-

циально-психологического рассмотрения проблемы идентичности личности, которая, по мнению Г.М. Андреевой, в свою очередь, является «одной из цент-

Для цитаты:

Хухлаев О.Е., Тарасов К.О. Факторы выбора этнической категоризации в ситуации информационного воздействия на подростков и юношей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 64–80. doi: 10.17759/sps.2015060305.

* Хухлаев Олег Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, huhlaevoe@mgppu.ru

** Тарасов Константин Орестович — аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, dr-bmx@mail.ru

ральных проблем современной социальной психологии» [2, с. 109]. Посредством социальной категоризации человек систематизирует социальные события и объекты окружающего мира, осуществляет ориентацию в своем социальном окружении [4].

Значимость процессов социальной категоризации, особенно в контексте межэтнических отношений, трудно переоценить. Многие социально-психологические феномены существенным образом трансформируются при актуализации этнических категорий (например, «вера в справедливый мир») [31]. Так, наличие/отсутствие этнических/национальных категорий влияет на распознавание эмоций [37] и демонстрацию эмпатии [33].

Здесь возникают вопросы. В какой мере внешнее воздействие может оказать влияние на процесс этнической категоризации? Какие механизмы социального воздействия сопровождает этот феномен? В современных социальных науках достаточно глубоко изучен механизм информационного воздействия, связанный с тематикой межэтнических отношений [6; 14; 28]. Существуют данные о том, что самокатегоризация сама по себе может действовать как механизм социального влияния [1]. Однако социально-психологические закономерности обратного процесса остаются недостаточно изученными.

О.А. Гулевич выделяет 4 группы факторов, в целом влияющих на выбор социальной категории. Это особенность социальной категории, соотношение между категорией и контекстом категоризации, особенности контекста категоризации и индивидуальные особенности объекта категоризации. Одной из ключевых

особенностей социальной категории является ее относительная доступность — «легкость, с которой она приходит в голову субъекту восприятия» [8, с. 121]. По нашему мнению, воздействие средств массовой информации на этническую категоризацию может объясняться именно тем, что масс-медиа повышают относительную доступность этничности и тем самым стимулируют ее использование в процессе социального познания. Проверке этого предположения и было посвящено наше исследование.

С другой стороны, можно допустить, что в ситуации самокатегоризации значимым фактором также являются индивидуальные особенности субъекта категоризации. Как отмечает О.А. Гулевич, если человек «является носителем стереотипов, например о какой-либо этнической группе, и считает что национальность это именно та характеристика, которая позволяет разделить окружающих на несколько типов, при восприятии происходящего он будет часто использовать категорию «этническая принадлежность» [8, с. 122].

В этой связи представляется важным, кроме ситуационных и социокультурных аспектов доступности этнической категории, учитывать факторы, которые имеют отношение к личности. В первую очередь, это социально-психологические переменные, имеющие отношение к «механизмам субъективной реконструкции социальных реалий» [4, с. 6]. В контексте этнической категоризации наибольший интерес представляют два феномена.

Первый — это этническая идентичность, определяемая как «составная часть социальной идентичности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к

определенной этнической общности» [20, с. 229]. По мнению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность это не только «самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений» [10, с. 219]. При этом важным вопросом является сочетание этнической идентичности со смежными параметрами социальной идентификации, прежде всего, с гражданской идентичностью [17].

Второй — этнонациональные установки, определяемые как «предрасположенность индивида к оценке проявлений феномена национальности (этничности) или оценочное отношение к феномену национальности. Они являются генерализованными установками, так как существуют вне контекста конкретных межгрупповых отношений» [25, с. 48].

Таким образом, целью исследования была проверка **гипотез** о влиянии информационного воздействия и индивидуальных особенностей субъекта категоризации, а также о взаимовлиянии данных факторов в ситуации этнической категоризации.

О программе исследования

В исследовании принимали участие учащиеся средних школ г. Москвы в количестве 267 человек. Средний возраст 15 лет (от 13 до 17 лет), по половому признаку выборка делилась практически поровну (респондентов 48% мужского и 52 % женского пола). Выбор данной возрастной категории был обусловлен тем, что в этот период жизни происходит

формирование системы представлений и оценок этнокультурных особенностей своей общности по сравнению с иноэтническим окружением.

Исследование было построено по схеме прайминга — проверки влияния предъявляемого стимула на социальную категоризацию. В качестве стимула выступило ознакомление с материалом, повышающим доступность этнической категории. В данном случае это была одна из двух статей про иноэтнических мигрантов. Прайминг доступности, в свою очередь, был разделен на две части по вектору эмоциональной окрашенности текста. Первая группа получала для прочтения негативно окрашенную статью про иноэтнических мигрантов (посвящена стигматизации образа мигранта как преступника). Вторая группа респондентов знакомилась со статьей, в которой этническая категория имела позитивную эмоциональную окраску (главный герой — дворник из Узбекистана, выращивающий арбузы для жителей подмосковного дома). Таким образом, был реализован прайминг позитивности этнической категории. Школьники из третьей группы получали для прочтения статью на нейтральную (в отношении этничности) тему.

После ознакомления со статьей респонденты выполняли задания методики изучения социальной категоризации (разработка О.Е. Хухлаева). Методика основана на представлении о том, что процесс социальной категоризации является частью общих процессов категоризации, которые, в свою очередь, составляют основу мышления, а точнее, процессов анализа, сравнения и синтеза, приводящих к формированию категории. При определенной специфичности для социального познания, категориза-

ция в целом является универсальным процессом [3]. Таким образом, для изучения социальной категоризации возможно использовать методы, применяемые для изучения обобщения, в том числе для обозначения группы предметов. В патопсихологической практике широкое распространение получил такой методический инструмент, как «Исключение предметов» («Четвертый лишний»), описанный Б.В. Зейгарник и С.Я. Рубинштейном [5], на основании которого была разработана наша методика.

Для исследования социальной категоризации было подобрано 16 групп фотографий с изображениями людей крупным планом. Каждая из групп предъявлялась отдельно и состояла из четырех фотопортретов. Респондентам было необходимо выделить общий признак, характеризующий три фотографии людей и исключить четвертую как не имеющую данного признака. При регистрации ответа фиксировалось наличие/отсутствие этнической категоризации в процессе обобщения. При этом группы фотографий были подобраны так, чтобы у респондента была потенциальная возможность осуществить как этническую, так и возрастную и половую категоризации (т.е. были представлены лица разного пола, возраста и отличающиеся по антропологическим признакам, визуально «сцепленным» с этничностью).

Для изучения связи социально-психологических особенностей субъекта категоризации с выбором этнической категории были выбраны следующие опросники, проведенные в формате самозаполнения.

Шкала этнонациональных установок [27], разработанная О.Е. Хухлаевым совместно с И.М. Кузнецовым и Н.В. Тка-

ченко и направленная на изучение установок по поводу четырех объектов: а) национальности как абстрактной категории; б) национальности как свойства носителя установки («моя» национальность); в) национальности, воплощенной в межличностном пространстве («люди моей национальности»); г) национальности, «объективированной» в людях «иной» национальности. Опросник позволяет выявить четыре формы установок:

– националистические установки (неприязненное отношение к представителям иных национальностей);

– патриотические установки (ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми «своей национальности»);

– нейтральные этнонациональные установки (нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности; установка на «периферийность» вопросов, связанных с национальностью);

– негативистские этнонациональные установки (отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности).

Методика получила широкое использование и успешно апробирована на различных возрастных группах [24].

Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, которая позволяет оценить «эмоциональный компонент этнической идентичности, точнее, валентность (эмоциональную окрашенность) этнической идентичности» [21, с.15]. Вторая шкала направлена на оценку степени неопределенности этнической идентичности.

Методика изучения выраженности этнической и гражданской идентичности

ти, которая является модификацией опросников, предложенных Дж. Финни (мультигрупповой опросник этнической идентичности, MIEM-R и его вариант для гражданской принадлежности [34]), составленный на основе русскоязычной адаптации, предложенной Т.Г. Стефаненко [20].

Результаты исследования и их обсуждение

В целом примерно в половине случаев социальной категоризации (необходимости выбора «лишней» фотографии) респонденты использовали категории, не запланированные исследователями. Далее (в порядке убывания) идет частота выбора половой (3,9 из 16), этнической (1,8 из 16) и возрастной категорий (1,5 из 16).

Рассмотрим влияние информационного прайминга, повышающего доступность этнической категории, на частоту выбора данной категории (табл. 1). По результатам одномерного дисперсионного анализа (ANOVA, $F(2) = 12.84$, $p = 0.000$) частота выбора этнической категории значимо выше тогда, когда рес-

понденты знакомились со статьей про иноэтничного мигранта, вне зависимости от эмоциональной окрашенности данной статьи. Таким образом, повышение доступности этнической категории в результате информационного воздействия (прочтения статьи) влияет на частоту использования этничности для социальной категоризации. При этом не важно, какой образ иноэтничного мигранта транслируется (позитивный или негативный), так как результат оказывается одним и тем же.

Рассмотрим, как связаны социально-психологические особенности субъекта категоризации с выбором этнической категории (вне зависимости от контекста прайминга). В рамках первой регрессионной модели (табл. 2, использован прямой пошаговый метод) показана связь всех изученных социально-психологических личностных переменных с этнической категоризацией. Ее статистическая значимость ограничена — на уровне статистической тенденции $p = 0.08$. При этом квадрат коэффициента множественной корреляции (R^2) крайне невелик. Такие данные говорят об отсутствии связи в целом. Однако на фоне дру-

Таблица 1

Выбор этнической категории в различных ситуациях информационного воздействия

Группы респондентов (исследовательские ситуации)	Частота выбора этнической категории (среднее)	Стандартное отклонение	Статистические параметры модели
Ситуация 1. Этническая категория доступна и позитивна	2.7 *	2.5	F(2) = 12.84, p p = 0.000
Ситуация 2. Этническая категория доступна и негативна	2.3*	1.8	
Ситуация 3. Этническая категория недоступна	1.5	1.7	

Условные обозначения: «*» Парные сравнения средних (критерий Шеффе): достоверные различия с ситуацией 3, $p \leq 0.001$.

гих переменных резко выделяются националистические установки. Это единственный параметр, коэффициент регрессии которого находится в границах статистической значимости.

Таким образом, можно говорить, что этническая и гражданская идентичность респондентов не оказывают значимого влияния на склонность использовать этническую категорию в ситуации социального восприятия.

Во второй регрессионной модели рассмотрены отдельно этнонациональные установки. Она уже становится достоверной, при этом несколько повышается квадрат коэффициента множественной корреляции. В третьей модели как независимая переменная выступают только националистические установки. При сравнении ее параметров с показателями второй модели следует отметить, что они практически идентичны. Таким образом,

можно сказать, что националистические установки повышают вероятность социальной категоризации по этническому признаку. Однако по данным нашего исследования такое влияние относительно невелико, так как регрессионная модель объясняет не более 7% дисперсии и, следовательно, не обладает высокой предсказательной значимостью.

Далее перейдем к сравнению влияния информационного воздействия и социально-психологических параметров на использование этнического признака в процессе социальной категоризации.

Для решения этой задачи мы перевели показатели выраженности этнонациональных установок в качественную шкалу, пригодную для использования в многофакторном дисперсионном анализе. Мы видим (табл. 3), что обе независимые переменные связаны с этнической категоризацией. Уровень достоверности воз-

Таблица 2

Взаимосвязь социально-психологических особенностей субъекта категоризации с выбором этнической категории

Независимые переменные	Зависимая переменная – выбор этнической категории		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Валентность этнической идентичности	0.02		
Неопределенность этнической идентичности	- 0.07		
Выраженность этнической идентичности	0.04		
Выраженность гражданской идентичности	- 0.04		
Патриотические установки	0.02	0.03	
Нейтральные этнонациональные установки	-0.09	-0.09	
Негативистские этнонациональные установки	0.04	0.04	
Националистические установки	0.30***	0.29***	0.26***
R	0.30	0.29	0.26
R ²	0.09	0.08	0.07
Adj.R ²	0.04	0.06	0.06
F	1.79*	3.26**	11.2 ***

Условные обозначения: «*» $p \leq 0.01$; «**» $p \leq 0.05$; «***» $p \leq 0.001$; R – коэффициент множественной корреляции; R² – квадрат коэффициента множественной корреляции; Adj.R² – скорректированный квадрат коэффициента множественной корреляции; F – критерий Фишера.

действия фактора доступности («этнической» информации) на несколько порядков выше, чем националистических установок. Однако влияние установок также находится на уровне удовлетворительной статистической значимости.

При этом взаимодействие данных факторов не обнаружено (его значимость недостоверна), что говорит о том, что фактор ситуации (информационное воздействие, повышающее доступность этнической категории) и фактор личности (социально-психологический параметр - националистические установки) действуют вне связи друг с другом. Подтверждением этому и является то, что объем объясненной дисперсии в данной модели наиболее высок (21%).

Мы обнаружили что респонденты, знакомящиеся со статьей про иноэтнических мигрантов, чаще использовали этничность в процессе социальной категоризации. Безусловно, каждый человек в ситуации социального восприятия ис-

пользует широкий спектр социальных категорий (что отчасти и подтвердило наше исследование). Информационное воздействие оказывает определенное влияние на то, какая категория будет использована в данный момент. Информация из статьи, по сути дела, «напоминает» человеку о существовании такой категории, как этничность. Вслед за этим, получая задание выбрать «лишнюю» из четырех фотографий, респондент чаще использует этничность, так как она уже «под рукой», т.е. находится в пределах доступности ассоциативной памяти.

Более того, как отмечает О.А. Гулевич, «доступность какой-либо категории объясняется тем, что субъект восприятия понимает: большинство различий между людьми могут быть описаны в терминах этой категории» [8, с. 122]. Несмотря на то, что прямое доверие к печатным СМИ невысоко¹, газетный текст может оказывать социальное влияние посредством механизма, который

Таблица 3

Сравнительный эффект влияния доступности этнической категории и выраженности националистических установок на этническую категоризацию

		Частота выбора этнической категории (среднее)	Стандартное отклонение	Статистические параметры модели
Фактор 1. Выраженность националистических установок	Высокая	2.6	2.2	F(2) = 3.67, p = 0.028
	Средняя	2.0	1.7	
	Низкая	1.1	1.5	
Фактор 2. Доступность этнической категории в ситуации информационного воздействия	Высокая	2.6	2.2	F(1) = 28.887, p = 0.000
	Низкая	1.0	1.5	
Взаимодействие Фактор 1 * Фактор 2				F(2) = 2.11, p = 0.12

Примечание. Параметры модели: квадрат коэффициента множественной корреляции $R^2 = 0.21$.

¹ По данным Левада-центра на июнь 2014 г. только 12% россиян доверяют газетам [6].

Р. Чалдини обозначил как «принцип социального доказательства. <...> ...мы считаем свое поведение правильным в данной ситуации, если часто видим других людей, ведущих себя подобным образом» [26, с. 114]. Читая статью про дворника из Узбекистана, мы знаем, что этот же текст читали и читают другие люди. Таким образом, тема «иноэтничности» становится тем, о чем «принято» говорить, и, значит, ее объяснительный потенциал возрастает.

Также данный результат может быть объяснен с привлечением данных когнитивной психологии. Д. Каннеман выделил ряд эвристических принципов, которые сводят сложные задачи оценки вероятностей и прогнозирования значений величин в ситуации принятия решения до более простых операций суждения [12]. Одна из них — эвристика доступности. Это «оценка частоты и степени вероятности данного частного случая или происшествия, основанная на том, насколько легко или быстро приходят на память вызванные данной ситуацией ассоциации или примеры» [23, с. 87]. Под ее влиянием человек считает более вероятным событие, которое, например, произошло недавно или которое легко представить. Очевидно, что если незадолго до ситуации социальной категоризации человек имел дело с вопросами этничности (прочитал соответствующую статью), скорее всего он будет склонен оценивать как более вероятный тот факт, что с помощью этничности можно описать различия между людьми.

Влияние фактора позитивности этнической категории на этническую категоризацию в исследовании не обнаружено. Как показывает О.А. Гулевич [9], этот параметр имеет отношение, в пер-

вую очередь, к самокатегоризации, так как действует посредством возможности повышения самооценки за счет причисления себя к более позитивной категории. Однако, с теоретической точки зрения, данный феномен может проявляться и при восприятии окружающего мира. Наличие негативно окрашенной категории, в том случае если «негативность» связана с представлением о более низком статусе аутгруппы (что соответствует образу иноэтничных трудовых мигрантов), с точки зрения гипотезы самооценки [36], предоставляет возможность более позитивной оценки ингруппы. Это, в свою очередь, должно стимулировать более частое предпочтение этничности в ситуации такой социальной категоризации, когда прайминговый стимул представлен негативной информацией об этнической аутгруппе. Однако данные нашего исследования это не подтверждают, что может быть интерпретировано двояким образом.

Возможно, ситуация потенциально «подходящая» для повышения этнической самооценки не обязательно будет использована человеком. Более того, можно предположить, что сама по себе ситуация практически не важна, а на первый план выходит наличие или отсутствие у самого субъекта мотивов повышения этнической самооценки, что специально в нашем исследовании не учитывалось.

С другой стороны, существует вероятность того, что «эмоциональная окрашенность» сама по себе не является прайминговым стимулом. Люди реагируют на сам образ («иноэтничный мигрант»), при этом его оценочные характеристики формируются на основании уже имеющейся у субъекта системы устано-

вок. Данный процесс может быть объяснен с помощью широко известного феномена избирательного внимания к релевантной информации о стереотипах [16]. Наличие предубежденности по отношению к мигрантам приведет к тому, что оценка образа, предъявляемого в статье, будет негативной вне зависимости от содержания текста. Таким образом, «объективные» (т.е. внешние по отношению к субъекту) характеристики объекта социальной категоризации не оказывают влияние на выбор этнической категоризации — на первый план здесь выходят индивидуальные особенности субъекта. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

На первый взгляд, наибольшее влияние на использование этничности для социальной категоризации должна оказывать выраженность этнической идентичности. Если для субъекта восприятия значима принадлежность к этнической общности — это, безусловно, будет вносить серьезный вклад в личное ощущение «реальности» («жизненности», «entitativity») группы. В свою очередь, параметр «реальности» группы является одним из значимых факторов, влияющих на выбор социальной категории [9]. В российской реальности, когда «этничность» и «национальность» (гражданская принадлежность) значимо «сцеплены» друг с другом, логично предположить, что гражданская идентичность также может выступать стимулом этнической категоризации. Однако результаты нашего исследования не подтверждают вышеизложенные положения. Более того, значимость коэффициента регрессии настолько низка, что даже существенное увеличение объема выборки не привело бы, скорее всего, к выявлению достоверных взаимосвязей.

Эти данные можно объяснить, только рассмотрев различия между процессами социальной категоризации и идентичности. Общеизвестно, что социальная категоризация сопровождается самокатегоризацией, отнесением себя к определенной группе [15]. При этом на первый план выходит когнитивная составляющая, связанная с восприятием различий между аут- и ингруппой, а также сходства между членами ингрупп. Социальная идентификация, в трактовке создателя теории социальной идентичности А. Тешфела, является когнитивно-мотивационным процессом [11]. Опросные методики изучения этнической и гражданской идентичности в большей степени учитывают как когнитивные, так и мотивационные аспекты и в целом имеют дело не с процессом, а с результатом — т.е. не с идентификацией, а с идентичностью. Категоризация же, напротив, процесс ситуативный, сильно подверженный влиянию социального контекста. Таким образом, мы можем предположить, что устойчивое внутреннее ощущение принадлежности к этнической общности связано с глубинными личностными смыслами и не оказывает существенного влияния на ситуативно ориентированный процесс социальной категоризации.

Из всех социально-психологических параметров, задействованных в исследовании, только националистические установки демонстрируют наличие влияния на социальную категоризацию по этническому признаку. Данные установки связаны, в первую очередь, с неприязненным отношением к представителям иных национальностей (презрение, отвращение и пр.). По мнению М. Биллига [29; 30], за таким отношением стоит не про-

сто предубежденность, а принятие без доказательств естественности («naturalness») существования нации-государства. В основе националистического взгляда на мир всегда лежит представление о естественности разделения человечества на нации. Некоторые исследователи также обращают внимание на то, что, кроме социальной идентичности, у национализма существует и второй значимый предиктор [32]. Это эссенциализм, т.е. отношение к различиям как к неотъемлемым атрибутам ин- и аутгруппы, как к своего рода «непроходимым барьерам» между культурами. Такое «радикальное уважение различий» как раз и лежит в основе национализма как внешнего проявления дегуманизации аутгруппы. Сама по себе этническая идентичность не вызывает негативного отношения к иной этногруппе. Только в сочетании с эссенциалистским представлением о «кардинальности» различий она ведет к росту этнической неприязни, а эссенциалистское представление об этничности является прямым основанием повышения субъективного ощущения «реальности» этнической группы — ведущего фактора этнической категоризации [8].

При этом фактор, носящий социально-психологический характер (националистические установки), и внешний фактор информационного воздействия, повышающего доступность этнической категории, действуют без значимой связи друг с другом. Напротив, их воздействие суммируется, повышая вероятность выбора этничности в процессе социального восприятия. Можно говорить о том, что актуализация этнической категории определяется суммативным воздействием контекста и установок самого субъекта категоризации. Эти выводы возвра-

щают нас к предположениям дуалистической модели нормативного и информационного влияния, разработанной для анализа причин конформизма [13], но имеющей потенциально более широкое значение. Согласно этому подходу к объяснению социального воздействия, нормативное влияние связано с вопросами самооценки и «получением правильных представлений о реальности» [22, с. 201], а также задействует, в первую очередь, социальные установки, имеющиеся у индивида. Информационное влияние действует посредством механизма конформности через убеждение в валидности взглядов других людей. Традиционно в социальной психологии принята идея о разграничении данных процессов, хотя и существуют данные о том, что информационное влияние может усиливать действие влияния нормативного [18]. Однако, с точки зрения теории самокатегоризации Дж. Тернера, «информация будет убеждающей лишь в той мере, в какой она была валидизирована через ее использование для достижения внутригруппового консенсуса» [22, с. 238]. Таким образом, теория самокатегоризации «предлагает общий подход к объяснению социальной ценности и информационных процессов» [22, с. 238].

Полученные в нашем исследовании результаты не соответствуют модели Дж. Тернера, потому что взаимовлияние информации и установок на этническую категоризацию не обнаружено. Мы можем предположить, что подход Дж. Тернера ограничен ситуацией, когда информационное влияние действует напрямую — посредством убеждения, предполагающего, в конечном итоге, изменение установок. В изучаемой нами ситуации ключевым является эффект прайминга,

т.е. непровольного и нецелевого воздействия. Если предположить, что авторы статей про иноэтнических мигрантов (которые были использованы в эксперименте) ставили себе задачу убедить читателя в определенной оценке данной социальной группы или ее отдельных представителей, то влияние такого рода может быть объяснено только с учетом теории Дж. Тернера. Однако эффект, обнаруженный нами, связан с упоминанием этничности в контексте феномена миграции, упоминанием, которое не было призвано «убеждать» в чем-то «само по себе». Посредством повышения доступ-

ности этнической категории влияние было осуществлено без задействования внутренних установок индивида. Следует отметить, что личные установки авторов статей также не обязательно имели отношение к результату, достаточно было соответствующего редакционного задания. Таким образом, мы видим, что этническая категоризация может быть не только функцией внутригрупповых процессов, но и продуктом ситуативного стечения обстоятельств контекста, своего рода «случайностью», которая зачастую может приводить к непредсказуемым последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агадуллина Е.Р., Горемыко М.В. Роль самокатегоризации в проявлении конформного поведения // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 30–40.
2. Андреева Г.М. Личность в поисках идентичности в глобальном мире // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения. 22–23 мая 2008 г. СПб.: СПбГУП, 2008. С. 123–125.
3. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 303 с.
4. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 304 с.
5. Белопольская Н.Л. Исключение предметов (Четвертый лишний): Модифицированная психодиагностическая методика: Руководство по использованию. 3-е изд., стер. М.: Когито-Центр, 2009. 53 с.
6. Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет [Электронный ресурс]: Отчет аналитического центра Юрия Левады. Июнь 2014 // ЛЕВАДА-ЦЕНТР. 2014. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf> (дата обращения: 10.03.2015).
7. Верховский А.М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002. 200 с.
8. Гулевич О.А. Межгрупповая дифференциация: условия возникновения и последствия // Социальная психология: актуальные проблемы исследований: Сборник научных трудов. М.: Фонд Л.С. Выготского, 2007. С. 97–142.
9. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 432 с.
10. Дробижеева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228.
11. Иванова Н.Л., Румянцев Т.В. Социальная идентичность: теория и практика / М.: Изд-во СГУ, 2009. 454 с.

12. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. 632 с.
13. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1999. 688 с.
14. Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. 348 с.
15. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2008. С. 8–47.
16. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
17. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 119–133.
18. Семечкин Н.И. Социальная психология (Часть 2). Владивосток: зд-во Дальневосточного университета, 2003. 133 с.
19. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
20. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Практикум. М.: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
21. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 238 с.
22. Тернер Дж. Социальное влияние / Концентрированная психология. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
23. Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2004. 767 с.
24. Фомичева А.Е., Хухлаев О.Е. Исследование взаимосвязи предпочитаемых стратегий совладания с этнонациональными установками // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 58–69.
25. Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки современной Российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 46–57.
26. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2004. 194 с.
27. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи / Хухлаев О.Е. [и др.] // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97–106.
28. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознанию текстов ненависти / Дубровский Д.В. [и др.]. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. 72 с.
29. Billig M. Banal nationalism // Nations and nationalism: a reader / Eds. Spencer P., Wollman H. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. P. 184–196.
30. Billig M. Reflecting on a critical engagement with banal nationalism // Sociological Review. 2009. № 57. P. 347–352. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-954X.2009.01837.x>
31. Correia I., Vala J., Aguiar P. Victim's innocence, social categorization, and the threat to the belief in a just world // Journal of Experimental Social Psychology. 2007. № 43. P. 31–38. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jesp.2005.12.010>

32. Emotional prejudice, essentialism, and nationalism / Leyens J.-P. [и др.]. The 2002 Tajfel lecture // *European Journal of Social Psychology*. 2003. № 33. Т. 6. P. 703–717. <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.170>
33. O'Doherty K., Lecouteur A. «Asylum seekers», «boat people» and «illegal immigrants»: Social categorisation in the media // *Australian journal of psychology*. 2007. № 59. P. 1–12. <http://dx.doi.org/10.1080/00049530600941685>
34. Phinney J., Ong A.D. Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // *Journal of Counseling Psychology*. 2007. Vol. 54. № 3. P. 271–281. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.271>
35. Phinney J., Devich-Navarro M. Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents // *Journal of Research on Adolescence*. 1997. № 7. P. 3–32. http://dx.doi.org/10.1207/s15327795jra0701_2
36. Social categorization and intergroup behavior / Tajfel H. [и др.]. // *European Journal Of Social Psychology*. 1971. № 1. P. 149–177. DOI: 10.1002/ejsp.2420010202
37. Young S., Hugenberg K. Mere Social Categorization Modulates Identification of Facial Expressions of Emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 99. № 6. P. 964–977. <http://dx.doi.org/10.1037/a0020400>

Factors Contributing to the Choice of Ethnic Categorization in Situations of Informational Influence

O.E. KHUKHLAEV*,
Moscow, Russia,
huhlaevoe@mgppu.ru

K.O. TARASOV**,
Moscow, Russia,
dr-bmx@mail.ru

The paper focuses on the specifics of mutual impacts of informational influence and personality features of an individual in situations of ethnic categorization. As it was revealed, the subjects that were presented with materials raising the accessibility of ethnic category used ethnicity more often in the process of ethnic categorization. Of all the social psychological parameters employed in the study, only nationalistic attitudes seem to have visible impact on social categorization based on ethnicity. Also, the study found no mutual impacts of information and attitudes towards ethnic categorization. The outcomes suggest that ethnic categorization may well be not just the function of intragroup processes, but also the result of circumstances of the context.

Keywords: social categorization, ethnic identity, ethnonational attitudes, informational priming.

REFERENCES

1. Agadullina E.R., Goremyko M.V. Rol' samokategorizatsii v proyavlenii konformnogo povedeniya [Role of samocathegoresation self-categorization in act of conform behaviour psikho]. *Sotsial'naya logiya i obshchestvo* [Social psychology and society], Moscow, 2012, no 4, pp. 30–40
2. Andreeva G.M. Lichnost' v poiskakh identichnosti v global'nom mire [The personality in search of identity in the global world]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: VIII Mezhdunarodnyye Likhachevskie nauchnye chteniya, 22–23 maya 2008 g.* [Dialogue of cul-

For citation:

Khukhlaev O.E., Tarasov K.O. Factors Contributing to the Choice of Ethnic Categorization in Situations of Informational Influence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 64–80. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060305.

* *Khukhlaev Oleg* – PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, huhlaevoe@mgppu.ru

** *Tarasov Konstantin* – PhD student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, dr-bmx@mail.ru

- tures and partnership of civilizations: VIII International Likhachevsky scientific readings, on May 22–23, 2008]. Saint Petersburg: publ. Saint Petersburg GUP, 2008. pp. 123–125.
3. *Andreeva G.M.* Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social knowledge]. G.M. Andreeva. Moscow: publ. Aspekt Press, 2005. 303 p.
4. *Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A.* Sotsial'naya psikhologiya lichnosti [Social psychology of personality]. Uchebnoe posobie [Manual]. Moscow: publ. Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2009. 304 p.
5. *Belopol'skaya N.L.* Isklyuchenie predmetov (Chetvertyi lishnii): Modifitsirovannaya psikhodiagnosticheskaya metodika: Rukovodstvo po ispol'zovaniyu [Exception of subjects (The fourth superfluous): The modified psychodiagnostic technique: Operating instructions]. Publ. 3, stereotip. Moscow: publ. Kogito-Tsentr, 2009. 53 p.
6. *Volkov D., Goncharov S.* Rossiiskii media-landshaft: televidenie, pressa, internet Otchet analiti-cheskogo tsentra Iurii Levady. Iiun' 2014. [Russian media landscape: TV, press, Internet. Report Levada Center. June 2014] // LEVADA-TSENTR [LEVADA-CENTER], 2013. Available at: <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareport-media.pdf> (Accessed 10/03/2015)
7. *Verkhovskii A.M.* Yazyk moi... Problema etnicheskoi i religioznoi neterpimosti v rossiiskikh SMI [My language ... A problem of ethnic and religious intolerance in the Russian mass media]. Moscow: publ ROO "Tsentr "Panorama", 2002. 200 p.
8. *Gulevich O.A.* Mezhrupppovaya differentsiatsiya: usloviya vznikonoveniya i posledstviya [Intergroup differentiation: conditions of emergence and consequence]. *Sotsial'naya psikhologiya: aktual'nye problemy issledovaniy. Sbornik nauchnykh trudov* [Social psychology: actual problems of researches. Collection of scientific works], Moscow: Fond L.S. Vygot'skogo, 2007. pp. 97–142.
9. *Gulevich O.A.* Psikhologiya mezhrupppovykh otnoshenii [Psychology of the intergroup relations]. Ed. Moscow, *Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut* [Moscow psychology-social institute], 2007. 432 p.
10. *Drobizheva L.M.* Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoi sovместimosti [National and civil and ethnic identity: problems of positive compatibility]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia reforms] / M.K. Gorshkov Ed. Vol. 7, Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2008. pp. 214–228.
11. *Ivanova N.L., Rumyantseva T.V.* Sotsial'naya identichnost': teoriya i praktika [Social identity: theory and practice]. Moscow: publ. SGU, 2009. 454 p.
12. *Kaneman D., Slovik P., Tverski A.* Prinyatie reshenii v neopredelennosti: Pravila i pre-dubezhdeniya [Decision-making in uncertainty: Rules and prejudices]. Khar'kov: publ. Institut prikladnoi psikhologii "Gumanitarnyi Tsentr", 2005. 632 p.
13. *Maiers D.* Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. D. Maiers ed. Saint Petersburg: publ. Piter, 1999. 688 p.
14. *Mal'kova V.K., Tishkov V.A.* Etnichnost' i tolerantnost' v sredstvakh massovoi informatsii [Ethnic and tolerance in mass media]. Moscow: publ. IEA RAN, 2002. 348 p.
15. *Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V.* Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya: Monografiya [Social identity of the personality: contents, structure, formation mechanisms: Monograph], Saint Petersburg: publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 2008. pp. 8–47.

16. *Nel'son T.* Psikhologiya predubezhdenii. Sekrety shablonov myshleniya, vospriyatiya i povedeniya [Psychology of prejudices. Secrets of templates of thinking, perception and behavior]. Saint Petersburg : publ. Praim-Evroznak, 2003. 384 p.
17. *Pavlova O.S.* Ob etnicheskoi, religioznoi i gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti chechentsev i ingushei [About ethnic, religious and state and civil identity of Chechens and Ingushs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society] 2013, no. 2, pp.119–133.
18. *Semechkin N.I.* Sotsial'naya psikhologiya (Chast' 2) [Social psychology (Part 2)]. Vladivostok: publ. Dal'nevostochnii universitet, 2003. 133 p.
19. *Stefanenko T.G.* Etnopsikhologiya [Etnopsychology]. Uchebnik dlya vuzov [Manual for university], 4th ed. Moscow: publ. Aspekt Press, 2009. 368 p.
20. *Stefanenko T.G.* Etnopsikhologiya. Praktikum. [Ethnopsychology. Practicum] Moscow: publ. Aspekt Press, 2006. 208 p.
21. *Tatarko A.N., Lebedeva N.M.* Metody etnicheskoi i kross-kul'turnoi psikhologii [Methods of ethnopsychology and cross-cultural psychology]. Moscow: publ. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. 238 p.
22. *Terner Dzh.* Sotsial'noe vliyanie [Social influence]. Kontsentrirrovannaya psikhologiya ed. [Concentrate psychology]. Saint Petersburg : Piter 2003. 256 p.
23. *Teilor Sh., Piplo L., Sirs D.* Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2004. 767p.
24. *Fomicheva A.E., Khukhlaev O.E.* Issledovanie vzaimosviasi predpochitaemykh strategii sovladaniia s etnonatsional'nymi ustanovkami [Study of the relationship of preferred coping strategies to ethnic attitudes] // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society] 2013, no. 4, pp. 58–69.
25. *Khukhlaev O.E.* Etnonatsional'nye ustanovki sovremennoi Rossiiskoi molodezhi [Ethnonational installations of modern Russian youth]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], no. 1, 2011. pp. 46–57.
26. *Chaldini R.* Psikhologiya vliyaniya [Psychology of influence]. Saint Petersburg: publ. Piter, 2004. 194 p.
27. Etnonatsional'nye ustanovki i tsennosti sovremennoi molodezhi [Ethnonational installations and treasures of modern Russian youth]. Ed. Khukhlaev O.E. [i dr.]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and historical psychology]. no. 4, 2011. pp. 97–106.
28. Yazyk vrazhdy v russkoyazychnom Internetе: materialy issledovaniya po opoznaniyu tekstov nenavisti [Hostility language on the Russian-speaking Internet: materials of research on an identification of texts of hatred]. Ed. Dubrovskii D.V. [i dr.]. Saint Petersburg: publ. Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2003. 72 p.
29. *Billig M.* Banal nationalism. Nations and nationalism: a reader. Eds. P. Spencer, H. Wollman. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2005. pp. 184–196.
30. *Billig M.* Reflecting on a critical engagement with banal nationalism. *Sociological Review*. 2009. Vol. 57. pp. 347–352. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-954X.2009.01837.x>

31. *Correia I., Vala J., Aguiar P.* Victim's innocence, social categorization, and the threat to the belief in a just world. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 43 pp. 31–38. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jesp.2005.12.010>
32. Emotional prejudice, essentialism, and nationalism . Ed. Leyens J.-P. The 2002 Tajfel lecture. *European Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 33. I. 6. pp. 703–717. <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.170>
33. *O'Doherty K., Lecouteur A.* "Asylum seekers", "boat people" and "illegal immigrants": Social categorisation in the media. *Australian journal of psychology*. 2007. Vol. 59, pp. 1–12. <http://dx.doi.org/10.1080/00049530600941685>
34. *Phinney J., Ong A.D.* Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*. 2007. Vol. 54, No. 3, pp. 271–281. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.271>
35. *Phinney J., Devich-Navarro M.* Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents. *Journal of Research on Adolescence*. 1997. № 7, pp. 3–32. http://dx.doi.org/10.1207/s15327795jra0701_2
36. Social categorization and intergroup behavior / Tajfel H. et al. *European Journal Of Social Psychology*. 1971, Vol. 1, pp. 149–177. <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.2420010202>
37. *Young S., Hugenberg K.* Mere Social Categorization Modulates Identification of Facial Expressions of Emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 99, No. 6, pp. 964–977. <http://dx.doi.org/10.1037/a0020400>

Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ

Т.В. ДРОБЫШЕВА*,
Москва, Россия,
tdrobysheva@mail.ru

М.А. РОМАНОВСКАЯ**,
Москва, Россия,
m.a.romanovskaya@yandex.ru

В статье представлены результаты социально-психологического исследования профессионального взаимодействия современных российских нянь. Впервые описаны значимые ситуации взаимодействия нянь с работодателями и воспитанником. Эмпирически выявлены четыре типа профессионального взаимодействия нянь, различающиеся в зависимости от мотивации выбора деятельности. Няни с позицией «старшая подруга ребенка» ориентированы на установление близкой психологической дистанции с воспитанником. Их профессиональное взаимодействие с воспитанником характеризуется гиперопекой. «Няни-посредники» в большей степени, чем их коллеги осознают свой статус наемного работника и не нарушают психологическую дистанцию с воспитанником и его родителями. Выбор стратегий профессионального взаимодействия нянь с позицией «соседка-бэбиситтер» определяется их установкой на получение опыта работы или занятость в свободное время. Они предпочитают не устанавливать близких отношений с воспитанником. Наиболее профессионально ориентированная группа нянь — это работницы с позицией «прислуга». Они умеют разрешать конфликты детей, организовывать игру, проявляют конформность в отношении требований родителей. Однако именно эти няни склонны к физическому подавлению воли воспитанника.

Ключевые слова: типы профессионального взаимодействия, современная няня, наемный работник, стратегии профессионального взаимодействия, ситуации взаимодействия.

Для цитаты:

Дробышева Т.В., Романовская М.А. Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 81–97. doi: 10.17759/sps.2015060306.

* Дробышева Татьяна Валерьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия, tdrobysheva@mail.ru

** Романовская Мария Александровна — соискатель лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия, m.a.romanovskaya@yandex.ru

В общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР) Госстандарта РФ «няня» относится к группе профессий, связанных с уходом за детьми в дошкольном учреждении. Деятельность нянь, оказывающих аналогичные услуги российским семьям, в данном перечне не представлена, в то время как их востребованность на рынке труда достаточно высокая.

В более ранних публикациях авторов статьи был дан подробный анализ исторического аспекта становления профессии «няня» в российском обществе [2; 3 и др.]. Напомним, что речь шла об изменении статуса няни, которая длительный период времени не являлась наемным работником и нередко воспринималась как низкостатусный член семьи. Содержание деятельности няни за несколько столетий не претерпело существенных изменений. В прошлом веке и в настоящее время функции няни включают присмотр и уход за чужими детьми. Тем не менее, современные родители (наниматели) предъявляют более высокие требования к няне, чем их предшественники. Речь идет о профессиональной подготовке, состоянии психики, профессиональных навыках, личностных качествах наемного работника. Несмотря на это, для российских родителей традиционной является потребность найти одну няню на весь период работы в семье, которая будет *не только ухаживать* за ребенком, *но и любить его* [3]. Именно эта характеристика менталитета российских родителей, а также специфика профес-

сиональной деятельности няни определяют противоречивый характер статуса современной няни в семье (заметим, это противоречие отсутствует в деятельности профессиональных зарубежных нянь [3]). То есть, с одной стороны, статус наемного работника предполагает удаленную социальную дистанцию с воспитанником, с другой стороны, частичная замена матери по уходу за ребенком раннего возраста способствует сближению психологической дистанции между няней и ее воспитанником. Профессиональное поведение современной российской няни можно сравнить с поведением *профессиональных приемных родителей (замещающие родители)*, чья деятельность на законодательном уровне также не имеет статуса профессии [1; 5; 6 и др.].

Большинство зарубежных и отечественных исследователей профессионального поведения замещающих родителей обеспокоены вопросом снижения статистики возврата взятых на воспитание детей органам опеки [1; 5 и др.]. Речь идет об эффективности отбора кандидатов на должность профессиональных родителей¹. Подобная проблема стоит и перед владельцами агентств по подбору персонала (нянь и гувернеров) в российские семьи. С нашей точки зрения одним из направлений в решении этой задачи могло бы стать изучение (а в последствии и ее формирование) профессиональной идентичности наемных работников. Как показывают наши исследования, нередко поведение нянь характеризует «профессиональный маргинализм» [2 и др.], который определяется Е.П. Ермолаевой в

¹ Так, по мнению А.А. Алдашевой, статус замещающих родителей предполагает близкую социальную и психологическую дистанцию с ребенком, принимаемым в семью. Успешность реализации замещающими родителями своих функций по воспитанию и уходу детей в семье во многом зависит от того, смогут ли они психологически сближаться с ребенком, принять его.

терминах личностной непричастности человека к профессиональной этике и ценностям профессионального труда [4]. В случае с нянями можно утверждать, что одной из причин их неэтичного поведения можно считать отсутствие официально закрепленных норм и правил профессионального поведения, регулирующих их взаимодействие с воспитанником и нанимателями. Этические нормы и ценности, регулирующие профессиональное взаимодействие няни со всеми членами семьи, существуют в виде представлений, установок, ожиданий в обыденном сознании нанимателей (родителей) и самой няни и влияют на ее профессиональное поведение, определяя выбор цели, мотивов, а также наиболее предпочитаемых стратегий взаимодействия с воспитанником и его родителями.

Конечно, изучение профессионального поведения современных нянь по отношению к воспитанникам и их родителям имеет большую научно-практическую значимость в связи с востребованностью критериев эффективного отбора нянь в российские семьи, но не ограничивается этим. Анализ факторов, механизмов, стратегий взаимодействия няни с ее воспитанником с социально-психологических позиций позволяет расширить спектр затрагиваемых проблем, связанных с пониманием детерминации личности ребенка на этапе его ранней социализации. Разработка данной проблематики в целом имеет социальное значение, поскольку связана с прогнозированием развития института «нянь» в современном российском обществе. Актуальность научной проблемы состоит в изучении общих (универсальных) и парциальных (вариативных) характеристик профессионального взаимодействия на-

емного работника (няни) с воспитанником и его родителями. В данной работе впервые изучалось профессиональное взаимодействие няни как основной компонент ее профессиональной деятельности, представленное на когнитивном уровне в виде предпочитаемых ею стратегий взаимодействия с воспитанником в значимых для него ситуациях общения со сверстниками, а также стратегий взаимодействия непосредственно с ребенком и его родителями.

Целью эмпирического исследования, проведенного на группе нянь, зарегистрированных в кадровом агентстве, стало выявление и последующий анализ типов профессионального взаимодействия современных нянь в российских семьях. Предположили, что взаимодействие современных российских нянь обусловлено той позицией, которую они занимают в отношениях с воспитанником и его родителями и различается в зависимости от цели и мотивов выбора ими данной деятельности. Вариативность профессионального взаимодействия няни с воспитанником и его родителями обусловлено опытом работы в должности няни и наличием у ней профессионального образования.

На основном этапе исследования в качестве респондентов выступили 77 женщин в возрасте от 25 до 65 лет, зарегистрированных в московском агентстве по подбору кадров в семью. Большая часть выборки включала претендентов со средним специальным или высшим педагогическим либо средним специальным медицинским образованием, ее меньшая часть — без профессионального образования (например, с техническим образованием). Все респонденты на момент регистрации в агентстве дли-

тельный период времени проживали в Москве. Опыт работы в должности няни на предыдущем месте работы у участников исследования варьировался от полного его отсутствия до пятнадцати и более лет.

Исследование включало в себя два этапа. На пилотажном этапе провели контент анализ текста интернет-конференции за пять лет (с 2005 по 2010 г.), посвященной работе современных нянь в российских семьях [3 и др.]. Полученные данные послужили основанием для организации программы исследования на следующем этапе работы. На основном этапе исследования осуществили подбор респондентов (113 человек). Все они проходили собеседование в кадровом агентстве по подбору нянь в семьи. Опрос проводился в форме стандартизированного интервью. На этапе обработки данных к работе были приняты результаты опроса 77 респондентов.

Программа эмпирического исследования включала следующий методический инструментарий. Так, с целью выявления стратегий профессионального поведения няни в разных ситуациях жизнедеятельности ребенка применялся авторский вариант методики «незаконченных предложений». Список ситуаций включал 19 вариантов наиболее типичных из них, выделенных в результате контент-анализа высказываний мам и нянь на интернет-конференции, посвященной деятельности современных нянь в российских семьях. Дополнительно применяли авторскую анкету, которая включала 12 закрытых вопросов, посвященных деятельности няни и список вопросов, выявляющий ее социально-де-

мографические характеристики. В процессе формулирования вопросов и вариантов ответов опирались на данные, полученные с помощью контент-анализа высказываний мам и нянь на интернет-конференциях и качественного анализа публикаций, размещенных на сайтах, которые посвящены работе нянь. Полученные в исследовании данные были обработаны с помощью методов статистического анализа с использованием программ SPSS 17.00 и MS Excel. Для выявления типов профессионального поведения был использован кластерный анализ (методом средних связей классифицировались объекты). Описание содержательных характеристик опиралось на частотный анализ, дескриптивные статистики (медиана, распределение).

Стратегии профессионального взаимодействия нянь в условиях выполнения ими функциональных обязанностей в семье. Результаты качественного и частотного анализа данных позволили выделить ряд наиболее предпочитаемых респондентами стратегий профессионального взаимодействия, которые в зависимости от типов ситуаций были разделены на две группы. *Первая* из них, включала совокупность поведенческих реакций, связанных с включенностью няни во взаимодействие воспитанника со сверстниками. Здесь выделились следующие стратегии²: *уход* (45 ед.); *пассивное вмешательство* (напоминание детям о правилах поведения) (192 ед.); *активное вмешательство, принятие на себя роли посредника* (155 ед.); *улаживание конфликта* (30 ед.); *игнорирование ситуации* (30 ед.); *поиск причины конфликта* (60 ед.); *демонстрация сочувствия* (успокоить, пожалеть)

² В скобках приведены данные частотного анализа (количество предпочтений каждой стратегии в единицах анализа (ед.а.)).

(68 ед.); *отвлечение ребенка* (95 ед.); *вербальное наказание* (147 ед.). Вторая группа стратегий включала поведенческие реакции няни в разных ситуациях ее собственного взаимодействия с воспитанником и его родителями. В данном случае речь идет о следующем: *беспрекословное выполнение няней функциональных обязанностей* (211 ед.); *самоконтроль за своим состоянием* (26 ед.); *переключение внимания* (103 ед.); *отрицание* (89 ед.); *уход, демонстрация обиды* (2 ед.); *осознание статуса* (142 ед.); *снижение значимости* (62 ед.). Результаты качественного анализа данных позволили выделить совокупность тех ситуаций взаимодействия няни с воспитанником и его родителями, которые исследованные няни считают наиболее значимыми с точки зрения реализации ими своих функциональных обязанностей. *Первая категория ситуаций* связана с взаимодействием воспитанника со сверстниками на игровой площадке. Речь идет о: конфликтном взаимодействии детей, их игровом взаимодействии, нарушении социальных норм воспитанником. Степень вмешательства няни в детские отношения варьируются в зависимости от занимаемой ею позиции в семье. *Вторая категория ситуаций* связана непосредственно с взаимодействием няни и ее воспитанника и включает следующее: демонстрация ребенком упрямства и негативизмов (и т.п.); переживание ребенком расставания с матерью; активные действия воспитанника, связанные с нанесением материального ущерба семье (разбить дорогую вещь и т.п.). К данной категории также отнесены ситуации взаимодействия няни с родителями по вопросам: закаливания ребенка, изменения его режима дня.

Сочетание наиболее предпочитаемых нянями стратегий взаимодействия с воспитанником, его сверстниками и его родителями послужило основанием для выделения типологических характеристик российских нянь.

Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь. Описание социально-психологических характеристик нянь — носителей типов профессионального поведения опиралось на результаты кластерного анализа. С его помощью выявили четыре основных группы респондентов, предпочитающих тот или иной тип профессионального взаимодействия. Ключевыми дифференцирующими характеристиками, лежащими в основе выделения типов, стали мотивы выбора деятельности няни участниками исследования. В группы вошло 74 человека. При этом 3 человека были исключены из анализа, так как их суждения не образовывали единой группы и существенно отличались от всех остальных. Необходимо отметить, что численность двух из четырех выделенных нами групп была мала (11 и 9 человек). Тем не менее, они представляют интерес, так как предпочитаемые данными нянями стратегии профессионального поведения в разных ситуациях характеризуют общую позицию респондентов по отношению к воспитаннику, его родителям и выполнению своих функциональных обязанностей. С помощью дескриптивной статистики (распределение и медиана) выявили наиболее предпочитаемые респондентами цели, мотивы и стратегии профессионального поведения, их социально-демографические характеристики (возраст, образование, семейный статус и т.п.), опыт работы по воспитанию чужих детей (табл.). Допол-

нительно в описание типов включили представления нянь об их функциональных обязанностях. Анализ публикаций периодической печати, материалов сайтов, исследований, проведенных на группах смежных профессий (гувернеров), позволили нам сформулировать позиции респондентов, отраженные в предпочитаемых ими типах профессионального поведения. Были даны условные названия: 1 тип — позиция «Посредник», 2 тип — позиция «Прислуга», 3 тип — позиция «Старшая подруга ребенка», 4 тип — позиция «Соседка — бебиситтер». Уточним, что речь идет о типичных характеристиках профессионального взаимодействия няни с воспитанником и его родителями в статистически выделенных группах респондентов.

1 тип — позиция «Посредник». Наиболее предпочитаемые стратегии профессионального поведения нянь из этой группы раскрывают их позицию посредника в отношениях воспитанника с другими детьми. Так, в ситуациях конфликтного взаимодействия воспитанника со сверстниками, в случае проявления агрессии чужими детьми по отношению к воспитаннику (например, отобрали игрушку), такие няни предпочитают (70% из них) активное (защита воспитанника и выяснение отношения с мамой другого ребенка) и (30%) пассивное вмешательство (напоминание чужому ребенку о соблюдении правил поведения). Если же субъектом агрессии является сам воспитанник, няня напоминает ему о правилах поведения (48%) («так нельзя», «это

Таблица

Социально-демографические и социально-психологические характеристики нянь с разным типом профессионального взаимодействия

...	1 тип — позиция «Посредник» (42% выборки)	2 тип — позиция «Прислуга» (31% выборки)	3 тип — позиция «Старшая подруга ребенка» (15% выборки)	4 тип — позиция «соседка-бебиситтер» (12%)
Возраст	от 40 до 50 лет	от 46 до 55 лет	от 35 до 45 лет	от 25–30 и свыше 60 лет
Образование	Высшее (42%) и среднее (58%) профессиональное	Среднее специальное (медицинское, педагогическое) (100%)	Высшее профессиональное (педагогическое) 100%	Среднее профессиональное и высшее непрофессиональное
Опыт работы с детьми	от 3 до 10 лет	более 15 лет	свыше 10 лет	от 0 до 5 лет
Мотивы выбора профессиональной деятельности	Интерес к работе с маленькими детьми (55.6%); самореализация (28%); удовлетворение материальных потребностей (16.4.%)	Удовлетворение материальных потребностей (56%); интерес к работе с маленькими детьми (44%)	Интерес к работе с маленькими детьми (70%); самореализация, саморазвитие (30%)	Самореализация, саморазвитие (70%); наличие свободного времени (30%)

плохо» и т.п.) и активно вмешивается в конфликт (30%). В случае драки между детьми на площадке, в которой воспитанник выступает в качестве жертвы, няни этого типа демонстрируют активное (прекратить действия детей — 38%) и пассивное (напомнить правила поведения — 35%) вмешательство, а также осуществляют поиск причины («надо расспросить, что произошло и объяснить, почему нельзя драться» — 12%). Если же в данной ситуации воспитанник — организатор драки, то 22% данных нянь отметили, что станут успокаивать и жалеть своего воспитанника. Однако никто из них не будет жалеть чужого обиженного ребенка, демонстрируя воспитаннику способы проявления эмпатии. Часть «нянь-посредников» (16%) указала, что уведет ребенка с площадки и не станет обсуждать с ним эту ситуацию совсем. При взаимодействии воспитанника с другими детьми в игре на детской площадке «няни-посредники» активно вмешиваются в этот процесс, обучая ребенка стратегиям компромисса и сотрудничества со сверстниками, а также ухода от общения («уйдем отсюда»). Они допускают и пассивное вмешательство в игровые отношения своего воспитанника с другими детьми («напомнить о нормах и правилах поведения»), но предпочитают более активную позицию.

В целом данные няни указали, что наиболее предпочитаемые ими стратегии зависят от контекста ситуации. Например, если воспитанник переживает негативные эмоции в процессе игры с детьми, то наряду с пассивным и активным вмешательством (по 25%), няни стараются найти причину происходящего (32%). Если же воспитанник бросает песок в глаза другому ребенку, то одни ня-

ни с позицией посредника отчитают его (16%), другие еще и напомним о правилах поведения (64%), третьи после выговора уведут его с площадки (39%). В процессе установления воспитанником контактов с другими детьми, «няня-посредник» активно вмешивается (52%), помогая ребенку познакомиться или ограничивая его действия. В случае, когда другие дети не хотят играть с воспитанником, абсолютное большинство этих нянь (90%) указывают на активное вмешательство в детские отношения («организирую игру так, чтобы всем было интересно вместе играть»). В ситуациях нарушения воспитанником социальных норм поведения няни с позицией посредника предпочитают напомнить ребенку о правилах поведения в директивной форме — «надо здороваться» (без объяснения, почему надо) (74%). В случаях взаимодействия няни с воспитанником, когда ребенок демонстрирует упрямство, негативизм, капризы и т.п., одни работники отметили, что предпочитают в данной ситуации проявлять терпение и гибкость, не обращаясь за помощью к родителям (61%). Другие же, наоборот, подчеркнули, что просят родителей подсказать, как лучше поступить (39%). В ситуациях, когда ребенок хочет сломать дорогую вещь, большая часть нянь из этой группы отмечают, что стараются успокоить воспитанника (68%). Часть «нянь-посредников» указала, что в этой ситуации сначала отберет дорогую вещь, продемонстрировав ребенку свой статус взрослого (54%), затем успокоит. Меньшая половина из них отметила, что постарается переключить или отвлечь внимание воспитанника (42%).

В ситуациях, связанных с переживанием ребенком разлуки с матерью, «ня-

ни-посредники» придерживаются предписанных им правил. Они стараются поддерживать позитивный эмоциональный настрой ребенка, используя несколько способов: предложить ребенку нарисовать рисунок для мамы, позвонить ей, выучить стихи о маме или переключить внимание воспитанника, организовав игру или чтение книги. Наконец, в случае возникающих противоречий с родителями относительно некоторых вопросов воспитания их ребенка (закаливание, жесткое соблюдение режима дня и т.п.) няни с позицией «посредника» демонстрируют нанимателям осознание своего статуса, т.е. подчеркивают, что прислушиваются к мнению родителей, стараются психологически дистанцироваться от ребенка.

2 тип — позиция «Прислуга». Стиль профессионального поведения данной категории нянь раскрывается через анализ предпочитаемых ими стратегий взаимодействия в разных ситуациях жизнедеятельности ребенка. Интересно, что в случаях конфликтного взаимодействия воспитанника с другими детьми, действия нянь — носителей позиции «прислуга» значительно отличались от действий их коллег, отнесенных в исследовании к другим типам (при $p < 0.05$). Так, в случае агрессии, направленной на воспитанника (отбирают игрушку), большинство из них (70%), казалось бы, так же, как и «няни-посредники» активно вмешиваются в детские отношения, защищая своего воспитанника. Однако если виноватым является воспитанник, то в отличие от нянь первого типа, ориентированных в большей степени на информирование о правилах поведения, няни с позицией «прислуга» готовы отругать (10%) виновника; прекратить игру и увести его с

площадки (43%). Отличительной чертой профессионального поведения «няни-прислуги» в данной ситуации является стремление отвлечь виновного (22%). Няни считают, что если воспитанник ввязался в драку, то наряду с прекращением боевых действий (47%) и воспитательными беседами (43%) они постараются найти и способ примирить ребят (10%) («отведу его в сторонку, поговорю, объясню, что это не решение проблем, потом попросим прощения»). По всей видимости, образование и опыт работы нянь данного типа способствуют активизации стратегий профессионального поведения, связанных с формированием у воспитанников навыков взаимодействия со сверстниками. В ситуациях игры ребенка с другими детьми няни типа «прислуга» реализуют стратегию активного вмешательства гораздо реже, чем в ситуациях конфликтного взаимодействия. Так, лишь небольшой процент данных нянь (9%) считают, что необходимо вмешиваться в ситуацию, когда их воспитанник на игровой площадке бросает песок в лицо другому ребенку. Чаще всего (21%) они готовы вмешаться, если их воспитанник испытывает негативные эмоции в игре с другими детьми. В ситуации установления контакта со сверстниками «няня-прислуга» также, как няни с другими позициями, неактивно стремится помочь воспитаннику (30%). Однако по сравнению с нянями с позицией посредника «няня-прислуга» демонстрирует более удаленную психологическую дистанцию с воспитанником. Тем не менее, если няня с позицией прислуги обнаружит, что дети игнорируют ее воспитанника в игре, она активно вмешается в процесс установления детских отношений (74%).

В целом, спектр используемых стратегий в репертуаре профессионального поведения нянь типа «прислуга» шире, чем у их коллег из группы «посредник». Половина нянь из этой группы (48%) отметили, что (так же, как и няни типа «посредник») они будут выяснять причины негативных переживаний ребенка в игре со сверстниками. Няни постараются успокоить его (18%), отвлечь (18%), уведут воспитанника с площадки (17%). В случае нарушения норм поведения в игре с песком, отругают своего воспитанника (13%). Больше половины нянь описываемого типа не ответили на вопрос о поведении воспитанника в песочнице. Можно только предположить, что они предпочитают либо избегать подобные ситуации в своей деятельности, либо игнорируют данную ситуацию как значимую в жизни ребенка. О социальных нормах поведения данные няни напоминают ребенку в директивной форме (97%). Если же ребенок хочет сломать дорогую вещь, находящуюся в доме, то «няня-прислуга» не пытается его успокоить, а отбирает вещь, продемонстрировав ребенку свой статус (43%) или старается переключить его внимание на что-то другое (43%). Обо всех случаях конфликтного взаимодействия между ребенком и няней, няни типа «прислуга» высказываются сдержанно или отказываются отвечать, либо демонстрируют полную лояльность к требованиям своих нанимателей («как сказали родители, так и делаю»). В их ответах не встречался вариант «отрицания» предписаний нанимателей относительно спорных вопросов (закаливание, соблюдение режима дня и т.п.).

Основная стратегия взаимодействия няни описываемого типа с ребенком в си-

туации переживания ребенком расставания с мамой — это переключение (65%): «отвлеку», «почитаем стишки», «споем песенки», «предложу что-нибудь интересенькое». В целом в исследовании было обнаружено, что именно «няни» с позицией прислуги склонны давать социально одобряемые ответы или уходить от ответа на поставленный вопрос. Они реже, чем их коллеги из групп «посредник», «бэбиситтер», «подруга ребенка», включали в свои ответы дополнительные комментарии. По всей видимости, профессиональный опыт работы в дошкольных учреждениях повлиял на степень их открытости в информировании исследователей (а возможно и нанимателей) о специфике своей деятельности.

3 тип — позиция «Старшая подруга ребенка». Няни с позицией старшей подруги продемонстрировали знание широкого спектра стратегий профессионального взаимодействия. Например, в ситуациях конфликтного взаимодействия воспитанника с другими детьми, няни данного типа отметили, что не будут использовать стратегию «активного вмешательства» в отношении ребенка с другими («пусть сам разбирается»). Наиболее характерная для них реакция в таких ситуациях — успокоить, пожалеть ребенка (81%). Напомним, что няни первых двух описанных типов существенно реже предпочитали эту стратегию. В целом, няни с позицией старшей подруги в ситуациях конфликта воспитанника со сверстниками скорее посочувствуют, пожалеют ребенка, чем станут давать советы и напоминать правила поведения. В ситуации физического подавления воспитанником другого ребенка, няни этого типа отметили, что пожалеют пострадавшего (55%), а не воспитанника, по-

казывая ему своим примером навыки проявления эмпатии. Затем они постараются уладить конфликт. Напомним, что няни с позициями «прислуги» и «посредника» крайне редко отмечали, что будут жалеть чужих детей в сложившейся ситуации. Няни типа «старшая подруга ребенка» указали, что в своей работе они больше всего обеспокоены эмоциональным состоянием своего воспитанника. Эти няни считают, что забота о настроении ребенка играет ключевую роль в выполнении ими функциональных обязанностей.

Такая установка нянь во многом объясняет отсутствие нравучений в их профессиональном поведении, в ситуации проявления агрессии воспитанником. Кроме того, 36% нянь данного типа отметили, что в этой же ситуации постараются отвлечь ребенка от взаимоотношений со сверстниками другой игрушкой, а 27% нянь уведут воспитанника с площадки. То есть 63% респондентов данной группы изолируют ребенка от последующих контактов со сверстниками. В ситуациях игрового взаимодействия воспитанника со сверстниками няни с позицией старшей подруги снова проявили свою обеспокоенность эмоциональным состоянием ребенка. Так, в случае переживания воспитанником негативных эмоций в игре с другими детьми няни из этой группы отметили, что, скорее всего, предложат ребенку погулять, отвлекут, займут его чем-то, уведут от других детей (54%). Напомним, что няни с позицией прислуги или посредника чаще указывали на важность выявления причины переживаний воспитанника, чем на прерывание игры со сверстниками. В ситуациях нарушения воспитанником правил поведения в игре (к примеру, с песком) няни

этого типа указали следующее: 73% из них обязательно вмешаются в игру; 45% нянь постараются отвлечь ребенка; 16% из них отметили, что могут даже отругать воспитанника.

Болезненно переживают няни с позицией старшей подруги игнорирование воспитанника сверстниками, поэтому 90% из них (так же, как и няни с позицией посредника) предпочитают активно вмешиваться в отношения детей. Отличительная характеристика профессионального взаимодействия нянь данного типа заключается в том, что в ситуациях, когда дети не хотят играть с их воспитанником, только данные няни используют стратегию ухода (18% из них). Возможно, это объясняется тем, что психологическая дистанция между нянями с позицией старшей подруги и их воспитанниками очень близкая. Они в большей степени, чем респонденты из двух других групп («посредник» и «прислуга») готовы заменить взаимодействие ребенка со сверстниками, принимая на себя роль партнера по игре. Кроме того, характерной особенностью профессионального взаимодействия нянь из группы «старшая подруга ребенка» является предпочтение ими таких стратегий, которые няни из других групп (в этих же ситуациях, связанных с выполнением обязанностей) не используют. Например, при нарушении воспитанником социальных норм поведения, респонденты из трех других групп («прислуга», «посредник» и «соседка-бэбиситтер») предпочитают напомнить ребенку правила поведения. Няни с позицией старшей подруги в данной ситуации (кроме напоминания о правилах поведения) выбирают стратегию ухода (56% из них). Они предлагают ребенку погулять, «полюбо-

ваться солнышком», отвлекают его или ищут оправдательные причины агрессивного поведения ребенка (материнская защита).

В ситуации, когда ребенок хочет разбить (сломать, испортить) дорогую вещь в доме, няни с позицией старшей подруги будут его успокаивать (80% из них), в то время как их коллеги отберут эту вещь или попробуют переключить его внимание, чтобы спрятать вещь. Респонденты из группы «старшая подруга ребенка» не считают обязательным формирование у ребенка раннего возраста навыков по уборке игрушек (навык самообслуживания) (72%). При этом примерно половина из них демонстрируют готовность объяснить воспитаннику почему надо убирать за собой вещи («порядок — это хорошо»), но уберет игрушки сама.

Если ребенок переживает расставание с мамой, то няни с позицией старшей подруги ребенка, так же, как и няни с позицией посредника, выбирают стратегии поведения, ориентированные на поддержание позитивного эмоционального состояния воспитанника (63% из них). Они предпочитают отвлечь, переключить внимание ребенка (27%), сделать вместе с ним подарок для мамы (54%). Наконец, в случае возникающих противоречий с родителями относительно некоторых вопросов воспитания ребенка (например, закаливания) няни с позицией старшей подруги не станут открыто спорить, продолжая выполнять свои функциональные обязанности (72%). Однако они останутся при своем мнении. Выбор нянями дальнейших действий, основывается их понимании своих функциональных обязанностей: «если родители против закаливания, подберу другие, более приемлемые методы зака-

ливания»; «предложу почитать литературу о пользе закаливания» и т.п. Как можно видеть, эти няни не откажутся от своих представлений и установок, так как ориентированы на отношения не с родителями, а с воспитанником.

4 тип — позиция «Соседка — бэбиситтер». Характерная особенность нянь из группы «соседка-бэбиситтер» — категоричность их взглядов относительно возможности конфликтов у воспитанника со сверстниками. В процессе проведения исследования данные няни настаивали на том, что никогда не позволят (или не позволяли, когда работали) своему воспитаннику вступать в конфликты. Пожалуй, это единственная группа нянь, одна половина которой исключает возможность драки ребенка с другими детьми («исключено!», «никогда не позволяю драться!»), а другая половина сразу улаживает конфликт (если уж он возник), активно вмешиваясь (доминирующая стратегия) в детские отношения. В ситуациях игрового взаимодействия воспитанника с другими детьми эти няни считают, что нужно не только вмешиваться, но и отвлекать ребенка от других детей. Так, 44% из них станут отвлекать воспитанника, если он испытывает негативные эмоции в игре и 22% из них — если его игнорируют сверстники. При нарушении воспитанником правил поведения в игре с песком няни с позицией соседки-бэбиситтер (так же, как и няни с позицией «посредник») предпочитают напоминать правила поведения в форме нотации (78%). Эта стратегия воспитания активно применяется данными нянями и при нарушении ребенком социальных норм (не здороваются и т.п.).

Няни из группы «соседка-бэбиситтер» уверены, что большое внимание

при выполнении своих обязанностей они должны уделять формированию у ребенка навыков самообслуживания, в частности, учить ребенка убирать игрушки после игры. Большинство из них (77%) считают необходимым осуществить уборку игрушек совместно с ребенком, причем «любым способом», включая «подавление воли». Остальные (33%) отмечают, что если сразу не получится заставить ребенка, то они отложат уборку на время, но позже обязательно возвратятся к намеченному.

«Няни-бэбиситтер» категорично настроены относительно любых проявлений воспитанником капризов и непослушания. Они либо отрицают саму возможность такого поведения, либо игнорируют ее, снижая значимость ситуации (55%) («Я не потекаю», «...у меня дети всегда потом извиняются за свои капризы» и т.п.). Стратегии «отрицание» и «игнорирование» наиболее предпочтительны в профессиональном взаимодействии нянь с позицией соседки-бэбиситтер. Несмотря на то, что к данной группе были отнесены респонденты, которые полярно отличаются по возрастному критерию (25–30 и 60 лет), отсутствие опыта работы с маленькими детьми и профессиональных знаний объединило их взгляды на выбор стратегий профессионального взаимодействия. Капризы ребенка и его требования в командном тоне эти няни не воспринимают всерьез. Фокус их внимания при выполнении функциональных обязанностей — на себе. Следовательно, психологически они значительно удалены от воспитанника. Желая компенсировать отсутствие опыта и знаний, данные няни игнорируют (или недооценивают) любые проявления ребенком негативизма, упрямства,

строптивности, капризов. Эта же причина определяет их убежденность в невозможности существования противоречий между ними и родителями воспитанника. Считая себя предусмотрительными, данные няни постараются проявить максимальную конформность относительно взглядов работодателя на воспитание ребенка. В ситуации, когда ребенок скучает, переживает разлуку с мамой, няни с позицией «соседка-бэбиситтер» так же, как и няни с позицией «прислуга» предпочитают переключить внимание ребенка (77% из них), не особенно беспокоясь о его эмоциональном состоянии.

Заключение. Результаты исследования показали, что существуют устойчивые и вариативные характеристики профессионального взаимодействия нянь.

Устойчивые характеристики определяются тем, что все няни используют выделенные в работе стратегии в ситуациях регулирования игрового взаимодействия воспитанника с другими детьми, а также в случаях конфликта (либо установления контакта) ребенка со сверстниками на детской площадке. Также в ситуациях взаимодействия с родителями все участники исследования указали, что ориентированы на выполнение своих функциональных обязанностей в соответствии с требованиями работодателей. Однако для одних из них характерно конформное принятие указаний, другие же продемонстрировали конформизм. Как показало исследование, последние могут открыто не высказывать свое несогласие, но будут искать компромиссный способ реализации своей позиции в профессиональном поведении.

На работе все няни стараются контролировать свое эмоциональное состояние. В отношениях с родителями они

применяют уход, демонстрацию осознания своего статуса, занижение значимости ситуации (психологическая защита) и т.п., а при взаимодействии с ребенком ищут компромисс (если есть расхождение в интересах), переключают внимание, выражают сочувствие, подавляют волю ребенка, используют телесный контакт (взять на руки, прижать, погладить) и т.п. Следует отметить, что упомянутые выше стратегии не охватывают все ситуации взаимодействия няни и ее воспитанника. В работе учитывались только те из них, которые выделялись самими респондентами как наиболее важные.

Вариативность профессионального взаимодействия исследованных нянь проявляется в наиболее предпочитаемых ими стратегиях в ситуациях конфликта либо, наоборот, установления воспитанником контакта со сверстниками. Кроме того, каждый из четырех выделенных типов различается по декларируемым нянями мотивам выбора профессиональной деятельности, установкам и представлениям о содержании функциональных обязанностей наемного работника в семье. Для нас было важным выявить установку респондентов на психологическую близость с ребенком.

Результаты показали, что наиболее близкая дистанция с ребенком может возникнуть у нянь с позицией «старшая подруга ребенка». Именно данные няни наиболее эмоционально переживают неудачи и ошибки воспитанника, проявляя гиперопеку, стараются оградить его от всего, что может послужить источником негативных переживаний ребенка. Они в большей степени, чем их коллеги, готовы на психологическом уровне замещать мать. Эта готовность проявляется в уста-

новках на отстаивание своей позиции по вопросам воспитания, в самостоятельности принятия решений в непредвиденных ситуациях, связанных с какими-либо изменениями и т.п. Можно предположить, что такая тесная эмоциональная связь няни и ребенка определяется ее установкой на отношения с ребенком, а не с родителями. Негативные последствия взаимодействия наемных работников данного типа с воспитанником связаны с ограничением социального опыта ребенка.

Няни с позицией прислуги по сравнению с коллегами из трех других групп отличаются наличием профессионального образования и большего опыта работы по воспитанию чужих детей (бывшие воспитатели и медсестры). Это отражается на выборе ими стратегий профессионального взаимодействия с воспитанником и, как следствие, способности разрешить любой детский конфликт. Однако именно эти няни обнаружили выраженную склонность к насильственным мерам в воспитании ребенка. Их отличает низкий уровень эмпатии, авторитаризм в отношениях с воспитанником, но они в меньшей степени ограничивают контакты ребенка с другими детьми. Психологически они дистанцированы от своего воспитанника и воспринимают себя не как наемного работника, оказывающего услугу семье по уходу за ребенком, а как «прислугу».

«Няня-посредник» также характеризуется психологической дистанцированностью в отношениях с воспитанником. Пожалуй, это самые «удобные» наемные работники для родителей. Они точно осознают свой статус, демонстрируют знание широкого спектра стратегий профессионального поведения, при этом остаются эмоционально не включенными в

отношения с ребенком. Перенос ответственности за жизнь и здоровье ребенка на родителей определяет признание няней их мнения как руководства к действию. Посредническая роль нянь-посредников проявляется не только в ситуациях взаимодействия воспитанника с другими детьми, но и в отношениях ребенка с родителями. Негативные последствия их профессионального взаимодействия так же, как и в группе нянь с позицией «старшая подруга ребенка», связаны с ограничением его социального опыта. Они не только игнорируют воспитание у ребенка способности к эмпатии, но и сами не проявляют ее в отношениях с ним.

Содержание профессионального поведения нянь с позицией «соседка-бэбиситтер» соответствует приписанному названию группы [3]. В России этот вид услуг по уходу за детьми не получил широкого распространения. За рубежом няни-бэбиситтер — это неквалифицированные работники, которых родители приглашают присмотреть за ребенком на короткое время их отсутствия дома. Основное требование родителей к данным работникам связано с сохранением жизни и здоровья ребенка. Психологическая дистанция с ребенком у исследованных нянь с позицией соседки-бэбиситтер отличается максимальной удаленностью

(по сравнению с другими нянями), так как их интерес фокусирован не на отношениях (с ребенком или родителями), а на своих интересах — получение опыта работы, занятость каким-либо делом. Будучи наименее заинтересованными материально, они могут в любой момент прервать свои отношения с работодателями. С одной стороны, данные няни в меньшей степени, чем другие, оказывают на ребенка какое-либо психологическое воздействие. С другой стороны, они ограничивают свое профессиональное поведение набором стереотипных поведенческих реакций, не ориентированных на обучение детей стратегиям взаимодействия со сверстниками, навыкам разрешения конфликтов и т.п.

Резюмируя, следует отметить, что выявленные данные о вариативности профессионального взаимодействия современных российских нянь с воспитанником и его родителями, могут быть использованы специалистами агентств с целью повышения эффективности подбора кадров в семью. В развитии направления исследований профессиональной деятельности современных российских нянь представляет интерес изучение системы социально-психологических факторов, обуславливающих их профессиональное поведение.

Финансирование

Государственное задание ФАНО РФ 0159-2015-0001.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдашева А.А., Иноземцева В.Е. Опыт психологической подготовки к деятельности замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 194–209.
2. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлениях мамы воспитанника // Развитие психоло-

- гии в системе человекознания: в 2 ч. Ч. 2. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 354–357.
3. *Дробышева Т.В., Романовская М.А.* Представления в семье о статусе и деятельности современной няни как предмет социально-психологического исследования // *Личность профессионала в современном мире* / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 357–373.
4. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Институт психологии РАН, 2008. 347 с.
5. *Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: практ. руководство. М.: Институт психологии РАН, 2013. 219 с.
6. *Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // *Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека* / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 116–193.

Types of Professional Interactions in Modern Russian Nannies: A Social Psychological Analysis

T.V. DROBYSHEVA*,
Moscow, Russia,
tdrobysheva@mail.ru

M.A. ROMANOVSKAYA**,
Moscow, Russia,
m.a.romanovskaya@yandex.ru

The article describes the concept of the crowd proposed by a Russian lawyer and public. The article presents results of a social psychological study of professional interactions in modern Russian nannies. It provides the first ever descriptions of significant interactions between nannies, employers and children. Four types of professional interactions are identified empirically depending on work motivation of nannies. Nannies with an attitude of "the child's older friend" are focused on establishing a close psychological relationship with the child. Their professional interaction with the child can be defined as overprotective. "Nannies-intermediaries" are more aware of their employee status and avoid breaking the psychological distance both with the child and the parents. The choice of interaction strategies in nannies with a "neighbor babysitter" attitude is determined mostly by their desire to gain work experience in their free time. They generally prefer not to establish close relationships with the child. The most professional of all are nannies with an attitude of "servants". They know how to resolve conflicts between children, how to arrange game activities for children, and conform to the requirements set by the parents. However, nannies of this type are more likely to physically suppress the will of the child.

Keywords: types of professional interaction, modern nanny, employees, strategies of professional interaction, interaction situations.

Acknowledgements

Government project FANO RF 0159-2015-0001.

For citation:

Drobysheva T.V., Romanovskaya M.A. Types of Professional Interactions in Modern Russian Nannies: A Social Psychological Analysis. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 81–97. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060306.

* *Drobysheva Tatiana* — PhD in Psychology, senior research fellow, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tdrobysheva@mail.ru

** *Romanovskaya Maria* — Degree-seeking applicant, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, m.a.romanovskaya@yandex.ru

REFERENCES

1. *Aldasheva A.A., Inozemtseva V.E.* Opyt psikhologicheskoi podgotovki k deyatel'nosti zameshchayushchikh roditel'ei [Analysis of training experience of candidates for foster parenthood]. In Dikaya L.G. (eds.) *Metody psikhologicheskogo obespecheniya professional'noi deyatel'nosti i tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov cheloveka* [Methods of psychological support of professional activity and technology of the development of the mental resources human]. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2014, pp. 194–209.
2. *Drobysheva T.V., Romanovskaya M.A.* Sistemnaya determinatsiya effektov rannei sotsializatsii: obraz nyani v predstavleniyakh mamy vospitannika [Systematic determination of the effects early socialization: The image of the nannies in the representations mom of pupil]. In Zhuravlev A.L. (eds) *Razvitie psikhologii v sisteme chelovekozvaniya* [Development psychology in the system of human knowledge]. Vol. 2. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2012, pp. 354–357.
3. *Drobysheva T.V., Romanovskaya M.A.* Predstavleniya v sem'e o statuse i deyatel'nosti sovremennoi nyani kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya [Representation of the family on the status and activities of the modern nanny as a socio-psychological research]. In Dikaya L.G. (eds) *Lichnost' professionala v sovremennom mire* [Personality of a professional in the modern world]. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2013, pp. 357–373.
4. *Ermolaeva E.P.* Psikhologiya sotsial'noi realizatsii professional [Psychology of the social realization of professional]. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2008. 347 p.
5. *Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N.* Psikhologicheskaya diagnostika kandidatov v zameshchayushchie roditeli: Prakt. rukovodstvo [Psychological diagnostics of candidates in substitutional parents: practical guide]. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2013. 219 p.
6. *Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V.* Programma psikhologicheskoi diagnostiki lichnostnykh i semeinykh resursov v praktike otbora, obucheniya i soprovozhdeniya zameshchayushchikh roditel'ei [Program of psychological diagnostics of personal and family resources in the practice of assessment, training and support of adoptive parents]. In Dikaya L.G. (eds.) *Metody psikhologicheskogo obespecheniya professional'noi deyatel'nosti i tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov cheloveka* [Methods of psychological support of professional activity and technology of the development of the mental resources human]. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2014, pp. 116–193.

О мотивации подростков — пользователей социальных сетей

В.В. ФЁДОРОВ*,
Москва, Россия,
val.vl.fed@yandex.ru

И.Д. МИЛЕЕВ**,
Москва, Россия,
mileev_ivan@mail.ru

Статья посвящена изложению результатов исследования мотивации подростков — пользователей виртуального коммуникативного пространства — социальной сети в Интернете. В исследовании было выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между деятельностью подростков в социальной сети в Интернете и их мотивационными особенностями. Выявлено, что виды деятельности подростков в социальной сети и типы их мотивации выстроены в соответствии с определенной иерархией; что у подростков, различающихся по деятельностным характеристикам в социальной сети, существуют значимые различия в выраженности мотиваций и перспективе времени. Показано, что на основе фиксируемых различий можно создавать психологические мотивационные портреты подростков, занимающихся с разной интенсивностью различными видами деятельности в социальной сети.

Ключевые слова: социальные сети, деятельность, мотивация, социальное взаимодействие, подростки, временная перспектива, метод мотивационной индукции.

К постановке проблемы

В последние годы участились разговоры о том, что подростки с каждым годом стали все больше проводить времени в се-

ти Интернет. Более 80% школьников с 7 по 11 класс используют Интернет для общения с одноклассниками [2]. Также все чаще встречаются жалобы родителей на то, что их дети проводят в Интернете

Для цитаты:

Фёдоров В.В., Милеев И.Д. О мотивации подростков — пользователей социальных сетей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 98–108. doi: 10.17759/sps.2015060307.

* Фёдоров Валерий Владимирович — старший преподаватель факультета социальной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, val.vl.fed@yandex.ru

** Милеев Иван Дмитриевич — педагог-психолог, социальный педагог, ГБОУ ЦВР имени А.С. Макаренко, Москва, Россия, mileev_ivan@mail.ru

слишком много времени. У них пропадает интерес к любой другой деятельности, что очень тревожит родителей. Также частое посещение Интернета, как правило, негативно сказывается на успеваемости подростков в учебных заведениях.

Было проведено множество исследований на выявление Интернет-зависимости, а также поиск психологических и социально-психологических особенностей «зависимых» пользователей Интернета. Все чаще стали появляться научные работы, раскрывающие те или иные социальные и социально-психологические особенности личностных проявлений пользователей Интернета.

Как было описано М. Кастельсом, виртуальное сообщество обладает теми же характеристиками, что и традиционное, но с некоторыми отличиями. Так, сетевое сообщество не привязано к территории, а его члены могут взаимодействовать, находясь на огромном расстоянии друг от друга. Сетевое сообщество характеризуется «ростом индивидуализма во всех его проявлениях» [3, с. 155]. Создание социальных сетей основывается на личных интересах, ценностях, склонностях и проектах всего сообщества. Также отличительной чертой социальных сообществ является обязательная публичность. Данная характеристика является важнейшей и для членов-участников сетевого сообщества. Необходимость быть полезными членами сети и объявления собственных ценностей, стратегий и проектов делают публичность обязательным условием существования сетей в целом и каждого члена сети в отдельности. Как писал М. Кастельс, «в Интернете вам лучше будет позаботиться о том, чтобы все знали, что вы собака, а не кошка, или же вы окаже-

тесь погруженными в интимный мир кошек. Ибо в Интернете вы будете тем, кем или чем вы себя назовете, поскольку именно на основе этого ожидания со временем создается сеть социального взаимодействия» [3, с. 157]. Другими словами, для сетевых сообществ характерна самопрезентация и «самоименование».

Исследования виртуального сообщества столько же актуальны, как и исследования традиционного сообщества. Самым большим, разноплановым и интересным виртуальным сообществом является виртуальное сообщество в социальной сети.

Первые виртуальные социальные сети появились в начале XXI в., самой известной из них был «Facebook». Позже появилась самая популярная в России и странах СНГ социальная сеть — «ВКонтакте».

Социальная сеть является социальной средой, особенно востребованной и популярной среди подростков. Нельзя исключать возможность того, что деятельность и время, проводимые в социальной сети, могут влиять на различные сферы жизнедеятельности подростков.

Программа исследования

Основным предположением, проверяемым в рамках данного исследования, являлось то, что существует взаимосвязь между деятельностью в социальной сети в Интернете и мотивационными особенностями подростков.

Общая гипотеза конкретизируется двумя частными.

Согласно первой из них, существует взаимосвязь между объемом деятельности подростков в социальной сети в Интернете и их мотивацией.

Согласно второй частной гипотезе, существуют значимые различия в выраженности мотивации у подростков, которые проводят различное количество времени в рамках разных видов деятельности в социальной сети.

Для проверки этих предположений было необходимо решить ряд задач: 1) определить количество времени и частоту той или иной деятельности, в рамках которой подростки проводят время в социальной сети; 2) определить объем деятельности подростков в социальной сети; 3) измерить выраженность различных видов мотиваций у подростков; 4) зафиксировать взаимосвязь между объемом деятельности подростков в социальной сети Интернет и их мотивацией; 5) выявить значимые различия в выраженности мотивации у подростков, которые проводят различное время в рамках разных видов деятельности в социальной сети.

В настоящем исследовании в качестве испытуемых выступили учащиеся 8 класса ГБОУ Лицея № 1586 и 7 и 8 гимназических классов ГБОУ СОШ № 1750; выборка составила 113 человек.

В ходе исследования применялись следующие **методики**.

1. Авторская анкета «Деятельность в социальной сети», направленная на определение времени, частоты и объема различных видов деятельности подростков в социальной сети.

2. «Метод мотивационной индукции» (ММИ), созданный и описанный Ж. Нютеном [7], использовался нами для определения мотивации и временной перспективы подростков.

Обследование проводилось в учебных классах, вместо третьего-пятого уроков сразу по двум методикам: сначала подросткам выдавались бланки мето-

дики «ММИ», после их заполнения выдавалась анкета «Деятельность в социальной сети». На заполнение бланков, испытуемым требовалось в среднем 40 минут. При этом подростки неоднократно жаловались на однообразность незаконченных предложений в методике «ММИ», но процент испорченных бланков был минимален (4 из 113). Кроме того не рассматривались результаты испытуемых, которые не зарегистрированы в социальной сети (7 из 113). Всего учитывались результаты 102 испытуемых.

Для обработки полученных эмпирических данных использовались корреляционный метод Спирмена и критерий U Манна-Уитни.

Виды деятельности и время препровождения подростков в социальной сети

1. Большинство подростков проводят от 1 до 4 часов в день в социальной сети (40,2%). Менее одного часа в день в социальной сети проводят 31,4% испытуемых, более 4 часов — 28,4% испытуемых. Таким образом, полученные результаты демонстрируют тот факт, что социальная сеть занимает значимое место в жизнедеятельности 2/3 подростков.

2. Результаты исследования говорят о том, что 52% подростков, включая компьютер, первым делом заходят в социальную сеть. Это может говорить о существовании более чем у половины подростков навязчивой потребности «при включении компьютера зайти в социальную сеть».

3. Для 33,3% испытуемых деятельность в социальной сети является основной деятельностью в Интернете.

4. Только для 11,8 % подростков актуальна замена общения в реальной жизни виртуальным общением с помощью социальной сети. Это говорит о том, что для большинства подростков невозможна замена вербального межличностного взаимодействия общением виртуальным.

5. На вопрос «Как Вы думаете, кардинально бы изменилась Ваша жизнь, если бы социальные сети перестали существовать?» 45,1% испытуемых ответили «да». Это лишний раз подтверждает то, что социальные сети играют важную роль в жизнедеятельности подростков.

6. С помощью авторской анкеты «Деятельность в социальной сети» была выявлена частота реализации подростками различных видов деятельности в социальной сети (табл.). Частота каждого вида деятельности могла варьироваться от 1 до 5 (где 1 – никогда, 2 – очень редко, 3 – редко, 4 – иногда, 5 – часто).

Самой часто используемой деятельностью в социальной сети является «прослушивание музыки» (ср. частота 4,43), далее – «переписка со знакомыми» (4,39) и т.д. Самой редко встречающейся деятельностью является «проведение времени за различными флеш-играми» (2,09).

Но прослушивание музыки редко является деятельностью как таковой (т.е. редко когда является активным взаимодействием субъекта с объектом). Другими словами, во время прослушивания музыки можно заниматься любой другой деятельностью, даже несвязанной с социальной сетью. Исходя из данного предположения, основной деятельностью в социальной сети у подростков является следующая по списку в таблице – «переписка со знакомыми и друзьями».

Таблица

Средние частоты деятельности подростков в социальной сети

Виды деятельности	Средняя частота
Прослушивание музыки	4,43
Переписка со знакомыми и друзьями	4,39
Поиск новостей	3,65
Просмотр фильмов	3,33
Просмотр фотографий	3,32
Знакомство и поиск друзей	2,75
Общение в группе с незнакомыми людьми	2,73
Чтение гороскопов, стихов, философских цитат и т.п.	2,65
Общение в группе со знакомыми людьми	2,60
Проведение времени за различными флеш-играми	2,09

7. Все виды деятельности в социальной сети были объединены в две группы: «Виды деятельности, направленные на социальное взаимодействие» и «Виды деятельности, не предполагающие социальное взаимодействие». Первая группа включала в себя «Переписку со знакомыми и друзьями», «Общение в группе со знакомыми людьми», «Общение в группе с незнакомыми людьми» и «Знакомство и поиск друзей». Вторая же группа включала «Прослушивание музыки», «Просмотр фотографий», «Просмотр фильмов», «Проведение времени за различными флеш-играми», «Чтение гороскопов, стихов, цитат и т.д.» и «Поиск новостей».

Сравним средние частоты в двух группах видов деятельности. Для видов деятельности, не предполагающих социальное взаимодействие, среднее значение частоты – 3,24, а для видов деятельности, направленных на социальное взаимодействие, – 3,12. Из этого можно

сделать вывод, что средние частоты деятельности, направленной на социальное взаимодействие, и деятельности, не предполагающей социальное взаимодействие, у подростков примерно равны.

Мотивация и временная перспектива подростков

1. В ходе исследования выраженности основных видов мотивации, были получены следующие результаты (рис.).

- Наиболее ярко выраженная мотивация у подростков – мотивация, направленная на социальные контакты различного типа (Собщ.). Данная мотивация в среднем составляет 29,5 % от всех мотивационных объектов, представленных подростками. Например, «Я сделаю все, чтобы помочь своим родителям», «Я бы ничего не пожалел для того, чтобы мои друзья всегда были со мной», «Я хочу, чтобы мои одноклассники лучше ко мне относились» и т.д.

- Ярко выражена мотивация, связанная с каким-либо родом деятельно-

сти (Робщ.), которая составляет в среднем 27,9 % от всех мотиваций подростков. Например, «Я все сделаю для того, чтобы закончить год без троек», «Я мечтаю стать чемпионом по стрельбе из лука» и т.д.

- Также ярко выражена мотивация, направленная на тот или иной аспект личности самого субъекта (Собщ.). В среднем данная мотивация составляет 26,4% от всех мотиваций подростков. Например, «Я очень хочу осуществить все свои мечты», «Я всеми силами стремлюсь стать достойным человеком», «Я буду очень рад (рада), если разрешат делать то, что я хочу» и т.д.

Остальные виды мотиваций менее ярко выражены.

- Мотивация, связанная с отдыхом и путешествиями (L). В среднем данная мотивация составляет 8% от всех мотиваций подростков. Например, «Я бы так хотела поехать с друзьями этим летом в Питер», «Я мечтаю побывать во всех странах мира», «Я очень хочу этим летом отдохнуть у бабушки на даче» и т.д.

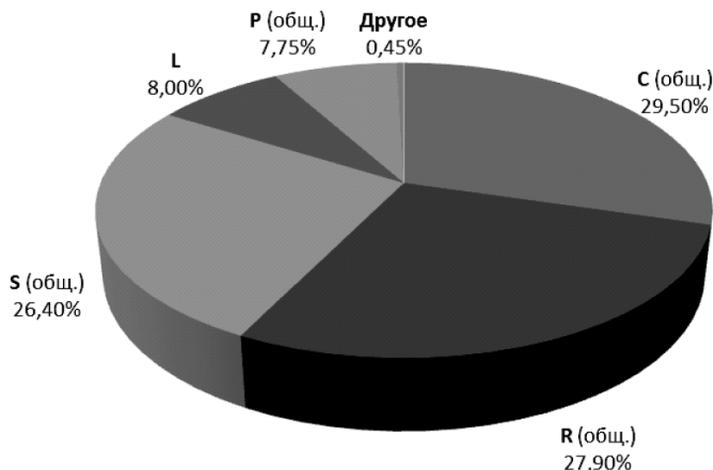

Рис. Процентное соотношение выраженности мотиваций у подростков

- Мотивация к обладанию материальными ценностями (Р общ.). В мотивацию (Р общ.) также входит мотивация к смене места жительства (Робщ.). В среднем мотивация составляет 7,75% от всех мотиваций подростков. Например, «Я хочу новый телефон», «Я мечтаю жить в Америке», «Я мечтаю о домике на море» и т.д.

- Также встречались мотивации, которые относились либо к самому тесту, либо их невозможно было отнести ни к одному из видов мотиваций из наших категорий. В среднем 0,45% мотивационных объектов мы отнесли в «другое».

Полученные результаты говорят о том, что для подростков наиболее характерна мотивация социального взаимодействия. Также в подростковом возрасте характерна мотивация, направленная на различного рода деятельность, в основном на деятельность, связанную с учебой (R3). Мотивация, направленная на тот или иной аспект личности (Собщ.), также характерна для подросткового возраста.

2. В ходе исследования выраженности основных видов временной направленности мотиваций подростков были получены следующие результаты.

- Наиболее ярко выражены мотивационные объекты, которые невозможно определить на временной шкале (t1). В среднем, таких мотивационных объектов 37,4%. Например, «Я мечтаю побывать на матче Ливерпуля», «Я бы очень хотела увидеть солиста группы Linkin Park» и т.д. Другими словами, это те мотивационные объекты, которые могут актуализироваться как завтра, так и в далеком будущем.

- Также часто встречаются мотивационные объекты, которые относятся ко всему периоду предстоящей жизни или которые попросту нельзя точнее локализовать во времени (tL). В среднем встре-

чается 28,4% таких мотивационных объектов. Например, «Я мечтаю прожить жизнь достойно» или «Я очень хочу, чтобы ничего не менялось». Другими словами, это те мотивационные объекты, которые «растянуты на всю жизнь».

- Остальные виды временной направленности мотиваций у подростков встречаются реже. Стоит выделить такие направленности, как направленность на «время обучения в школе» (tE2). Сюда входят все мотивации, направленные на время обучения в школе, в основном связанные с желанием удачно сдать экзамены ЕГЭ и ГИА; направленность на «взрослую жизнь» (tA) — чаще всего встречаются мотивации, связанные с работой, со «строительством» семейной жизни и помощи родителям; направленность на ближайшее будущее (tBB) — те мотивационные объекты, которые имеют место быть в течение дня, недели, месяца, года («Я хочу этим летом поехать на море», «Я мечтаю купить билеты на воскресный концерт любимой группы» и т.д.); направленность на время, связанное с поступлением в вуз и учебой (tE3) и др.

О взаимосвязи объема деятельности в социальной сети и мотивации подростков

На основе параметров анкеты «Деятельность в социальной сети» мы смогли выделить новую переменную — «объем деятельности». **Объем деятельности** — это частота данного вида деятельности в социальной сети за количество времени, проводимое в ней в течение дня.

$$V_d = f * t, \text{ где:}$$

V_d — объем вида деятельности;

f — частота вида деятельности (от 1 до 5);

t — время, проводимое в социальной сети в день (1 — менее 1 часа в день; 2 — от 1 до 4 часов в день; 3 — более 4 часов в день).

Было выделено три вида объема деятельности:

1. «объем деятельности, направленной на социальное взаимодействие»;
2. «объем деятельности, не предполагающей социальное взаимодействие»;
3. «общий объем деятельности», включающий в себя два первых.

В ходе исследования были выявлены три значимые положительные взаимосвязи мотивации, направленной на тот или иной аспект личности подростка (Собщ.): 1) с общим объемом деятельности в социальной сети ($r=0,272$); 2) с объемом деятельности, направленной на социальное взаимодействие ($r=0,249$); 3) с объемом деятельности, не предполагающей социальное взаимодействие ($r=0,250$). В связи с этим напрашивается вывод: чем чаще и интенсивнее подросток реализует различные виды деятельности в социальной сети, тем более выражена у него мотивация, направленная на тот или иной аспект своей личности. Наиболее частые ответы, которые нами характеризовались как мотивации, направленные на тот или иной аспект личности подростка (S/SR): «Я надеюсь, что в жизни у меня все сложится», «Я стремлюсь добиться своих целей», «Я мечтаю о том, что стану достойным человеком», «Я хочу стать счастливой» и т.д. Также часто встречались ответы, направленные на самозащиту личности (Spre): «Я не хочу умирать», «Я стараюсь избежать конфликтов», «Я бы не хотела конца света» и т.д. Также довольно часто встречались мотивации, направленные на личностную автономию (Sout): «Я не желаю, чтобы мной командовали», «Я мечтаю жить своей жизнью»

и т.д. Довольно любопытен тот факт, что у 20% респондентов встречалась мотивация к полету и умению летать, которую мы отнесли к мотивациям, направленным на получение способностей и специальных умений (Sapt): «Я бы ничего не пожалел для того, чтобы научиться летать», «Я хочу летать».

Как известно, основная деятельность подростков, связанная с межличностным общением со сверстниками и значимыми взрослыми, направлена на формирование «чувства взрослости». Для данного возраста наиболее характерна предрасположенность к девиантному поведению и проявлениям неустойчивости психики. Социальная сеть является наиболее благоприятной средой для подростков, так как они могут постоянно общаться со сверстниками (как знакомыми, так и незнакомыми), со взрослыми, обсуждать свои проблемы и проблемы общества, делиться своими опасениями, самореализовываться за счет различной деятельности (флэш-игры, общение в группах, общение с друзьями и т.д.). При этом очевидно, что социальная сеть является той средой, где стимулируются самовыражение и самопрезентация. Чем больше времени подросток проводит в социальной сети и в ее рамках, чем с большей интенсивностью включается в различные виды деятельности, тем с большей уверенностью можно говорить о том, что именно социальная сеть выступает в роли той среды, деятельностью в которой подросток компенсирует недостатки личностного саморазвития, а также удовлетворяет потребность в безопасности и личностной автономии.

Кроме того, у подростков зафиксировано наличие обратной взаимосвязи ($r=-0,159$) между общим объемом дея-

тельности в социальной сети и мотивацией к деятельности, направленной на хобби (R4). Чаще всего хобби — это кружки рисования, музыки и спортивные секции (примеры высказываний: «Я очень хочу, чтобы моя команда победила на соревнованиях в этом году», «Я мечтаю не «завалить» экзамен по фортепиано», «Я хочу взять первое место по стрельбе из лука» и т.д.). Вероятно, для подростков, чья мотивация направлена на достижение каких-либо заметных успехов в сфере своих хобби, деятельность в социальной сети не так важна, и скорее всего у них просто нет возможности проводить много времени в социальной сети, так как помимо обучения в школе и выполнения домашних заданий у них еще существуют хобби, которые занимают существенную часть их свободного времени.

В то же время отсутствие данной мотивации (R4), как правило, характерно для подростков, которые демонстрируют высокий показатель объема деятельности в социальной сети, не предполагающей социальное взаимодействие ($r=-,191$). Это не означает, что подростки, отличающиеся выраженной мотивацией, направленной на хобби, в принципе не общаются в социальной сети, но означает, что подростки, с выраженной мотивацией, направленной на хобби, имеют относительно низкий показатель объема деятельности в социальной сети, не связанной с общением. По-видимому, подростки удовлетворяют свои потребности, не связанные с общением, прежде всего, на занятиях и в кружках, относящихся к их хобби.

Помимо этого, выявлена тенденция к обратной взаимосвязи ($r=-0,171$) между объемом деятельности в социальной сети, не предполагающей социальное взаимо-

действие, и мотивацией подростков, направленной на время обучения в средней и старшей школе (tE2). Другими словами, чем больше у подростков объем деятельности, не предполагающей социальное взаимодействие в социальной сети, тем меньше у них выражена мотивация, связанная со временем обучения в средней и старшей школе (например: «Я хочу хорошо сдать ЕГЭ и ГИА»). В данном случае, возможно, правы родители подростков и учителя, которые обеспокоены тем, что их подопечный слишком много времени проводит в социальной сети и совершенно не задумывается об учебе, что социальная сеть «расхолаживает» и т.д. Но стоит отметить, что данная тенденция характерна только для объема деятельности в социальной сети, не связанной с межличностным взаимодействием, т.е. для таких видов деятельности, как прослушивание музыки, просмотр фильмов и фото, чтение гороскопов и цитат, поиск новостей, проведение времени за различными флеш-играми и т.д.

Особенности мотивации подростков, реализующих различные виды деятельности в социальной сети с различной частотой

Если выше мы обсуждали то, как объемом деятельности, т.е. совокупность интенсивности всех видов деятельности в социальной сети за суточный интервал времени, взаимосвязан с различными видами мотиваций подростков, то сейчас рассмотрим результаты того, как различаются мотивации подростков с различной частотой включенности в разные виды деятельности в социальной сети.

Для поиска достоверных различий в мотивациях подростков, включенных в различные виды деятельности с различной частотой, был использован критерий Манна-Уитни, в результате чего были зафиксированы 80 значимых различий, которые подтверждают справедливость второй частной гипотезы. Остановимся подробнее на некоторых из них.

На основе полученных результатов можно утверждать, что у подростков, которые часто знакомятся и ищут друзей в социальной сети, существует более ярко выраженная мотивация, связанная со временем обучения в высшем учебном заведении (tEЗ), чем у тех, которые знакомятся и ищут друзей не столь активно. Это говорит о том, что подростки ищут новые знакомства, например, со студентами, чтобы больше узнать о своей будущей учебной деятельности, или для подражания взрослым.

Также интересны результаты, демонстрирующие тот факт, что подростки, которые редко переписываются в социальной сети с друзьями, имеют более высокий показатель мотивации деятельности вообще (Робщ), чем подростки, которые переписываются часто или хотя бы со средней интенсивностью. Данные результаты говорят о том, что для этих подростков более важна деятельность, нежели коммуникация. Известное всем выражение «не говори, а делай» наиболее подходит для них.

Приведем результаты сравнения мотивации подростков, включенных в различные виды деятельности с разной частотой, не направленные на социальное взаимодействие. Например, подростки, которые редко смотрят фильмы в социальной сети, практически не проявляют мотивацию, направленную на отдых (L), в отличие от тех, кто смотрит фильмы

либо умеренно, либо очень часто. Такие же показатели характеризуют и подростков, которые ищут посты новостей (читают новостную ленту) и просматривают фотографии. Возможно, в данном случае социальная сеть является для подростков средством удовлетворения эмоциональных и информационных потребностей, связанных с отдыхом.

Несмотря на то, что бланк методики ММИ содержал 30 незаконченных предложений, количество мотивационных объектов у испытуемых могло быть каким угодно, так как допускалось, чтобы на один мотивационный индуктор приводилось любое количество объектов. Поэтому нами был введен показатель общей мотивации (Мобщ.), который является суммой всех мотивационных объектов у конкретного испытуемого: в социальных связях (Собщ.), в отдыхе (L), в мотивации, направленной на тот или иной аспект личности (Собщ.), временной перспективе, направленной на прошлое (tP) и ближайшее будущее (tBB) и т.д.

Приведем несколько значимых различий с показателем общей мотивации (Мобщ.). Например, более высоким показателем общей мотивации (Мобщ.) обладают подростки, которые просматривают фотографии часто, чем те, которые просматривают их редко, а также те подростки, которые проводят время за флэш-играми со средней периодичностью, чем те, которые играют редко или часто. Таким образом, потребностно-мотивационная сфера насыщеннее у тех подростков, которые чаще просматривают фотографии и со средней периодичностью проводят время за флэш-играми.

По результатам исследования могут быть сформулированы следующие выводы.

Выводы

1. Виды деятельности подростков в социальной сети и типы мотивации подростков выстроены в соответствии с определенной иерархией.

2. В рамках проверки справедливости первой частной гипотезы, согласно которой существует взаимосвязь между объемом деятельности подростков в социальной сети в Интернете и их мотивацией, с помощью корреляционного анализа были выявлены следующие тенденции и значимые взаимосвязи:

- общего объема деятельности в социальной сети: 1) с выраженностью мотивационных характеристик подростков, направленных на тот или иной аспект личности (Собщ), — прямая взаимосвязь; 2) мотивацией в деятельности, направленной на хобби (R4), — обратная взаимосвязь; 3) мотивацией, направленной на время обучения в средней и старшей школе (tE2), — обратная взаимосвязь;

- объема деятельности, направленной на социальное взаимодействие, с выраженностью мотиваций подростков, направленных на тот или иной аспект личности (Собщ), — прямая взаимосвязь;

- объема деятельности, предполагающей социальное взаимодействие: 1) с

выраженностью мотиваций подростков, направленных на тот или иной аспект личности (Собщ), — прямая взаимосвязь; 2) мотивацией деятельности, направленной на хобби (R4), — обратная взаимосвязь; 3) мотивацией, направленной на время обучения в средней и старшей школе (tE2), — обратная взаимосвязь.

3. В рамках проверки справедливости второй частной гипотезы, согласно которой существуют значимые различия в выраженности мотивации у подростков, которые проводят различное количество времени за разными видами деятельности в социальной сети, были получены результаты, говорящие о том, что у подростков, которые проводят различное количество времени за одним видом деятельности (в рамках всех видов деятельности, проводимых в социальной сети), существуют значимые различия в выраженности мотиваций и перспективе времени.

4. На основании вышеизложенных выводов можно прийти к заключению о том, что общая гипотеза, согласно которой существует взаимосвязь между деятельностью подростков в социальной сети и их мотивацией и временной перспективой, получила подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект-пресс, 2009. 355 с.
2. Вачкова С.Н. Особенности сетевых форм коммуникации современных школьников // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С.135–144.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 40 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. 342 с.
7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 607 с.
8. Толстых Н.Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2010. 545 с.

Motivation in Teenage Users of Social Media

V.V. FYODOROV*,
Moscow, Russia,
val.vl.fed@yandex.ru

I.D. MILEEV**,
Moscow, Russia,
mileev_ivan@mail.ru

The paper describes outcomes of a research on motivation in teenage users of virtual communicative spaces, that is, social networking sites. The hypothesis was that there is a correlation between teenagers' online activity in social media and features of their motivation. As it was revealed, types of teenagers' activities in social networking sites and types of motivation follow a certain hierarchy. Also, there are significant differences in motivations and time perspective in teenagers with different characteristics of online activity. The paper shows how these visible differences may be used in creating psychological motivational portraits of adolescents carrying out various activities in social media.

Keywords: social media, activity, motivation, social interaction, teenagers, time perspective, motivation induction method.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Aspekt-press, 2009. 355 p.
2. Vachkova S.N. Osobennosti setevykh form kommunikatsii sovremennykh shkol'nikov [Features of network forms of communication of modern school students]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]. 2014, vol. 5, no 4, pp. 135–144.
3. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [Galaxy Internet: Reflections about the Internet, business and society] / Per. s angl. A. Matveeva pod red. V. Kharitonova. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 328 p.
4. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information era: economy, society and culture]. Moscow: GU VShE, 2000. 608 p.
5. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i emotsii [Requirements, motives and emotions]. Moscow: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1971. 40 p.
6. Maslou A. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. Saint-Petersburg, 1999. 342 p.
7. Nyutten Zh. Motivatsiya, deistvie i perspektiva budushchego [Motivation, action and prospect of the future]. Moscow: Smysl, 2004. 607 p.
8. Tolstykh N.N. Razvitie vremennoi perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskii podkhod: Diss. ... dokt. psikhol. nauk. [Development of temporary prospect of the personality: cultural and historical approach. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2010. 545 p.

For citation:

Fyodorov V.V., Mileev I.D. Motivation in Teenage Users of Social Media. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 98–108. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060307.

* Fyodorov Valeriy — Senior lecturer at the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; business coach and freelance consultant, Moscow, Russia, val.vl.fed@yandex.ru
** Mileev Ivan — Educational psychologist, social pedagogue, Makarenko Center for Out-of-School Time Activities, Moscow, Russia, mileev_ivan@mail.ru

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр

Т.Ю. МАРИНОВА*,
Москва, Россия,
tamarinova@mail.ru

О.В. ЗАРЕЦКАЯ**,
Москва, Россия,
bazeda@bk.ru

В статье рассматривается влияние многопользовательских ролевых игр (MMORPG) на поведение игроков. С опорой на целый ряд исследований рассматриваются специфические особенности создания компьютерных ролевых онлайн-игр как возможные причины формирования психологической зависимости от этого вида Интернет-ресурсов. Приведены результаты собственного исследования мотивации зависимых игроков старше 18 лет с игровым стажем более 1 года. На основании анализа полученных результатов в статье приводится обоснование невозможности применения существующих традиционных критериев определения игровой зависимости для диагностики конкретно этой ее формы.

Ключевые слова: ролевые онлайн-игры, психологическая зависимость, аддиктивное поведение, Интернет-ресурсы, мотивация.

Для цитаты:

Маринова Т.Ю., Зарецкая О.В. Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 109–119. doi: 10.17759/sps.2015060308.

* Маринова Татьяна Юрьевна — кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, и. о. декана факультета социальной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, tamarinova@mail.ru

** Зарецкая Ольга Владимировна — магистрант факультета социальной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, bazeda@bk.ru

Зависимость от компьютерных ролевых онлайн-игр — относительно новый феномен, являющийся разновидностью нехимических форм зависимости. [5; 6; 7; 11]. Частный случай этого рода зависимости — зависимость от MMORPG. MMORPG, или ролевые многопользовательские онлайн-игры — особые виртуальные пространства, обладающие определенными особенностями, привлекающими большое количество современных Интернет-пользователей.

Проблема компьютерной и Интернет-зависимости впервые поднималась в психологии в конце XX в. Американский психолог К. Янг попыталась выделить подвиды компьютерной зависимости и создала опросник, направленный на диагностику зависимости, в основу которого положен временной критерий [2; 14]. Однако на сегодняшний день, когда без компьютера и Интернета не обходится практически ни один современный человек, время, проводимое за компьютером и в сети Интернет, не может однозначно указывать на наличие зависимости.

Создавать методики диагностики компьютерной зависимости пытались и многие другие ученые, но ни одна попытка пока не увенчалась успехом. Адекватной методики не существует, а факт наличия самой компьютерной зависимости вызывает большие споры в профессиональной среде. Психиатры настаивают на признании зависимости от компьютера и сети Интернет болезнью, требующей специального лечения. Психологи не могут однозначно определиться, можно ли считать это болезнью или проблема надумана, но склоняются к тому, что некая девиация все же существует [1; 3; 5; 6; 11; 12; 13].

О неоднозначности статуса компьютерной и Интернет-зависимости говорит

и до сих пор не устоявшаяся в этой области терминология [10]. В англоязычной литературе термины «addiction, dependence» используются для обозначения любых химических или физиологических форм зависимости. Вместе с тем, принят и термин «pathological use» для обозначения поведенческих расстройств, таких, например, как геймблинг. Существуют также понятия «зависимость от Интернета», «Интернет-аддикция». Впрочем, все эти термины в литературе часто используются и как синонимы.

Таким образом, можно сказать, что на текущий момент в научной сфере эта проблема недостаточно разработана, но это не умаляет ее актуальности. Компьютер и Интернет существуют практически в каждом доме и в каждом кармане, все более распространяется тенденция увлечения компьютером детей и подростков, все больше родителей обращаются к психологам с проблемой чрезмерного увлечения подрастающего поколения компьютерными играми. Впрочем, и взрослые не отстают. Во времена К. Янг считалось, что этой форме зависимости подвержена только молодежь, что очевидно было связано не со специфическими особенностями этой возрастной категории [2], а с относительно невысоким уровнем развития технической оснащенности и компьютерной грамотности общества в середине 1990-х гг. И сегодня, спустя два десятилетия, среди компьютерных пользователей намного больше людей среднего и старшего возраста.

Проблема зависимости от компьютерных игр до сих пор не рассматривалась в качестве самоценной в контексте компьютерной и Интернет-зависимости в целом. Тем не менее, следует отметить,

что это самая глубокая и важная проблема в этой области уже хотя бы потому, что ни одна другая форма проведения времени в сети не вызывает большего и при этом оправданного беспокойства, чем компьютерные многопользовательские онлайн-игры [18].

Можно предположить, что популярность компьютерных игр и формирование зависимости в решающей степени обусловлены именно их социально-психологической спецификой, а приемы, используемые при создании игр, существенно влияют на поведение и мотивацию игроков.

Процесс создания компьютерных игр имеет ряд своих особенностей. За основу любой игры берется глобальный сюжет, составляющий основу виртуального мира. Для этого может использоваться уже существующее произведение определенного жанра, или же легенда создается разработчиками целенаправленно. Например, браузерная MMORPG «Троецарствие» создана по мотивам цикла книг Ю. Никитина «Трое из леса», написанного в жанре славянского фэнтези, а вселенная проекта «Аллоды Онлайн» создавалась авторами игры на протяжении нескольких лет и не имеет какой-то одной определенной истории-прародителя. Однако с помощью разработки сюжета появляется собственно мир, населенный уникальными существами, имеющий свою историю: прошлое, в котором произошло нечто, требующее срочного и неотложного вмешательства людей из реального мира; настоящее, в котором собственно и существуют игроки; и светлое будущее, к которому стремится и ведет за собой сюжетная линия. Таким образом, уже на этапе знакомства с игрой задается вектор глобальной це-

ли, закладывается первый кирпичик в образ привлекательности для пользователя конкретного продукта игровой индустрии.

Большинство современных игр создается в формате 3D. Благодаря этой технике игровой мир получается объемным и красочным, а игрок ощущает себя как бы внутри него при помощи игрового персонажа — аватара, созданного и нареченного по своему вкусу и желанию. В свою очередь, сам факт существования подобного посредника во взаимодействии между реальным человеком и игровым миром создает ощущение безопасности, в совокупности складывающееся из иллюзии анонимности, неограниченной свободы слов, действий, поступков и других форм самовыражения. Кроме всего прочего, создавая персонаж, человек невольно переносит на него какие-то свои качества и черты.

Игровые миры населяют тысячи различных персонажей, которыми по ту сторону монитора управляют реальные люди. Таким образом, MMORPG — это уникальная возможность сосредоточить в одном месте и в одно время массу людей, объединенных общими целями.

Социальность — одна из главнейших особенностей взаимодействия пользователей сети Интернет, неоднократно подвергавшаяся попыткам изучения в России [3; 5; 6; 10; 11], в играх имеет особое значение. В процессе игры практически с самого начала игрок так или иначе вынужден контактировать с другими игроками. Первые знакомства завязываются в процессе выполнения специальных групповых заданий и взаимопомощи по игре. Первичная коммуникация реализована в виде различных чатов — общего, кланового, группового, личного.

Последующие этапы игры включают в себя групповые приключения, успешное прохождение которых сулит немалую выгоду в виде различных наград. Чем сложнее приключение, тем более ценной будет награда и тем слаженнее должна быть команда игроков, чтобы успешно ее добыть. Для игры на уровне групп игроки обычно используют более удобные и быстрые голосовые средства связи. Обычно это Skype, TeamSpeak, Mumble, а в некоторых играх реализована собственная встроенная голосовая связь. Таким образом, с течением времени игроки осваивают следующий уровень взаимодействия. Помимо этого, в играх существуют такие социальные опции, как возможность формирования личного списка друзей и врагов, заключения брака, побратимство.

По сюжету практически любой игры существуют два и более государства, подданные которых перманентно враждуют между собой. При этом на механизмах конкуренции и соперничества построены многие внутриигровые рейтинги достижений, позволяющие выделять и поощрять особо активных игроков.

На протяжении всей игры пользователей сопровождают квесты — специальные игровые задания, выполняющие функцию постановки целей, примерного описания путей их достижения и предполагающие награду за достигнутый результат. Чем сложнее задание, тем более крупная и почетная награда ожидает игрока. Также в течение игры персонаж может получить награду случайным образом во время выполнения различных, практически любых игровых действий.

Таким образом, подводя итоги описания особенностей MMORP-игр, можно выделить основополагающие из них:

- алгоритмичность игрового процесса — заведомо поставленные цели, более или менее определенные способы их достижения и благоприятствующие этому условия, обязательная награда по достижении результата;

- безопасность — во многом обусловлена алгоритмичностью, но, помимо этого, складывается также из анонимности личности и опосредованности взаимодействия игроков с игровым миром и между собой;

- социальность — ключевая особенность этого вида компьютерных игр, во многом способствующая их популяризации по сравнению с играми предыдущего поколения.

Принцип наград как случайных, так и за выполнение квестов, используется в создании компьютерных игр с момента их появления. Впрочем, можно сказать, что любая игра, а не только компьютерная, построена по этим же принципам. Впервые анализ системы наград в механике компьютерных игр с позиции неохевиоризма был осуществлен американским психологом Дж. Хопсоном в 2002 г. Согласно его концепции «Behavioral Game Design» [12], вся игровая механика строится на режимах подкрепления, экспериментально открытых и описанных Б.Ф. Скиннером в начале XX в. Правильно и осознанно используя эти режимы в процессе создания игры, можно получить оптимальный ее вариант, который устроит обе стороны — и разработчиков с точки зрения коммерческой прибыли от проекта, и игроков с точки зрения потребителей продукта.

Следует заметить, что Дж. Хопсон ничего особенного не изобрел. Он лишь описал то, что уже существовало в игровой индустрии, и предпринял попытку

усовершенствования процесса создания игр. Бихевиоральный подход к гейм-дизайну до сих пор вызывает серьезные споры в среде профессионалов [17]. С одной стороны, целенаправленно использовать психологические знания против человека считается верхом неэтичности, с другой стороны, игровая механика завязана на бихевиоризме, так почему бы и не применять его принципы правильно, чтобы сделать игры более совершенными. Так или иначе, но независимо от того, применяют конкретные разработчики теорию Дж. Хопсона на практике или нет, а большинство игр имеют свою аудиторию. Однако одной только теории оперантного обусловливания, несмотря на ее мощное эмпирическое обоснование, недостаточно для объяснения всей совокупности поведения человека. И поскольку Дж. Хопсон пишет о непосредственном влиянии на поведение и мотивацию игроков с ее помощью, то интересно посмотреть, на что конкретно мотивируют игроков гейм-дизайнеры.

В нашем исследовании приняли участие 64 игрока проекта «Аллоды Онлайн»

старше 18 лет с совокупным игровым стажем не менее одного года. Для работы была использована методика парных сравнений «Иерархия потребностей», адаптированная В.В. Скворцовым [9]. Методика направлена на выявление актуальных для личности мотивов через определение наименее удовлетворенной потребности на текущий момент. Методика содержит 5 шкал-потребностей и 15 высказываний, по 3 на каждую шкалу, которые испытуемый должен попарно сравнить между собой. Таким образом, всего для сравнения предлагается 105 пар высказываний. Шкалы: МП – материальные потребности, ПБ – потребность в безопасности, СП – социальные потребности (признание, принятие, принадлежность, близкие отношения, любовь), ПП – потребность в престиже и уважении, ПС – потребность в самореализации. Ключ: полная неудовлетворенность – 26–39 баллов, частичная удовлетворенность – 13–26 баллов, полная удовлетворенность – 0–13 баллов.

Результаты исследования по шкалам представлены на рисунке.

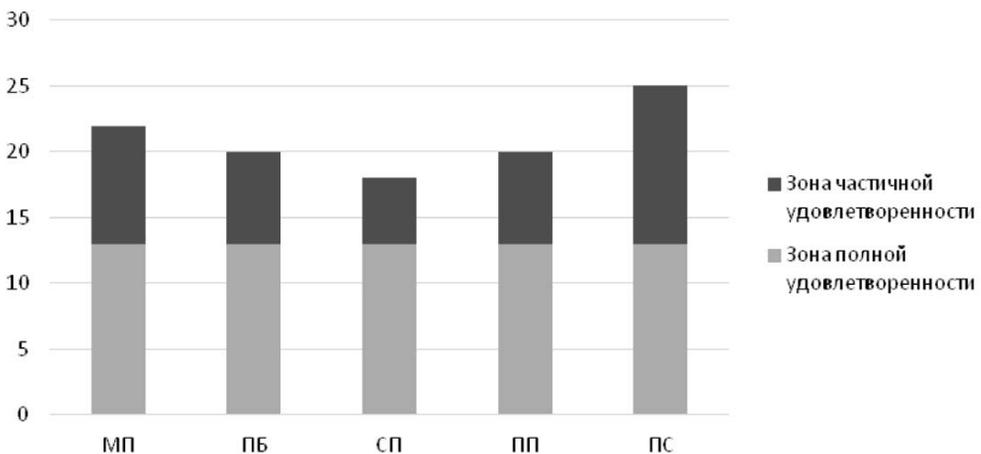

Рис. Результаты исследования мотивации игроков

Согласно полученным данным наиболее удовлетворенной можно считать потребность СП. Вероятнее всего, в компьютерных онлайн-играх эта потребность удовлетворяется на начальных этапах игры, когда игрок обзаводится кругом помощников, единомышленников, соратников, иными словами — кругом близких виртуальных друзей. Поэтому у игроков со стажем потребность в принадлежности не столь выражена. Тем не менее, социальный мотив у них присутствует. Вероятно, виртуальный мир все же не в состоянии полностью удовлетворить эту потребность, хотя со временем существенно снижает фрустрацию в этой области.

Шкала ПП — потребность в престиже и уважении. В современном обществе очень сложно удовлетворить эту потребность, поскольку не совсем ясно, за счет каких именно достижений набирается балл престижности человека в той или иной сфере его жизни. Система достижений и наград в любой игре справляется с этим куда лучше, что и подтверждает результат выборки по шкале ПП. Опытные игроки с уже сложившимся статусом в виртуальном мире меньше нуждаются в престиже и менее мотивированы на удовлетворение потребности в уважении. Однако этот мотив так же остается в списке присутствующих, хотя и не на лидирующей позиции, и при этом соотносится с выделенными некогда мотивами пользователей сети Интернет в целом, в особенности такими, как коммуникативный и социальный [1].

Потребность в безопасности — шкала ПБ — одна из главных физиологических и психологических потребностей, включающая в себя стабильность, защищенность, свободу от страха. Компьютерные онлайн-игры отлично справляются с удовлетво-

нием этой потребности за счет своей анонимности и алгоритмичности. Кроме того, в процессе игры человек, по сути, и «работает» на обеспечение будущего своему персонажу (т.е. себе самому) — повышает его уровень, развивает навыки и умения, добывает соответствующую экипировку. Он может быть на 100% уверенным в том, что эти действия гарантируют ему успешную игру на более высоких уровнях, способствуют вступлению в сильную гильдию и т.д. Вероятнее всего, на начальных этапах игры эта потребность является доминирующей наравне с потребностью в социальном признании, а с течением времени она нивелируется, но, тем не менее, все же сохраняется в значительной степени вместе с другими более актуальными для зависимых игроков.

Материальные потребности занимают второе место по степени неудовлетворенности. Вообще под материальными потребностями обычно понимаются элементарные физиологические потребности, необходимые для выживания человека. Однако в данном конкретном случае будет более правильным рассматривать эту потребность как потребительскую. На это указывают, во-первых, одна из шкал, по умолчанию созданная разработчиком онлайн-методики, — материальное положение, а во-вторых, само содержание высказываний — «зарабатывать на жизнь», «обеспечить себе материальный комфорт» и «покупать хорошие вещи». Почти у всех испытуемых, показавших высокий результат по степени неудовлетворенности этой потребности, материальное положение характеризуется как среднее или дословно — «живем обеспеченно, но осуществить некоторые покупки (квартиру, престижный автомобиль и т.д.) пока не в состоя-

нии». Это может говорить либо о том, что испытуемые приукрашивают свои доходы, либо, скорее, о распространенности потребительского бума среди нашего совершеннолетнего работающего населения. В свою очередь, это может свидетельствовать о наличии сопутствующей формы замещающего поведения — шопоголизме.

Самый высокий уровень неудовлетворенности на графике выборки дает потребность в самореализации. И это не удивительно, уже хотя бы потому, что такой уникальный, по сути, виртуальный мир, обладающий массой привлекательных возможностей, просто не может не предоставлять возможности и для этого аспекта развития личности. Разберем данную проблему подробнее, поскольку традиционно считается, что любая форма зависимости так или иначе ведет к остановке развития личности вплоть до полной ее деградации.

Разгадкой этого парадокса могут стать уже описанные выше ключевые особенности игр. Нарисованный персонаж любых форм и размеров, вымышленное имя, расовые и классовые особенности аватара, определяющие его роль в игровом социуме, сюжет, представляющий собой последовательную цепочку целей, заранее прописанные и понятные алгоритмы их достижения, социальные опции, извещающие глобальное сообщество о достижениях каждого конкретного игрока, — все это закладывает основу для развития феномена, описанного А. Маслоу в работе «Мотивация и личность», в которой пиковые переживания рассматриваются как своего рода фундамент личностного роста [7].

Именно пиковые переживания являются основным ключом к исследованию

и описанию аддиктивного поведения, формирующегося в случае пристрастия человека к MMORPG. В игре людям намного проще достичь вершины эмоциональных переживаний, здесь все для этого создано — совместная деятельность, слаженная проверенная команда близких друзей, единомышленников, системы наград и достижений, различные уровни сложности игрового процесса и т.д.

Другая сторона медали пиковых переживаний заключается в их социальной стороне. Совместные пиковые эмоции, переживаемые игроками в группе или рейде в случае достижения успеха в том или ином игровом аспекте, только усиливают их эффект. И в реализации этого мотива открывается совершенно новая сторона. Мало кому в реальной жизни удастся найти сплоченную команду единомышленников, объединенную общими ценностями и идеями, дружно и слаженно шагающую по направлению к достижению поставленных целей, при этом еще и относительно постоянную.

А. Маслоу в работе «Мотивация и личность» пишет, что пиковые переживания, устраняя невротическую симптоматику, оказывают психотерапевтическое действие. Такие переживания изменяют к лучшему мнение человека о самом себе, меняют его отношения и общение с другими людьми, его представление о мире, высвобождают творческие способности [7].

В связи с этим становится совершенно очевидно, почему именно потребность в самореализации является ведущей у игроков с длительным стажем и серьезным игровым опытом. Хочется добавить, что более или менее постоянные игровые сообщества или крупные гильдии, где, как правило, сосредоточены иг-

роки с большими амбициями, не останавливаются на достижении целей, поставленных самой игрой. Лидеры или массовики-затейники таких сообществ зачастую являются хорошими организаторами и ставят перед своими соратниками новые цели, естественно, возможные для воплощения в рамках конкретного игрового проекта. А достижение собственноручно поставленных целей приносит уже совместные пиковые переживания совершенно иного характера.

Такое распространенное влияние зависимости на личность, как остановка развития с возможной последующей деградацией [10], не прослеживается среди игроков MMORPG. По всей видимости, нельзя с одинаковой уверенностью применять и распространять критерии и симптоматику, выделенные на одной из разновидностей зависимого поведения, на все множество зависимостей как психологическое явление. Кроме того, компьютерно-игровая зависимость, согласно логике результатов исследования, вряд ли вообще может подходить под классическое определение зависимости [5; 6; 7; 11; 12], что в очередной раз ставит под сомнение привычное причисление ее к болезням в соматическом плане. Существует большая вероятность того, что зависимость от компьютерных онлайн-игр не только не является зависимостью, в полном смысле этого слова, но и открывает новые пути для развития личности. Однако для окончательной проверки справедливости выдвинутых гипотез необходимо исследовать более широкую аудиторию игроков.

Сегодня же по результатам нашего исследования нельзя однозначно утверждать, что причиной формирования зависимости от компьютерных игр являются именно бихевиоральные принципы, заложенные в основу создания MMORPG. Скорее следует предположить, что правильно подобранные режимы подкрепления в онлайн игре способствуют формированию поведенческих паттернов, направленных на удовлетворение потребностей, вероятно, фрустрированных в реальной жизни зависимых. Именно это побуждает людей проводить большое количество времени в виртуальных мирах, что влечет за собой так называемую зависимость, или патологическое использование Интернет-ресурсов. То, что, на первый взгляд, производит впечатление картины классической зависимости, на самом деле может являться весьма тревожным симптомом, говорящим не только о проблемах самого игрока, но и окружающих его людей.

Отсутствие специализированных методов диагностики компьютерно-игровой зависимости не может быть преградой на пути исследования этого феномена. Наоборот, уже существующий психологический инструментарий может, и должен активно использоваться для разработки проблемы. На сегодняшний день кажется важным найти некие социально-психологические критерии, позволяющие взглянуть на проблему зависимости с нетрадиционной стороны, поскольку привычные, стандартные подходы не дают существенных результатов в области практического применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Психологическое исследование мотивации пользователей Интернета // 2-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы // Москва, 2000. С. 245–246.

2. Бурова (Лоскутова) В.А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 2004. 24 с.
3. Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf> (дата обращения 12.02.2015).
4. Закрытый форум гильдии «АпологиЯ» MMORPG-проекта «Аллоды Онлайн» [Электронный ресурс]. URL: <http://apologia.pvrve.net/forum/> (дата обращения 12.02.2015).
5. Маринова Т.Ю. К вопросу о влиянии Интернета на психическое здоровье современной молодежи // Выпуск 4: Личность и группа в образовательном пространстве: сб. науч. трудов / Ред. О.Б. Крушельницкая. М.: МГППУ, 2011. С. 91–96.
6. Маринова Т.Ю. К вопросу об Интернет-зависимости у школьников // Материалы 2-ой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского «Социальная психология малых групп» (г. Москва, 25–26 октября 2011 г.), Москва, МГППУ, 2011. С. 493–497.
7. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2013. 352 с.
8. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
9. Методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей Маслоу-Скворцова [Электронный ресурс] // Бизнес-тренер. URL: http://b-t.com.ua/test_maslou.php (дата обращения 12.02.2015).
10. Руководство по аддиктологии // Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
11. Социальная психология образования: учеб. пособие. Раздел IV / Ред. О.Б. Крушельницкая, М.Е. Сачкова, Л.Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М 2015. 318 с.
12. Хомич А.В. Психология девиантного поведения: учеб. пособие., Ростов н/Д: Южно-Российский Гуманитарный Институт, 2006. 140 с.
13. Чудова Н.В., Евлантшиева М.А., Рахимова Н.А. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета [Электронный ресурс] // Проблемы медиапсихологии / Сост. Е.Е. Пронина. М.: «Рип-Холдинг», 2002. URL: http://evartist.narod.ru/text7/47.htm#_ftnref14 (дата обращения 12.02.2015).
14. Янг К.Г. Диагноз – Интернет-зависимость [Электронный ресурс] // Мир Интернет. 2000. № 2. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/common/15.html> (дата обращения 12.02.2015).
15. Hopson J. Behavioral Game Design. 2001. 2 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gamasutra.com/view/feature/131494/behavioral_game_design.php (дата обращения 12.02.2015).
16. Hopson J. The Psychology of Choice. 2002. 2 с. [Электронный ресурс]. URL: (http://www.gamasutra.com/view/feature/131420/the_psychology_of_choice.php) (дата обращения 12.02.2015).
17. Hopson J. 10 Years of Behavioral Game Design with Bungie's Research Boss. 2012. 3 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gamasutra.com/view/feature/172409/10_years_of_behavioral_game_design.php (дата обращения 12.02.2015).
18. Wong D. 5 Creepy Ways Video Games Are Trying to Get You Addicted, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cracked.com/article_18461_5-creepy-ways-video-games-are-trying-to-get-you-addicted_p1.html (дата обращения 12.02.2015).

Social Psychological Aspects of Addiction to Massively Multiplayer Online Role-Playing Games

T. YU. MARINOVA*,
Moscow, Russia,
tamarinova@mail.ru

O. V. ZARETSKAYA**,
Moscow, Russia,
bazeda@bk.ru

The paper addresses the issue of how massively multiplayer online role-playing games (MMORPG) affect the behavior of players. Basing on a series of research, the paper analyzes how massively multiplayer online role-playing games are created and highlights their specifics that possibly contribute to the development of psychological addiction to such games. The authors describe the outcomes of their own research on motivation in persons with gaming addiction aged 18 and up, with over 1 year of gaming experience. These outcomes suggest that current traditional criteria developed for assessing gaming addiction cannot be applied to this particular form of addictive behavior.

Keywords: *massively multiplayer online role-playing games, psychological addiction, addictive behavior, Internet resources, motivation.*

REFERENCES

1. Arestova O.N., Babanin L.N., Voiskunskii A.E. Psihologicheskoe issledovanie motivacii pol'zovatelei Interneta [A psychological investigation into the motivation of Internet users] // 2-ya Rossiiskaya konferenciya po ekologicheskoi psihologii. Tezisy [The second Russian conference for ecological psychology. Keynotes]. Moscow, 2000, pp. 245–246.
2. Burova (Loskutova) V.A. Internet-zavisimost' kak forma nehimicheskikh addiktivnykh rasstroistv. Avtoref. diss. ... kand. med. Nauk [Internet addiction as a form of non-chemical addictive disorders. Ph.D. (Medicine) Thesis]. Novosibirsk, 2004. 24 s.
3. Zhichkina A.E. Social'no-psihologicheskie aspekty obsheeniya v Internete [Elektronnyy resurs] [Sociopsychological aspects of internet communication]. Available at: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf> (Accessed 12.02.2015).

For citation:

Marinova T.Yu., Zaretskaya O.V. Social Psychological Aspects of Addiction to Massively Multiplayer Online Role-Playing Game. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 109–119. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060308.

* *Marinova Tatiana* – PhD in Biology, associate professor, professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, acting dean of the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, tamarinova@mail.ru

** *Zaretskaya Olga* – MA student at the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, bazeda@bk.ru

4. Zakrytyi forum gil'dii "ApologiYa" MMORPG-proekta "Allody Onlain" [Elektronnyi resurs] [The closed forum of the guild "Apologiya" in the MMORPG game "Allods Online"]. Available at: <http://apologia.pvpve.net/forum/> (Accessed 12.02.2015).
5. *Marinova T.Yu.* K voprosu o vliyaniy Interneta na psicheskoe zdorov'e sovremennoi molodezhi [On the question of the influence of the Internet on the psychological health of the modern youth] // Vypusk 4: Lichnost' i gruppy v obrazovatel'nom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov [Issue 4: the personality and the group in the educational environment: a collection of scientific works] / O.B. Krushel'nickaya, ed. Moskow : MGPPU, 2011, pp. 91–96.
6. *Marinova T.Yu.* K voprosu ob Internet-zavisimosti u shkol'nikov [On the question of internet addiction in schoolchildren] // Materialy 2-oi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashennoi pamyati professora A.V. Petrovskogo "Social'naya psikhologiya mal'nykh grupp" (g. Moskva, 25–26 oktyabrya 2011 g.) [Proceedings of the 2nd all-Russia Scientific and practical conference "Social psychology of small groups" in the memory of A.V. Petrovsky] Moskow, MGPPU, 2011, pp. 493–497.
7. *Maslou A.G.* Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. SPb.: Piter, 2013, 352 p.
8. *Mendelevich V.D.* Psikhologiya deviantnogo povedeniya [The psychology of deviant behaviour] SPb.: Rech', 2005, 445 p.
9. Metodika diagnostiki stepeni udovletvorennosti osnovnykh potrebnosti Maslou-Skvorcova [Elektronnyi resurs] [Maslow-Skvortsov's methods of diagnostics of the degree of fulfilment of basic needs] // Biznes-trener. Available at: http://b-t.com.ua/test_maslou.php (Accessed 12.02.2015)
10. Rukovodstvo po addiktologii [Handbook of addictology] // prof. V.D. Mendelevicha, ed. SPb.: Rech', 2007, 768 p.
11. Social'naya psikhologiya obrazovaniya (uchebnoe posobie). Razdel IV [Social psychology of education: textbook]. Section IV]. M.: Vuzovskii uchebnyk, INFRA-M, 2015, 318 p.
12. *Homich A.V.* Psikhologiya deviantnogo povedeniya. Uchebnoe posobie [Psychology of deviant behaviour: textbook]. Yuzhno-Rossiiskii Gumanitarnyi Institut, Rostov-na-Donu, 2006. 140s.
13. *Chudova N.V., Evlampieva M.A., Rahimova N.A.* Psichologicheskie osobennosti kommunikativnogo prostranstva Interneta [Elektronnyi resurs] [The psychological characteristics of the communicative environment of the Internet] // Problemy mediapsihologii [The problems of mediapsychology] / sost. E.E. Pronina. Moscow, "Rip-Holding", 2002. Available at: http://evartist.narod.ru/text7/47.htm#_ftnref14 (Accessed 12.02.2015).
14. *Yang K.G.* Diagnostika – Internet-zavisimost' [Elektronnyi resurs] [Internet addiction: a diagnosis] // Mir Internet, 2000, no. 2. Available at: <http://www.narcom.ru/ideas/common/15.html> (Accessed 12.02.2015).
15. *Hopson J.* Behavioral Game Design. 2001. 2 p. [Elektronnyi resurs]. Available at: http://www.gamasutra.com/view/feature/131494/behavioral_game_design.php (Accessed 12.02.2015).
16. *Hopson J.* The Psychology of Choice. 2002. 2 s. [Elektronnyi resurs]. Available at: (http://www.gamasutra.com/view/feature/131420/the_psychology_of_choice.php) (Accessed 12.02.2015).
17. *Hopson J.* 10 Years of Behavioral Game Design with Bungie's Research Boss. 2012. 3 s. [Elektronnyi resurs]. Available at: http://www.gamasutra.com/view/feature/172409/10_years_of_behavioral_game_design.php (Accessed 12.02.2015).
18. *Wong D.* 5 Creepy Ways Video Games Are Trying to Get You Addicted, 2010. [Elektronnyi resurs]. Available at: http://www.cracked.com/article_18461_5-creepy-ways-video-games-are-trying-to-get-you-addicted_p1.html (Accessed 12.02.2015).

Эмоции в структуре составляющих психологической «ткани» организационной культуры

И.В. ГРОШЕВ*,
Тамбов, Россия,
aus_tgy@mail.ru

Ю.А. ДАВЫДОВА**,
Тамбов, Россия,
aus_tgy@mail.ru

И.А. КРАСНОСЛОБОДЦЕВА***,
Тамбов, Россия,
aus_tgy@mail.ru

Статья посвящена исследованию роли и значения эмоционального фактора в системе составляющих организационной культуры. Наряду с психофизиологическим компонентом выделены направления формирования эмоций в организационных системах, проявления которых детерминируются культурными условиями организации и типом ее организационной культуры. Представлены и описаны уровни эмоций и степени субъективной управляемости ими. Сформулированы требования к системе менеджмента эмоций внутри организации, которые реализуются в широком спектре личностных проявлений. Рассмотрены позиции сторонников экологической теории эмоций, психофизиологического и социокультурного подхода с выделением их основных взглядов на природу и процесс управления эмоциями, на потенциал повышения эффективности дея-

Для цитаты:

Грошев И.В., Давыдова Ю.А., Краснослободцева И.А. Эмоции в структуре составляющих психологической «ткани» организационной культуры // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 120–133. doi: 10.17759/sps.2015060309.

* Грошев Игорь Васильевич — доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом, Институт управления и сервиса ТГУ имени Г.Р. Державина, проректор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, aus_tgy@mail.ru

** Давыдова Юлия Александровна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, aus_tgy@mail.ru

*** Краснослободцева Ирина Алексеевна — аспирантка, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, aus_tgy@mail.ru

тельности организации с помощью эмоционального фактора, на основе чего приводится и анализируется построенная в деятельностной парадигме модель эмоций, детерминированная типом организационной культуры.

Ключевые слова: коммуникации, менеджмент эмоций, организационная культура, персонал, поведение, управление, эмоции, эмоциональная культура, эффективность.

Определяющим компонентом эмоционального фактора, в том числе и в системе составляющих организационной культуры, являются чувства, которые характеризуют широкий класс «объектов», воспринимаемых человеком на уровне ощущений [12]. Эти объекты представляют внешнюю картину мира и воспринимаются как некая субстанция, оказывающая воздействие на внутреннее состояние, детерминирующее как поведенческие паттерны отдельной личности, так и поведение организации в целом. Причем такое влияние, идущее извне внутрь, предполагает ответную реакцию, которая выражается посредством эмоций.

Концепт «эмоция» зачастую представлен в социокультурном контексте как сопутствующий фактор процесса коммуникации, определяемой типом организационной культуры [5; 8 и др.]. Сами эмоции предполагают не столько рациональный анализ, сколько внутреннюю включенность в процесс, а также некоторую интуицию и антиципацию типологического процесса организационной культуры.

Эмоции как интерсубъективный феномен могут возникать и гаснуть под действием различных факторов, однако области их формирования в типологической системе организационной культуры сводятся к трем моментам (рис. 1).

Эмоции человека, возникающие в той или иной организационной системе, могут формироваться по нескольким направлениям.

- *Как результат психофизиологических процессов*, когда, с одной стороны, внутреннее состояние индивидуума провоцирует возникновение не связанных с внешними объектами чувств (голод, жажда и др.) биологического характера. С другой стороны, тело человека как физическая материя постоянно получает сигналы от других внешних физических объектов. В результате такого взаимодействия формируется импульс в центральной нервной системе. От того, каким образом данное возбуждение будет когнитивно интерпретировано, зависит дальнейшая поведенческая активность. Импульс может быть проигнорирован либо включен центром осознанной обработки информации человека в зону активного внимания [6]. Таким образом, импульс нарастающим образом может быть трансформирован в эмоциональный компонент на выходе, но это случается не всегда. Для этого сигнал должен обладать высокой субъективной ценностью, отличаться сильной интенсивностью и иметь некоторое временное воздействие.

- *В процессе коммуникативного взаимодействия* при вступлении в формализованные и неформальные отношения с другими людьми для решения конкретных личных целей. Любая сфера жизнедеятельности человека состоит из постоянного контакта с другими людьми. Современная экономика просто немыслима без начала коллективизма в достижении целей. Качество межличностного

Рис. 1. Области формирования эмоций как интерсубъективного феномена

взаимодействия проявляется не только в конечном результате, но и детерминируется характером установленных связей, определяемых типом организационной культуры и спецификой возникших при этом эмоций [8]. Учитывая то, что многие люди направлены на сам процесс, возникает вполне понятная картина того, почему фактору эмоций все больше уделяется внимания в управленческих науках, рассматривающих в том числе и процесс формирования и функционирования организационной культуры. Эмоциональный фактор, возникающий в процессе общения, может оказывать си-

нергетическое воздействие либо препятствовать конструктивному процессу достижения целей [11]. В любом случае человек постоянно формирует эмоциональный отклик на происходящее в процессе коммуникативного акта. Это помогает определять личную позицию в конкретной ситуации.

- В результате когнитивной активности индивидуума, что отражает оперирование идеальными сущностями. Эмоции в первоначальном виде могут иметь некоторое ментальное образование, выраженное в форме информационной единицы, перерабатываемой до субъек-

тивно значимых категорий или прошлого опыта, извлеченного из структур памяти. Когнитивный компонент, с точки зрения процессуального подхода, детерминирован, с одной стороны, особенностями центральной нервной системы, а с другой стороны, — психотипом человека [1]. Привычка мыслить и реагировать на поступающую информацию, характер возникающих ассоциативных связей, жизненная позиция и кредо — все это влияет на характер и качество протекания индивидуально-личностных эмоций, возникших в результате когнитивной активности, определяющих эмоциональный ресурс личности, используемой/неиспользуемой тем или иным типом организационной культуры.

Психофизиологический компонент формирования эмоций обуславливает набор базовых эмоций, демонстрируемых личностью/персоналом в организации, присутствующих во всех национальных культурах и имеющих генетическое основание благодаря врожденным нейронным программам [2]. Безусловно, существует некая вариативность в проявлении таких эмоций в разных культурных условиях, определяемая типом организационной культуры. Но направления их проявления остаются относительно одинаковыми.

С другой стороны, существует группа эмоций, характеризующихся ярко выраженной социальной окраской. В этом плане можно с полной уверенностью утверждать, что в каждой культуре социальная составляющая эмоций проявляется дифференцированно и во многом отражает ментальность народа и его историю. Эмоциональные переживания, погруженные в социокультурный контекст, представляют особый интерес, по-

скольку именно они отвечают за формирование психологической «ткани» организационной культуры. Там, где существенную роль играет человеческий фактор, всегда есть место для эмоций.

Мысли материальны. Подтверждением этому является процесс трансформации ментальных структур личности, а шире — и организации, в личностное/организационное эмоциональное состояние. В любой момент времени человек взаимодействует с информацией, она может иметь разную структуру, направленность, силу, осознанно или бессознательно восприниматься, но она всегда предшествует результату [7]. Одним из таких результатов могут являться эмоции, которые отражают синтез установок, ожиданий, сопоставления категорий и образов. В силу этого эмоции также обладают значительной дифференцированностью среди представителей различных культур.

Эмоции человека могут быть представлены и описаны на нескольких уровнях (рис. 2). В зависимости от уровня развития способностей, рефлексии и саморегуляции поведения степень управления субъектом эмоциями может быть различной.

Управление эмоциями на уровне мыслей и чувств позволяет человеку «переформатировать» внутреннее мышление на иное восприятие информации и окружающей действительности, а значит, по-другому реагировать на какие-то события или явления, проявляя и демонстрируя другую эмоциональную палитру [12]. Погружаясь в новую организационную культуру, человек неизбежно сталкивается с необходимостью пересмотра некоторых ценностей, установок и ожиданий при условии его заинтересованно-

Уровни эмоций

Эмоции, наблюдаемые со стороны

Рефлексия собственного эмоционального состояния

Неосознаваемая активность головного мозга

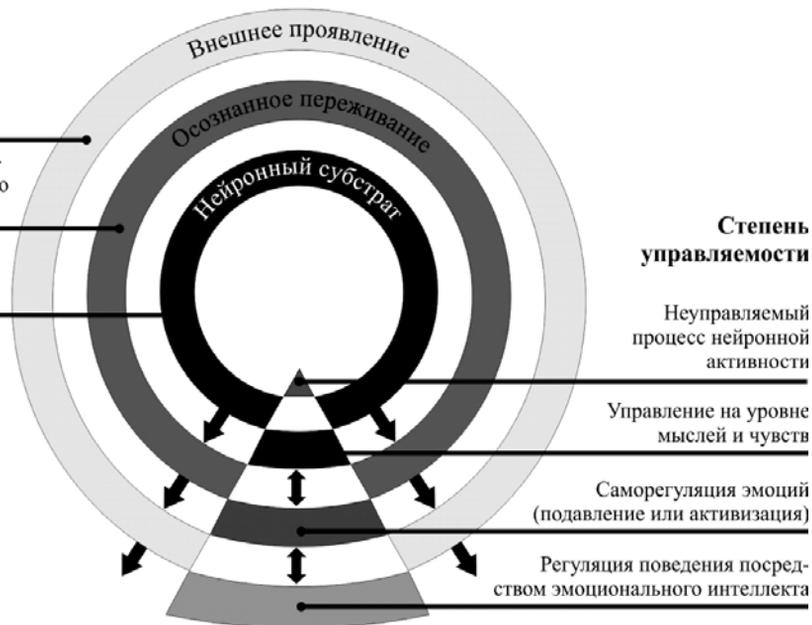

Рис. 2. Уровни эмоций и степень управления ими субъектом

сти оставаться в ее пределах [5]. Таким образом, новый сотрудник может интериоризировать разделяемый всеми стиль эмоционального взаимодействия, механизм кодирования и распознавания эмоционального контекста в коммуникациях. Другими словами, человек настраивается на корректный отклик в рамках системы организационного взаимодействия. При этом может возникнуть конфликт внутренних личностных интересов и эмоциональных ценностей организации. К примеру, если в организации поощряется дух коллективизма, командной работы и взаимовыручки, а сотрудник ориентирован на индивидуализм, личностный рост и самодостаточность, неизбежно возникнут конфликтные ситуации. В первую очередь, это будет выражаться в форме эмоциональной дистанции, которая затем может перерасти в конфрон-

тацию и, наконец, в прямое противостояние, подкрепленное негативными эмоциями на уровне личностей [9; 10].

Человек в роли нового сотрудника сам решает для себя, какова цена его внутреннего душевного равновесия. Именно поэтому широкое распространение получают психологические методики анализа соответствия кандидата типу, уровню и особенностям организационной культуры, функционирующей в организации.

Саморегуляция эмоций, проявляющаяся в подавлении или активизации того или иного эмоционального состояния, по большей части характеризует внутреннюю активность человека по контролю собственных эмоций и их корректировке на уровне мыслительной деятельности. После того, как эмоция распознана сознанием, а ее интенсивность

не выходит за рамки сознательной деятельности, она может подавляться, если не соответствует внутренним критериям, либо активизироваться в случае конструктивного эффекта от ее переживания (демонстрации) [2].

Внешнее проявление эмоций может осознанно регистрироваться субъектом, и тогда оно поддается либо некоторой корректировке, либо «ликвидации» в процессе их выражения, представлять субъективно неуправляемую активность, на которую можно повлиять только со стороны. Случай осознанной репрезентации собственных эмоций подчиняется вполне адекватной корректировке со стороны сознания. Во всех остальных ситуациях эмоции поддаются управлению на основе эмоционального интеллекта другого субъекта. В данном случае речь идет о некотором лидере или руководителе, который обладает всеми ресурсами для нейтрализации или перенаправления эмоционального заряда в конструктивном направлении.

Дело в том, что сами по себе эмоции способны многократно увеличивать производительность труда, мобилизовать усилия в кратчайшие сроки и сплотить коллектив, так как эмоции обладают ресурсом (информационным, энергетическим, временным, ценностным и мотивационным) [3]. Отсутствие управления так называемым эмоциональным интеллектом приводит к упущению таких возможностей, а в некоторых случаях — к возникновению противоположных центростремительных сил внутри коллектива.

Для эффективного управления эмоциональным ресурсом организации и, в частности, эмоциями отдельной личности необходимо обладать интуитивным аппаратом регистрации, как на уровне ор-

ганизации, так и на уровне руководства, состояния субъекта, отличного от его базового значения. Для этого необходимо:

- знать базовое состояние субъекта (группы) в соответствии с которым можно проводить сопоставление;
- уметь регистрировать невербальные сигналы (мимика, жесты, тембр голоса и др.);
- обладать собственной системой управления эмоциями и способностью эмоциональной эмпатии;
- оказывать воздействие на уровне неформальных процедур и механизмов, либо формальными способами в случае ухудшения ситуации;
- иметь ресурсную базу (авторитет, репутация, признание коллектива, компетенция или должностное положение);
- развивать определенные личностные качества и опыт.

Следует также отметить важную роль умения рационально и объективно мыслить в менеджменте эмоций. Система управления эмоциями внутри организации должна отвечать требованиям динамичности, гибкости и открытости. При разработке такой системы следует учитывать и определенным образом прорабатывать следующие моменты.

Отделение эмоций от инстинктов и потребностей, а также их дифференциация между собой. Не только эмоции могут приводить к различным органическим изменениям человека. Бывает сложно определить линию между эмоциями и пограничными с ними состояниями. Корреляция эмоций только с физиологическим портретом не позволяет корректно проводить различие, к примеру, с первичными потребностями (голод, жажда), тем более описывать сложные психологические переживания, имеющие социокультурный характер. В этом

смысле может помочь интуиция, которая увязывает изменения во внешнем состоянии и поведении человека с его субъективными переживаниями, выраженными вербальными средствами. Если организация небольшая, а количество сотрудников позволяет применять персонализированный подход, то объектом детального анализа на предмет выявления эмоций/драйвов/инстинктов может выступать конкретный индивид. В ситуации большого коллектива можно использовать метод аппроксимации для различных групп.

Формирование «языка» эмоций. Стиль поведения руководителя, точнее характер проявления эмоций в рабочем процессе, формирует приемлемые рамки репрезентации личных эмоций сотрудником как по отношению к нему, так и в среде коллектива. С другой стороны, лидер в организации может задавать рамки личностного эмоционального проявления на своем собственном примере. Проявление и репрезентация эмоций протекают именно в заданных границах, определяемых типом организационной культуры; если сотрудник обращается к иной модели демонстрации эмоций, используя другую систему кодирования, она может быть либо неправильно распознана другими членами коллектива, либо взята на вооружение в качестве нового эмоционального опыта, детерминированного иным (другим) типом организационной культуры.

Создание системы поощрения/подавления эмоций. Умение управлять эмоциональным ресурсом (состоянием коллектива) основано на личностных качествах управленца и уровне его базовой интуиции. Однако в организа-

ции необходимо не просто управлять эмоциями, а интегрировать их с целью достижения поставленных задач. Помимо этого, в процессе такой деятельности сотруднику всегда нужен пример того, как следует действовать, чтобы добиться подкрепления. Зная, какой эмоциональный отклик в организации поощряется, а что является недопустимым, он может четко следовать программе, ожидая на выходе положительное эмоциональное подкрепление со стороны организации.

Эмоции в некотором роде являются внутренними сигналами, которые отражают отношение между мотивами и реализацией отвечающей этим мотивам деятельности. Эмоции в их непосредственном понимании всегда проявляются и будут проявляться в мимике и жестах и иметь соответствующий нейронный прообраз [13]. Область выражения эмоций соответствует трем уровням.

1. Неконтролируемые реакции (детерминированные биологической природой человека). Размытый эмоциональный фон не позволяет идентифицировать конкретные эмоции. Эмоции функционально почти не отличаются от драйвов.

2. Следование эмоциям. Область эмоционального представляет более сложный и дифференцированный характер. Сами эмоции связываются с когнитивными процессами. Можно говорить об оформлении и осознании субъектом конкретных эмоций, сильных и простых по своей структуре. Когнитивный элемент представляет постоценочный механизм, запускаемый после открытого выражения эмоций.

3. Эмоциональный контроль. Главенствующее место отдается рациональной

оценке. Эмоциональные нормы, образцы эмоционального поведения становятся предметом осознания и рационального конструирования. Внутреннее состояние человека не просто регистрируется и подвергается анализу, но и корректируется в соответствии с определенным типом мышления.

Исследуя концепт «эмоции» многие ученые придерживаются мнения об их непосредственных отражении и переживании [14]. Другими словами, эмоции следуют за актуализацией мотива, выражаясь до уровня предела рациональной оценки деятельности субъекта. Момент их рефлексии проявляется позже.

В ситуации коллектива, ограниченного определенным типом организационной культурой, имеет место несколько другой аппарат эмоционального поведения. Отталкиваясь от концепции оперантного (обусловленного) поведения, индивид изначально реализует свои усилия в контексте эмоциональных установок, таких как:

- страх критики и оценки действий;
- страх не оправдать ожидания, разочаровать;
- страх привлечь к себе чрезмерное внимание, стать объектом обсуждений;
- страх быть отвергнутым коллективом.

Таким образом, можно предположить, что эмоциональный фактор в рамках организационной системы реализуется в более широком спектре личностных проявлений [4], а именно:

1) в переживании эмоций, фиксируемом субъектом на уровне сознания. При этом их внешнее проявление может отсутствовать. Это те ситуации, когда сотрудник по собственным убеждениям (групповым ценностям) считает нецеле-

сообразным такое эмоциональное поведение и подавляет это в себе;

2) в демонстрации эмоций в качестве защитного механизма. По определенным соображениям субъект искусственно вызывает или автоматически проявляет конкретные эмоции, позволяющие ему добиться прогнозируемого результата. К примеру, в ситуации ожидания наказания эмоции могут служить инструментом демонстрации собственных переживаний в данном вопросе, что позволит смягчить (уйти) от ответственности. Все зависит от организационного климата и характера эмоциональной культуры в организации.

Сторонники экологической теории эмоций закрепляют за эмоциональным фактором функции индикации отношения к осуществленной, осуществляющейся или предстоящей деятельности [15]. Эмоции представляются в качестве сложноорганизованных схем, на входе которых находится внешнее возмущение, а на выходе — ответное действие или система действий. Пространство внутри заполнено различными элементами, призванными отразить разноуровневую структуру эмоций, их связь с предшествующим опытом и другими системами, а также выполняемыми ими функциями, среди которых обычно выделяются две: оценка ситуации и подготовка будущего действия (рис. 3).

Основные позиции эмоционально-деятельностной парадигмы заключены в следующих утверждениях:

- эмоции и эволюционно, и в поведении человека предшествуют рациональному познанию, опосредующему поведенческие паттерны личности в поле определенного типа организационной культуры;

- эмоция следует за рациональным познанием, представляя собой реакцию на него;

- в саму эмоцию входит когнитивный аспект, выражающийся в оценке ситуации.

В рамках организационной действительности особый интерес представляет социокультурный подход к интерпретации эмоций [15]. При анализе эмоций очень часто вне поля зрения остаются социокультурные условия их порождения, которые выступают в роли естественного фона. Эмоции рассматриваются в качестве особых лично-социально преломляемых социокультурных практик. Такая позиция подчеркивает природу человека, встроеного в окружающий мир. Сторонники этого подхода определяют эмоции с трех позиций:

- как самостоятельное социокультурное явление;

- как функцию некоторых социокультурных процессов;

- как фактор, обеспечивающий устойчивое функционирование социума и его эволюцию.

Поведение сотрудника в организации может быть сведено к последовательности взаимодействий с другими людьми, в которых он оперирует определенной ситуационной ролью. Совокупность таких ситуационных ролей, в которых человек выполняет свое поведение, определяет степень его эмоционального выражения [16]. Эмоции при этом выполняют функцию подкрепления, облегчая и направляя в нужную сторону процесс взаимодействия.

В данном аспекте могут рассматриваться такие понятия как «эмоциональ-

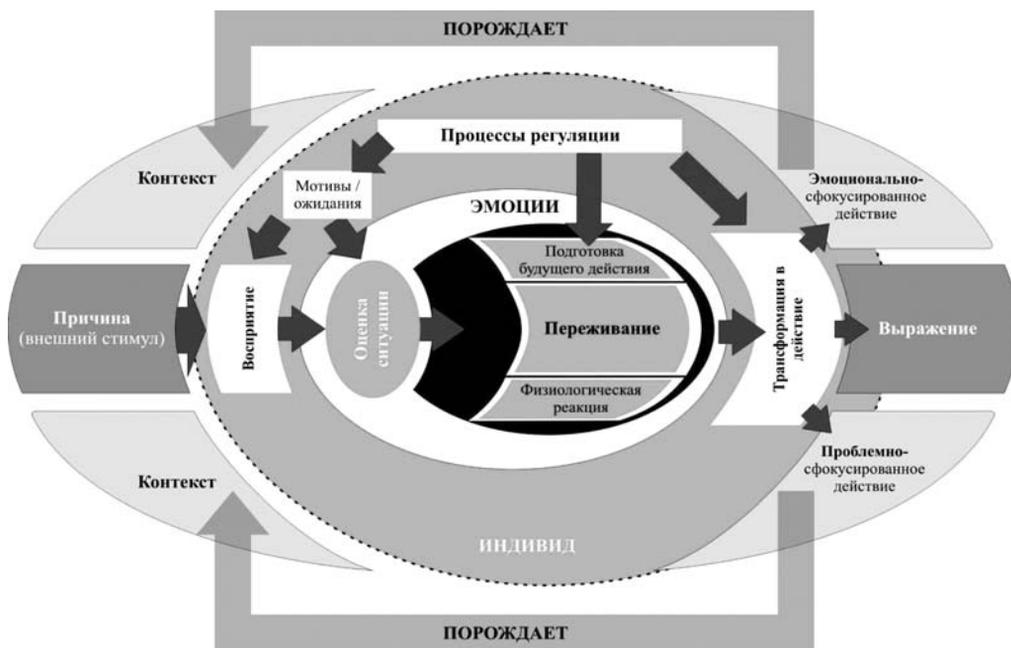

Рис. 3. Модель эмоций в деятельностной парадигме, детерминированной типом организационной культуры

ная культура»¹, «эмоциональное поведение (стиль)»² и «эмоциональный опыт»³. Несмотря на определенное сходство, каждое понятие имеет свои границы.

Объединяя вышеприведенные подходы в единую модель, можно сформировать концептуальное видение зон организационной культуры, в которых можно добиться большего эффекта с помощью эмоционального фактора (рис. 4).

На каждом уровне рассмотрения эмоций можно выделить области организационной культуры, в которых изначально заключен потенциал повышения эффективности с помощью эмоционального фактора (табл.).

Таким образом, эмоции — это целый язык, с помощью которого человек передает субъективное значение, отражающее то, что ему ценно и важно. В них заключена совокупность культурных смыслов и базовой составляющей психологической «ткани» организационной культуры для конкретной организации, находящих свое выражение в конкретных управленческих практиках и выступающих в различных организационных ситуациях в качестве доминанты, что необходимо учитывать при комплексном управлении организацией в целом и эмоциями — в частности.

Рис. 4. Области организационной культуры, обладающие потенциалом использования эмоционального фактора

¹ **Эмоциональная культура** — это надстроечный компонент системы организационной культуры. Он позволяет передавать сигналы, информацию и субъективное отношение в процессе коммуникативного акта.

² **Эмоциональное поведение (стиль)** — разделяемые и используемые формы выражения эмоций и их контекст проявления. Для каждого индивидуума характерно определенным образом демонстрировать свое эмоциональное состояние (переживание).

³ **Эмоциональный опыт** — в контексте социокультурного подхода отражает накопленный практический багаж субъекта по использованию эмоций. Этот опыт может включать модели других субъектов, которые когда-то ранее были зафиксированы и приняты на вооружение.

Подходы к рассмотрению эмоционального фактора как потенциала повышения эффективности деятельности организации

Подходы	Значение и смысл подхода
Социокультурный	Конечной целью существования эмоций является передача базовых культурных смыслов. Эти смыслы могут выражаться в различных ментальных образах и коллективных представлениях. Все зависит от субъектов, вступающих в процесс коммуникации (взаимодействия). Таким образом, любое взаимодействие в рамках организационной системы несет эмоциональный фон сотрудничества, который отвечает за трансакцию культурных значений. Тем самым сотрудники подкрепляют идентичность организации. От того, как будет задействован эмоциональный фактор, зависит результативность всей организационной операции
Экологический	Формирует представление о значении поступков и поведения с позиции эмоционального компонента. Любое действие (бездействие), подкрепленное конструктивными эмоциями, способно дать больший результат для организации в виде выполненной работы и для сотрудника в форме усвоенной практики, нежели тривиальное сочетание рутинной работы и формально выполненного задания. С другой стороны, не всегда удается эмоционально зарядить сотрудников привычными методами. Многочисленные исследования подтверждают эффективность эмоциональной мотивации. К сожалению, для многих руководителей российской формации до сих пор более близка форма мотивации, основанная на отрицательном подкреплении. Такая форма стимулирования доказала свою несостоятельность. Более того, она нередко становится причиной внутриорганизационных проблем с неизлечимыми последствиями
Психофизиологический	Если предыдущие подходы во многом логически выстроены, а использование эмоций на благо организации представляет скорее вопрос креативности и навыков руководителя, то здесь ситуация более неоднозначна. Во-первых, малая изученность фактора эмоций с точки зрения нейрофизиологических процессов ставит больше вопросов, чем ответов. Во-вторых, управление эмоциями на уровне нейронных прообразов — очень сложная и непредсказуемая материя. Поэтому нами предпринята попытка систематизировать некоторый практический опыт с позиции собственной рефлексии. В самом общем смысле организация — это люди, которые обладают субъективным и коллективным опытом. Область коллективного может отражать как национальный характер, так и быть следствием той среды, в которой находился индивид. Организация — это среда, которой также присуще некоторое коллективное сознание. Оно может выражаться в способе обработки информации, механизмах мышления и комплексе сигналов, являющихся следствием определенного раздражения. Коллективное сознание в организации вырабатывается самими сотрудниками, а по истечении времени оно приобретает идентичный характер. И каждый новый сотрудник бессознательно обучается таким разработанным программам, среди которых находится и эмоциональное поведение. Если выстроить должным образом механизм организационного мышления, систему накопления опыта, можно изначально формировать необходимые для организации эмоциональные импульсы и настроения

Финансирование

Исследование выполнялось в рамках государственного задания (проект № 3839).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреслав Г.М. Психология эмоций. М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2004. 544 с.
2. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987. 176 с.
3. Грошев И.В. Гендерные аспекты эмоциональной архитектуры, интерпретации и опознания ландшафта эмоций и эмоциональных отношений в организации // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 14–19.
4. Грошев И.В., Давыдова Ю.А. Корреляты половых различий эмоциональной сферы личности // Социально-экономические явления и процессы. 2006. № 1–2. С. 106–111.
5. Грошев И.В., Краснослободцев А.А. Организационная культура. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 535 с.
6. Грошев И.В., Краснослободцев А.А. Эмоциональные силы мотива выбора бренда в призме поведения потребителя // Маркетинг в России и за рубежом. 2012. № 4 (90). С. 13–28.
7. Грошев И.В., Краснослободцев А.А. Эмоциональный брендинг и поведение потребителя // Проблемы теории и практики управления. Международный журнал. 2012. № 7–8. С. 119–126.
8. Грошев И.В., Мищенко А.А. Культурное пространство организации: эмоциональная среда // Проблемы теории и практики управления. Международный журнал. 2012. № 9–10. С. 100–107.
9. Давыдова Ю.А. Гендерная конфликтология: особенности влияния феминизированных и маскулинизированных черт личности на поведение в конфликте. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH and Co. KG, 2011. 378 с.
10. Давыдова Ю.А. Исследование причинной обусловленности конфликтного поведения личности // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2 (58). С. 397–402.
11. Елфимова Н.В. Функции эмоций в создании мотивационного компонента деятельности // Эмоциональная регуляция деятельности. М.: Педагогика, 1987. С. 24–31.
12. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2007. 749 с.
13. Elster J. Rationality and the Emotions // The Economic Journal. 1996. № 106 (438). P. 1386–1397. <http://dx.doi.org/10.2307/2235530>
14. Frank R. Passions within Reason: The Strategic Role of the Emotions. N.-Y.: Norton, 1998. 304 p.
15. Goleman D. Emotional intelligence. N.-Y.: Bantam Books, 1995. 352 p.
16. Yerkes R., Dodson J. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 2008. Vol. 18. November. Issue 5. P. 459–482. <http://dx.doi.org/10.1002/cne.920180503>

Emotions in the Structure of Psychological 'Fabric' of Organizational Culture

I.V. GROSHEV*,
Tambov, Russia,
aus_tgy@mail.ru

YU.A. DAVYDOVA**,
Tambov, Russia,
aus_tgy@mail.ru

I.A. KRASNOSLOBODTSEVA***,
Russia,
aus_tgy@mail.ru

The paper explores the role and significance of the emotional factor in the system of components of organizational culture. Along with the psychophysiological component the authors describe patterns of formation of emotions in organizational systems and state that manifestations of these emotions are determined by cultural conditions of the organization and by the type of its organizational culture. The authors also outline levels of emotions and degrees of their subjective management in individuals. A set of requirements is proposed for the system of emotional management within the organization which may be implemented in a broad range of personality manifestations. Finally, the authors review the ecological theory of emotions, the psychophysiological and sociocultural approaches, analyzing their main propositions concerning the nature and management of emotions as well as perspectives for raising the efficiency of activity in the organization with the assistance of the emotional factor. On these grounds the authors propose an activity-based model of emotions determined by the type of organizational structure.

Keywords: communications, emotional management, organizational culture, personnel, behavior, management, emotions, emotional culture, efficiency.

Acknowledgements

The study was conducted as a part of a government project (№ 3839).

For citation:

Groshev I.V., Davydova Yu.A., Krasnoslobodtseva I.A. Emotions in the Structure of Psychological 'Fabric' of Organizational Culture. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 120–133. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060309.

* *Groshev Igor* – Doctor of Psychology, Doctor of Economics, professor, Personnel Management Department, Institute of Management and Service, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, aus_tgy@mail.ru

** *Davydova Yulia* – PhD in Psychology, associate professor, Advertising and Public Relations Department, Institute of Philology, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, aus_tgy@mail.ru

*** *Krasnoslobodtseva Irina* – PhD student, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, aus_tgy@mail.ru

REFERENCES

1. *Breslav G.M.* Psikhologiya emotsij [Psychology of Emotions] Moscow: Publ. Smysl; Akademiya, 2004. 544 p.
2. *Gozman L.Ya.* Psikhologiya emotsionalnykh otnoshenij [Psychology of Emotional Relations] Moscow: Publ. MGU, 1987. 176 p.
3. *Groshev I.V.* Gendernye aspekty emotsionalnoj arkhitektury, interpretatsii i opoznaniya landshafta emotsij i emotsionalnykh otnoshenij v organizatsii [Gender Aspects of Emotional Architecture, Interpretation and Identification of Landscape of Emotions and Emotional Relations in the Organization] // *Menedzhment v Rossii i za rubezhom [Management in Russia and Abroad]*. 2012, no 4, pp. 14–19.
4. *Groshev I.V., Davydova Yu.A.* Korrelyaty polovykh razlichij emotsionalnoj sfery lichnosti [Correlates of Gender Differences of the Emotional Sphere of a Person] // *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Socio-economic Phenomena and Processes]*. 2006, no. 1–2, pp. 106–111.
5. *Groshev I.V., Krasnoslobodtsev A.A.* Organizatsionnaya kultura [Organizational Culture]. Moscow: Publ. YUNITI-DANA, 2013. 535 p.
6. *Groshev I.V., Krasnoslobodtsev A.A.* Emotsionalnye sily motiva vybora brenda v prizme povedeniya potrebitelya [Emotional Forces of Motive in Choosing Brand through the Prism of Consumer's Behavior] // *Marketing v Rossii i za rubezhom [Marketing in Russia and Abroad]*. 2012, no. 4 (90), pp. 13–28.
7. *Groshev I.V., Krasnoslobodtsev A.A.* Emotsionalnyj brending i povedenie potrebitelya [Emotional Branding and Consumer's Behavior] // *Problemy teorii i praktiki upravleniya. Mezhdunarodnyj zhurnal [Issues of Management Theory and Practice. International Journal]*. 2012, no. 7–8, pp. 119–126.
8. *Groshev I.V., Mishchenko A.A.* Kulturnoe prostranstvo organizatsii: emotsionalnaya sreda [Cultural Space of the Organization: Emotional Environment] // *Problemy teorii i praktiki upravleniya. Mezhdunarodnyj zhurnal [Issues of Theory and Practice of Management. International Journal]*. 2012, no. 9–10, pp. 100–107.
9. *Davydova Ya.A.* Gender Conflictology: Gendernaya konfliktologiya: osobennosti vliyaniya feminizirovannykh i maskulinizirovannykh chert lichnosti na povedenie v konflikte [Peculiarities of Influence of Feminine and Masculine Features of Personality on the Behavior in Conflict]. Germany: . Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH and Co. KG, 2011. 378 p.
10. *Davydova Ya.A.* Issledovanie prichinnoj obuslovlennosti konfliktного povedeniya lichnosti [Research of Causation of Conflict Personality Behavior] // *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Review of Tambov State University. Series: Humanitarian Sciences]*. 2008, no. 2 (58), pp. 397–402.
11. *Elfimova N.V.* Funktsii emotsij v sozdanii motivatsionnogo komponenta deyatel'nosti [Functions of Emotions in Creating the Motivating Component of Activity] // *Emotsionalnaya regulyatsiya deyatel'nosti [Emotional Regulation of Activity]*. Moscow: Publ. Pedagogika, 1987. pp. 24–31.
12. *Ilyin E.P.* Emotsii i chuvstva [Emotions and Feelings]. Spb.: Publ. Piter, 2007. 749 p.
13. *Elster J.* Rationality and the Emotions // *Economic Journal*. 1996, no. 106 (438), pp. 1386–1397. <http://dx.doi.org/10.2307/2235530>
14. *Frank R.* Passions within Reason: The Strategic Role of the Emotions. N.-Y., 1998. 304 p.
15. *Goleman D.* Emotional intelligence. N.-Y.: Bantam Books, 1995. 352 p.
16. *Yerkes R., Dodson J.* The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // *Journal of Comparative Neurology and Psychology*. 2008. Vol. 18. November. Issue 5. pp. 459–482. <http://dx.doi.org/10.1002/cne.920180503>

Проблема диалогической личности в контексте современной психотехники

А.В. ЖЕЛЯБИН*,
Москва, Россия,
zhelyabinav@gmail.com

Статья посвящена вариативности понимания личности в психологии и проблеме отсутствия категории личности в современной отечественной психологической практике. Статья направлена на прояснение категории личности в контексте современного психотехнического подхода с учетом ключевых критериев психотехничности, в том числе диалогичности. Рассматривается предположение об общей закономерности преодоления всех критических ситуаций, в том числе и ситуации невозможности переживания. Выделяются ключевые характеристики личности, и обосновывается значимость работы с личностью, а значит, необходимость владения представлениями о данной категории. Исследуется вопрос генезиса личности в культурно-исторической психологии и ее ответвлениях. Формулируется общий механизм развития через интериоризацию. На примере ряда ведущих концепций личности сделано обобщение о немыслимости наличия личности в рамках изолированного индивида. В связи с этим вводятся такие понятия, как совокупный субъект, шаг развития личности и угол отклонения смысла.

Ключевые слова: личность, диалогичность, совокупный субъект, психотехника, развитие личности, шаг развития личности, угол отклонения смысла, критическая ситуация, переживание, деятельность.

Проблема личности в психологии рассматривалась многими выдающимися исследователями, которые, к сожалению, не пришли к единому понятию о личности. Авторы одной из работ по анализу и систематизации подходов к лич-

ности и природы человека — Л. Хьелл и Д. Зиглер в своей работе «Теории личности. Основные положения, исследования и применение» [19] выделяют ряд наиболее распространенных среди теорий личности представлений.

Для цитаты:

Желябин А.В. Проблема диалогической личности в контексте современной психотехники // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 134–149. doi: 10.17759/sps.2015060310.

* Желябин Антон Валерьевич — аспирант кафедры индивидуального и группового консультирования факультета клинической и консультативной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, бизнес-тренер и консультант-фрилансер, Москва, Россия, zhelyabinav@gmail.com

- «Личностью представлены такие особые качества, благодаря которым данный человек отличается от всех остальных людей. Кроме того, понять, какие специфические качества или их комбинации дифференцируют одну личность от другой, можно только путем изучения индивидуальных различий» [19, с. 24]. Таким образом, личность включает в себе все то, что определяет уникальность человека. Так, говоря о развитии личности, можно предположить, что степень дифференцированности индивида будет расти.

- «Поведение индивидуума, доступное непосредственному наблюдению, по крайней мере, частично, рассматривается как организованное или интегрированное личностью. Другими словами, личность — абстракция, основанная на выводах, полученных в результате наблюдения за поведением человека» [19, с. 24]. От себя добавим, что личность в соответствии с этой особенностью является источником субъектного поведения человека. Личностное поведение, или проявление себя как личности, становится, таким образом, антонимом ведомости и зависимости, подчиненности.

- «Подчеркивается важность рассмотрения личности в соотношении с жизненной историей индивидуума или перспективами развития. Личность характеризуется в эволюционном процессе в качестве субъекта влияния внутренних и внешних факторов, включая генетическую и биологическую предрасположенность, социальный опыт и меняющиеся обстоятельства окружающей среды» [19, с. 24]. Иными словами, личность динамична и способна претерпевать изменения, источником некоторых из которых является она сама, а некоторых — внеш-

ние факторы. Личность изменчива, способна менять саму себя и подвержена влиянию извне. В различных подходах изменчивость личности связывается с ее становлением (Э. Эриксон [22]), А. Бандура [1], З. Фрейд [18] и др.).

- «В большинстве подходов личность представлена теми характеристиками, которые «отвечают» за устойчивые формы поведения. Личность как таковая относительно неизменна и постоянна во времени и меняющихся ситуациях; она обеспечивает чувство непрерывности во времени и окружающей обстановке» [19, с. 24]. Для нас это означает, что, взглянув на одного человека однажды, мы можем разглядеть в нем личность, которую или близкую которой мы сможем разглядеть и некоторое время спустя. Личность более или менее статична и постоянна.

Все приведенные характеристики подразумевают и еще одну неназываемую и принимаемую как самоочевидную характеристику: личность является достоянием индивида. То есть личность как психическое образование локализуется в пределах одного человека. Этот тезис отметим пока как аксиому, из которой исходит большинство персонологических теорий.

Так мы получаем две смыслообразующие и две описательные характеристики личности. Смыслообразующие: а) личность является источником субъектности и б) личность определяет уникальность человека. Описательные: в) личность изменчива и г) личность устойчива и статична.

В смыслообразующих характеристиках личности заключается ее ценность, из которой вытекает обоснование работы с личностью. Так мы отвечаем на вопрос скептиков о том, зачем изучать и

исследовать личность, зачем ее развивать. Личность человека непосредственно связана с его интенциональностью и уникальностью, а значит, с проявлением его как такового, с возможностью дать ему быть. Бытие личностно. Если человек не отделяется от других и не обладает интенциональностью, нет возможности утверждать его существование. Личность самоценна. Исследование личности в психологической концепции необходимо. Целью психологической помощи должно быть развитие личности.

В современной отечественной психотехнической традиции [7], берущей начало от культурно-исторического подхода Л.С. Выготского и развивающейся в концепции понимающей психотерапии Ф.Е. Василюка, в работах О.В. Шведовского [20], А.А. Пузыря [15] и других, до сих пор отсутствует однозначное понимание такой категории, как личность. Мы обратимся к системе понимающей психотерапии как актуальной отечественной психотехнической системы. Центральными понятиями понимающей психотерапии являются переживание, деятельность, жизненный мир, критическая ситуация.

Переживание

Переживание есть деятельность по порождению смысла, так переживание есть форма субъектного проявления личности. Любая деятельность может протекать продуктивно, а может замирать и останавливаться, тогда возникает критическая ситуация. Согласно концепции понимающей психотерапии, деятельность человека иногда сталкивается с критическими ситуациями — ситуациями невозможности осуществления деятельности [2]. Переживание критической ситуации как деятельность по поиску нового смысла является способом разрешения (выхода из) критической ситуации. Переживание как деятельность может останавливаться (замирать), когда субъект не имеет в своем арсенале достаточных культурных средств. Если выход из ситуации невозможности деятельности (недостижимости цели деятельности — результата) лежит в переживании, то выход из ситуации невозможности переживания (недоступности порождения нового смысла) стоит искать в совместной деятельности. Другой в совместной деятельности позволяет отыскать неизвестный первому или обоим культурный способ переживать.

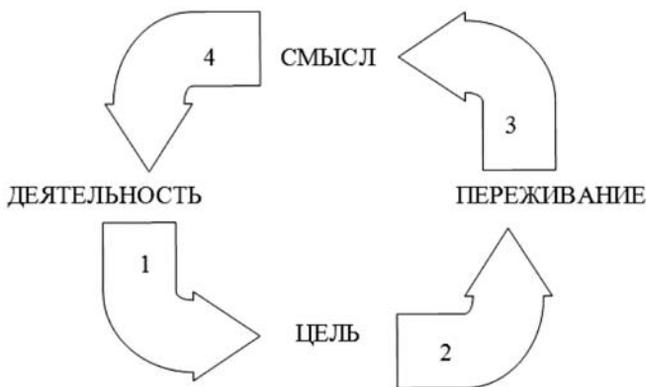

Рис. Деятельность — переживание

На рисунке «Деятельность — переживание» цифрами отмечено 4 этапа.

1. Осуществляется деятельность, направленная на достижение цели деятельности. В случае, если субъект обладает достаточными средствами, деятельность реализуется успешно. Отметим, что деятельность личности (личностная деятельность человека) всегда связана с социумом, а значит, с культурой. Следовательно, средства должны быть культурными.

2. Если цель деятельности оказывается недостижима (культурных средств личности не хватает для успешного протекания деятельности), возникает ситуация невозможности. Субъект оказывается в критической ситуации, которая угрожает его существованию как субъекта данной деятельности.

3. Переживание как особый род деятельности направлено на формирование нового смысла деятельности — это шанс личности сохранить свою бытийность.

4. В случае невозможности успешного протекания переживания как деятельности, когда человек не обладает достаточными психическими средствами для самостоятельного разрешения ситуации невозможности, ему остается либо прекратить существование и жизнедеятельность как субъекта данной деятельности, либо обратиться к внешним ресурсам в поисках новых средств деятельности. Поскольку мы говорим о функционировании личности, в помощь ей нужна Другая Личность. Для расширения возможностей личности необходимы новые культурные средства переживания либо другой деятельности. Так или иначе, личность вынуждена меняться — либо продолжая жить в новом измененном качестве, либо не жить.

В свете сформулированного выше понимания личности, деятельность вместе с остановкой теряет личностность — без деятельности ни интенциональности, ни уникальности быть не может. Значит, возникновение критической ситуации непосредственно связано с утратой личностности. Поскольку смысл личности заключается в интенциональности и уникальности, все, что не личностно не может быть отлечено от Другого и не движется, а значит, мертво. Следовательно, для поддержания жизни важно работать над обретением и развитием личностности.

Генезис личности

Рассмотрим процедуру возникновения и развития личности у человека в свете концепции интериоризации культурно-исторического подхода Л.С. Выготского [5] и понимающей психотерапии как ее развития.

Исследователи развития индивида в онтогенезе [5; 14; 21; 22 и др.] сходятся во мнении, что для развития необходима активная деятельность индивида, затруднение, с которым он сталкивается в процессе деятельности, и Другой (чаще всего взрослый), который становится условием для развития. Взрослый в таком случае является носителем того культурного средства (согласно КИП Л.С. Выготского), которое в качестве новообразования является результатом и единицей развития ребенка. Вспомним, как, с точки зрения культурно-исторического подхода, происходит интериоризация новой психической функции.

1. Ребенок осуществляет некоторую деятельность, как правило, игровую.

В игре использует арсенал действий (если глубже — психических функций), которым обладает, улучшая действия через многократные повторения.

2. К ребенку присоединяется взрослый, который вносит некоторое изменение в игру. Вместе они находят новую психическую функцию, которой ребенок не владеет, но которую может применить вместе с взрослым (например, опосредованное запоминание). Такое действие находится в зоне ближайшего развития ребенка.

3. После совместного с взрослым повторения действия ребенок начинает использовать новую психическую функцию (осуществлять новое действие) в качестве внешней, проговаривая или используя карточки, рисунки и прочее. Его возможности увеличиваются.

4. Через некоторое число повторений внешнее действие переходит во внутренний план и новая психическая функция оказывается усвоенной, или интериоризированной.

П.Я. Гальперин [6] направил концепцию интериоризации в педагогическое русло, сформулировав теорию поэтапного формирования умственных действий. Фактически, это шаги, через которые проходит интериоризация внешней предметной деятельности во внутренний психический план. Сформулировано 6 подобных шагов.

1. Ознакомление обучающегося с целью обучения и формирование у него мотивации на обучение. Цель данного этапа — целенаправленный субъект.

2. Составление для обучающегося схемы ориентировочной основы действия.

3. Выполнение предметного действия. Различают действия в материальном виде (с предметами материального

мира) и в материализованном виде (схемами, таблицами или моделями).

4. Формирование внешнеречевого действия, когда предметное действие заменяется проговариванием вслух.

5. Формирование внутреречевого действия, когда проговаривание сохраняется, но происходит во внутренней речи. Действие автоматизируется.

6. Выполнение действия в умственном плане.

Этапы формирования умственных действий описывают процесс интериоризации, который таким образом может пониматься и как воспитание, и как обучение в широком смысле этих терминов — как овладение культурными нормами обращения с предметным миром. Логично, что результатом «развития» через накопление умственных действий мы получаем увеличение количества действий, переведенных из предметного плана в умственный. Человек начинает обладать большим числом действий в своем умственном арсенале — вот суть обучения и воспитания по П.Я. Гальперину. Данную теорию нельзя назвать направленной на развитие личности, так как индивид расширяет набор средств успешного поведения, но не интенциональность и не индивидуальность. Теория П.Я. Гальперина развивает скорее интеллект.

Кроме того, П.Я. Гальперин в описании этапов интериоризации предметной деятельности в психологический план исключил из рассмотрения влияние Другого (педагога) на воспитательный и обучающий процесс. Конечно, мы имеем описание действий педагога в контакте с обучающимся, что далеко отстоит от психотехнических ценностей единства психотехника и клиента в одном смысловом поле.

Многие «культурно-исторические» психологи и за рубежом решали задачу применения концепции интериоризации на практике. То есть ведутся работы по исследованию процесса развития ребенка в контакте с взрослым. М. Бредикайт, исследователь, работающий в рамках культурно-исторического подхода, описывая процесс развития детей через игру, приводит этапы «интервенции» взрослого в игровой процесс (источник: презентация выступления на конференции ISCAR 2014 [23]):

- 1) наблюдение и попытки присоединиться к активности ребенка;
- 2) вхождение в игру ребенка, при этом расширение первоначальной его идеи;
- 3) вовлечение в совместную деятельность;
- 4) обогащающая совместность и получение опыта.

Там же описана стратегия совместного взаимодействия (joint interaction):

1. фокусировка взрослого на развитии совместной игровой активности;
2. следование детским интенциям;
3. становление участником, со-игроком, пребывание внутри игровой активности;
4. принятие роли помощника, осуществление поддерживающего примера для подражания;
5. конструирование игровой активности в постоянном диалоге;
6. оставление пространства для саморазвития ребенка.

Разберем теперь механизм развития с точки зрения динамики личностных изменений и для более широкого круга ситуаций и культурных средств.

• Начнем с человека, находящегося на минимальном уровне развития лич-

ности. В утробе матери еще не родившийся ребенок находится в мифологически идеальном инфантильном мире (в соответствии с типологией жизненных миров Ф.Е. Василюка [3]), когда каждая его потребность удовлетворяется, не успев возникнуть. Жизненный мир каждого из людей порой можно называть инфантильным, когда, выражаясь словами героя кинофильма «Кавказская пленница», его желания соответствуют его возможностям. То есть внутренний мир прост (потребность определена) и внешний мир легок (есть средства для реализации потребности). В таком состоянии человек не нуждается в развитии. Личность ребенка еще не начала развиваться.

• Ребенок вскоре после рождения сталкивается с преградой, которая препятствует непосредственному и мгновенному удовлетворению его потребности — возникает ситуация невозможности. В концепции жизненных миров Ф.Е. Василюка описано четыре типа критических ситуаций: стресс, фрустрация, конфликт и кризис [2]. Стресс связан с невозможностью непосредственного удовлетворения потребности, фрустрация — с преградой, из-за которой цель не может быть достигнута, конфликт характеризует сложность выбора между внутренними противоречивыми тенденциями, а кризис — крушение всего жизненного проекта. Жизненные отношения человека, переживающего критическую ситуацию, находятся в состоянии неразрешимого противоречия, из-за чего дальнейшая деятельность невозможна. С точки зрения интенциональности, существование личности оказывается под угрозой. В нашем примере маленький субъект (ребенок) переживает стресс.

В этот момент он в буквальном смысле встает перед вопросом своего существования, поскольку от того, придет к нему на помощь носитель средства спасения (удовлетворения потребности) или не придет, зависит его дальнейшее бытие. В этот момент необходим инструмент, который может остаться внешним по отношению к ребенку, а может стать внутренним, тогда субъект сможет применять его самостоятельно. Когда субъект впервые оказывается способен применить новое культурное средство самостоятельно с опорой на образ Другого, тогда мы и можем впервые констатировать проявление личности.

• К ребенку, который переживает стресс, присоединяется взрослый, который способен обеспечить ребенку удовлетворение его потребности, а значит, преодолеть критическую ситуацию. Отметим, что в жизни взрослого человека возникают критические ситуации, культурного средства решения которых не знает не только он, но и доступные ему Другие. Позже мы расскажем, что в такой ситуации Другой становится соратником по изобретению нового для обоих культурного средства. Для ребенка же Другой субъект является средством сохранения себя и своего бытия. При благоприятном стечении обстоятельств вдвоем они успешно осуществляют совместную деятельность, нацеленную на один объект. Взаимно регулируя свои действия в коммуникации и нацеливаясь на один объект деятельности, они становятся *совокупным субъектом* [9]. Так тот, кто оказался в критической ситуации, расширяет свои возможности. Совместная деятельность — достояние совокупного субъекта и является переходным (внешним) этапом проявления

новой психической функции. Усвоенный контакт, лежавший в основе совместной деятельности, оказывается в основе индивидуальной деятельности, присоединяясь к личности человека. Образуется *совокупная личность*. Для продуктивного развития важно, чтобы культурное средство преодоления критической ситуации было экстерииоризировано Другим, средство должно быть отделено от взрослого в глазах ребенка. Иными словами, взрослый из средства преодоления критической ситуации должен стать носителем средства, которое он сможет передать развивающейся личности. Ребенок, в свою очередь, интериоризирует культурное средство, делая его достоянием своей личности, расширяя собственную личность, повышая собственную личностность. В противном случае в распоряжении ребенка окажется взрослый, решающий его проблемы — ситуация, консервирующая развитие.

• Если взрослому (носителю культурного средства) удалось экстерииоризировать средство и наладить совместную деятельность с ребенком (сформировать совокупный субъект), то оказываются созданными все условия для интериоризации ребенком культурного средства. Но что он интериоризирует? Воспользуемся определением культуры Н.Н. Вересова: «Культура ... как система исторически сложившихся обобщенных способов деятельности, объективированных во внешней предметной среде, то есть как система предметных значений — внешних, объективных, надличностных реальностей. ... Это система реализованных и реализующихся объективных ценностей и смыслов» [4, с. 127]. Следовательно, субъект интериоризирует элемент культуры как системы —

культурный способ деятельности и связанные с этим ценности и смыслы. Обновленная (расширенная) система ценностей, смыслов и способов действовать (культура) человека теперь лежит в основе его субъектности и определяет его деятельность, а значит, новые элементы культуры являются частью его новой личности. Личностность может быть понята как та часть культуры, которая стала достоянием этого конкретного человека, личность — это индивидуальный «кусочек» культуры. В соответствии с культурно-исторической концепцией культурное средство может считаться усвоенным, а развитие личности (повышение личностности за счет новой совокупной личности — интериоризированного совокупного субъекта) свершившимся, когда субъект оказывается способным применять новое культурное средство в отсутствие Другого.

Взрослый человек обладает большим набором усвоенных социальных контактов (интериоризированных через Другого культурных средств, элементов культуры), к которым с большей или меньшей степенью осознанности обращается в своей внутренней речи, беседе, вопрошании, молитве. Повышение степени личностности человека связано с увеличением количества усвоенных культурных психических средств, т. е. с увеличением количества образованных совокупных личностей.

В.А. Петровский [13] является автором концепции *персонализации*. Как кажется, противоречащий описанной логике механизм развития личности, заключающийся в обратном процессе — экстериоризации субъектности индивида, распространении его личности на других. С точки зрения персонализации, развитие

личности заключается в расширении влияния на поведение другого через то трансформирующее воздействие, которое личность когда-то на него оказала. Иными словами, личность проявляет себя как личность, когда идеально представлена в тех, с кем имеет дело. Так личность развивается не тогда, когда интериоризирует новые внешние контакты и связанные с ними культурные средства, а когда Другой интериоризирует культурные средства, связанные с индивидуальностью развивающейся личности, которые являются частью этой личности. Такой подход трудно применим к психологической практике, поскольку не подразумевает личностных изменений в клиенте психологической помощи. Одновременно с этим концепция персонализации помогает нам увеличивать дистанцию от привычных догм: все говорят, что личность — в индивиде, персонализация подразумевает локализацию личности индивида в Других.

Значимый другой

А.В. Петровский [12] сформулировал, разрабатывая закономерности развития социальных групп, трехфакторную модель «значимого Другого». Работая в русле социальной психологии и педагогики, А.В. Петровский исходил из того, что успех педагогического взаимодействия (формирование отраженной субъектности) возможен только в случае, если и ребенок, и взрослый (имеются в виду метафорические «ребенок» и «взрослый», так как автор распространил концепцию и на сообщества взрослых) взаимно значимы друг для друга. «Это представляется само собой разуме-

ющимся, когда речь идет о значимости педагогов или родителей для детей. Однако это в равной мере относится вообще к позиции взрослых по отношению к детям. Безразличие к ребенку, слепота к его индивидуальным особенностям и запросам, игнорирование его внутреннего мира, оценки, которую он дает воспитателям, его позиции по отношению к ним искажают и парализуют результат воздействий, которые кажутся старшим «педагогическими» [12, с. 7]. «Значимость Другого» А.В. Петровский предложил измерять по трем параметрам: аттракция, референтность и власть. Каждый из факторов имеет три возможных значения: положительное, отрицательное и нейтральное. Параметры измерялись для всех членов одной группы с помощью инструментов соответственно: социометрия, референтометрия (авторская методика) и фиксирование формального положения во властной иерархии. Рассматривая возможные стратегии семейного воспитания (диктат, опека, невмешательство и сотрудничество), А.В. Петровский логически формулирует характеристики значимости ребенка для взрослого и взрослого для ребенка при описанных стратегиях. Модель оказывается способной дифференцировать различные качества отношения одного субъекта к другому в социальных отношениях.

На следующем шаге развития данной модели (в психотехническом направлении) стоило бы рассмотреть парные сочетания и взаимную зависимость характеристик двух значимых Других в одном контакте. Кроме того, важен вопрос изменчивости параметров значимости в зависимости от ситуации и особенностей контакта (А.В. Петровский говорил о па-

раметрах аттракции, референтности и власти как о более или менее статичных параметрах, изменяющихся лишь в процессе взросления). Нам трехфакторная модель полезна для дифференцированного понимания категории «значимого Другого». Обратив свое внимание на границу понятия и задавшись вопросом, в какой момент Другой переходит из состояния незначимости в значимость, мы находим ответ в трехфакторной модели: тогда, когда Другой начинает вызывать у человека симпатию и/или получает в глазах человека какую-то власть над ним — власть авторитета и/или формальные полномочия. С этого момента человек как «значимый другой» способен вступить в контакт особого качества.

Диалогичность личности

Личность определяется всеми исследователями-персонологами в диалогическом контексте. Далеко не все персонологи однозначно формулируют определение личности, концентрируя в определении ключевые аспекты изучаемого понятия. Скажем, такой крупный исследователь личности и мотивации, как А. Маслоу [10], не дает однозначного определения личности. Можно предположить при этом, что он не столько избегает конкретной однозначной формулировки, сколько не находит в этом насущной необходимости. С другой стороны, есть ряд исследователей, говоривших о личности конкретнее. Например, К. Роджерс [16] определил личность как организацию, долговременную субъективно воспринимаемую сущность, составляющую сердцевину переживания. При этом личность включает в себя как представ-

ления индивида о себе и его переживания на этот счет, так и представления и переживания о других и о мире в целом. Г. Олпорт [11] писал, что личность — это внутренняя детерминация характера взаимодействия человека с миром. Э. Эриксон [22] понимал личность как функцию результатов кризисов. Отметим, что в концепции Э. Эриксона развитие личности ассоциируется с расширением осознаваемого социального кругозора и радиуса социального взаимодействия. А. Бандура [1] под личностью понимал сложный паттерн непрерывного взаимовлияния индивидуума, поведения и ситуации. Мы видим, что авторы отразили в этих емких формулировках существенную часть своих принципов относительно природы человека. Заметим для будущих выводов, что каждый из авторов закладывает в характеристику личности контекст диалога индивида (личности) с другими и/или с миром. Продемонстрируем диалогичность и других подходов к личности.

Основной идеей формирования и становления личности в психоаналитических подходах стала идея интеграции различных факторов с течением времени. Для формирования личности существенную роль играют взрослые, находящиеся рядом (как правило, родители), и отношения с ними. Так, личность взрослого человека будет являться результатом факторов достаточно сильных, чтобы из социальных отношений интегрироваться в руководящую внутреннюю структуру.

Авторы, предпочитающие описывать личность через теории черт (Г. Олпорт [11], Р. Кеттелл [19]), говорят о личности как о наборе ключевых характеристик (черт), которые определяют поведение

человека. Каждый индивид обладает уникальным набором черт, которые характеризуют его общественное взаимодействие. То есть личность описывает человека как ведущего себя в обществе определенным образом.

В бихевиоризме (Б. Скиннер [17]) личность как набор усвоенных через положительное подкрепление моделей поведения является результатом взаимодействия человека с миром. Развитие личности можно представить как историю успешных и неуспешных действий, которые дали положительный или отрицательный отклик, и, как следствие, были или не были закреплены. Без диалога с обстоятельствами (в данном случае не имеет существенного значения, с другим человеком или с миром, поскольку субъектность как возможность давать положительное или отрицательное подкрепление присуща и тем и другим) и возникновение, и развитие личности невозможно.

Никакой разговор о теориях личности не может обойтись без внимания к отечественной психологической традиции. И мы находим важнейший тезис о природе личности у А.Н. Леонтьева: «Личность ... есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта» [8, с. 178]. И затем исследователь отмечает, что отличие личности от индивида «определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности» [там же]. Такое понимание делает личность в отрыве от общества совершенно невыносимой. Кроме того, невозможно вообразить личность, которая не осуществляет общественной деятельности. Только в деятельности личность су-

ществует и проявляется. Только в общественной деятельности она проходит становление, а значит, и развивается, и зарождается.

Не претендуя на полный обзор всех теорий личности и ограничившись в силу жанра данной работы поверхностным их упоминанием, обобщим приведенные концепции личности. Мы можем заметить, что личность всегда возникает в диалоге и характеризуется диалогом индивида-обладателя личности и чего-то внешнего по отношению к нему — другого индивида, группы индивидов или предметного мира. Ограничение, присущее всем подходам, — это безосновательная локализация личности как достояния одного человека, в то время как без активно и уникально (лично) действующего внешнего субъекта личность не существует.

Для существования личности необходим Другой. Личность в прямом смысле слова не является достоянием одного человека и не заключается только в нем, она возникает на стыке действий одного и другого человека, затем развивается в тех «местах» (временных и пространственных, в точках хронотопа), где личности, проявляя себя, пересекаются. Если мы допустим, что ряд социальных отношений интериоризирован и является личностью индивида, то следствием из этого будет его стабильно высокий уровень личностного развития, что означает действия и решения определенной степени личностности (с учетом набора интериоризированных отношений).

Личность в соответствии с выделенными нами характеристиками проявляется в действии, без действия нет возможности для интенциональности и уникальности. Так, один человек может

совершать более личностное действие, включающее большее число Других, актуализируя интериоризированные им социальные отношения, или меньшее.

Шаг развития

Так, субъект, действующий вместе с одним человеком, может быть развит в контексте данной деятельности, включая в своих «соратников» новых Других. Отметим, что мало просто действовать в соответствии с их интересами и ценностями, совместная деятельность не может быть односторонней, необходима взаимность. Иными словами, для того, чтобы личность смогла развиваться на одного Другого, необходимо, как минимум, постулирование этим Другим своих ценностей, на которые субъект сможет настроиться.

В соответствии с историческим подходом к развитию единицей развития живой системы (в том числе и личности) является одно возникшее и разрешенное противоречие, которое в деятельности личности выражается в возникновении критической ситуации. Так, с каждой продуктивно прожитой критической ситуацией личность потенциально развивается на еще одно культурное средство — через контакт с Другим. Причем через такой контакт, который сначала образует совокупный субъект, т. е. совместную действующую общность. Особо отметим, что развитие личности является потенциальным — она как бы получает возможность реализовывать более личностную деятельность, в которой проявится актуальный (здесь и теперь) уровень развития личности. Обратим внимание на то, каким образом было усвоено культурное средство.

1. Субъект для преодоления обстоятельств, характеризующихся критической ситуацией, образовал с другим субъектом совокупный субъект.

2. Затем в результате интериоризации новой единицы культуры была образована совокупная личность, которая на один пункт повысила степень личности каждого из индивидов, чьим достоянием эта совокупная личность стала. Впредь, применяя интериоризированное культурное средство, субъект (личность) будет действовать как бы вместе с тем, кто был «значимым Другим», проводником в его освоении.

Наш опыт подсказывает нам, что для того, чтобы образовать такую общность, как совокупный субъект, зачастую бывает необходимо преодолеть ряд противоречий между уже накопленными средствами, ценностями и смыслами (личностью одного человека) и теми, которые предлагаются Другим (личностью Другого). Решение противоречия лежит либо в отказе от решения с этим Другим (в таком случае нужен другой Другой), либо в непротиворечивом диалектическом сочетании двух разнонаправленных тенденций, для чего может потребоваться изрядный творческий подход. По-видимому, на сохранение взаимодействия оказывают влияние две противоположно направленные силы. *Прочность контакта* работает на сохранение целостности совокупного субъекта. Различия в содержании обеспечивают прирост содержания, необходимый для преодоления критической ситуации. Используя метафору векторов, представим себе мнение первого субъекта как одно направление, а мнение Другого — как второе направление. Тогда угол отклонения между одним векто-

ром и другим — *угол отклонения смысла* должен быть оптимальным для сохранения контакта и для прироста содержания одновременно. Иными словами, Другой должен обладать достаточно новой точкой зрения, чтобы быть полезным и быть достаточно похожим на него, чтобы ему доверяли.

С каждой возникшей критической ситуацией, когда субъект оказывается неспособен реализовать деятельность самостоятельно, т. е. имеющиеся у него средства и ценности не дают ему решения возникшей задачи, он вынужден обращаться к Другому. Наиболее предпочтительным вариантом помощи является такая, которая в следующий раз не понадобится. Иными словами, субъект, нуждавшийся в помощи, в результате успешного акта развития становится способен осуществлять деятельность без того, кто помогал, т. е. интериоризирует (усваивает) средство решения.

Так, совокупный субъект является условием и переходным этапом в развитии личности. Точнее, совокупный субъект, являясь кооперацией между двумя индивидами в предметной деятельности, переходит в качественно иной способ кооперации в мыслительных действиях — совокупную личность, переходит во внутренний план.

Образование совокупной личности требует предъявления обоими субъектами своего вектора активности, своей системы ценностей, своей цели (тенденции), своего образа желаемого результата — прогнозирования. Иными словами, предъявления собственной личности, которое приведет к подлинной встрече двух людей. Важно не только предъявить себя, но и выяснить для себя полную позицию собеседника, чтобы под-

черкнуть общность и выявить продуктивный угол отклонения смысла.

Однако одной встречи недостаточно. Совокупный субъект подразумевает совместную деятельность. Необходимость интегрировать культурное средство подразумевает необходимость отделить его от обладателя (экстериоризировать). А если ни

один из участников совокупного субъекта не обладает искомым средством, зафиксировать его возникновение в диалогическом контакте. То есть после личностной встречи развивающему субъекту необходимо еще три этапа: совместное действие, рефлексия (обдумывание) и самостоятельное действие без участия Другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб: Евразия, 2000. 320 с.
2. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
4. Вересов Н.Н. Культура и творчество как психологические идеи // Вопросы психологии. 1992. № 1. С. 124–128.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2008. 668 с.
6. Гальперин П.Я. О формировании умственных действий и понятий // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С.111–114.
7. Желябин А.В. Категория развития в современном психотехническом контексте [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 4. С. 219–231. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Zhelyabin.phtml> (дата обращения: 24.01.2015).
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
9. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 445 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2014. 400 с.
11. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 464 с.
12. Петровский А.В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 7–18.
13. Петровский В.А. Петровский Артур Владимирович // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 112–118.
14. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка: пер. с франц. и англ. / Сост., комм., ред. перевода В.А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 528 с.
15. Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. 488 с.
16. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 464 с.
17. Скиннер Б. Оперантное научение // История зарубежной психологии: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 60–95.
18. Фрейд З. Толкование сновидений / Под общ. ред. Е.С. Калмыковой, М.Б. Аграчевой, А.М. Боковой. М.: СТД, 2005. 680 с.

19. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер, 2003. 608 с.
20. Шведовский О.В. Микродинамика личностных изменений в процессе понимающей психотерапии [Электронный ресурс] // Наука/Педагогика. URL: <http://nauka-pedagogika.com/viewer/43164/d> (дата обращения: 21.05.2014).
21. Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1999. 360 с.
22. Эриксон Э. Детство и общество / Пер. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.
23. Bredikyte M. Study of Developmental Acts in Practice. [Электронный ресурс] // ISCAR Summer University. 2010. URL: http://iscarschool.ru/wp-content/uploads/2014/07/bredikyte_su2014-2.pptx.pdf (дата обращения: 24.10.2014).

The Problem of Dialogical Personality in the Context of Modern Psychotechnology

A. V. ZHELYABIN*,
Moscow, Russia,
zhelyabinav@gmail.com

The paper focuses on variations in understanding of personality in psychology and on the absence of the very category of personality in the modern Russian psychological practice. It aims to clarify the category of personality in the context of modern psychotechnical approach taking into account the key criteria of psychotechnicity, for instance, dialogicality. An assumption about the general pattern of overcoming all critical situations, including those of impossibility of emotional experience, is reviewed. The paper also outlines the key characteristics of personality and stresses the importance of working with personality — and, therefore, the need to acquire proper representations about this category. It explores the issue of the genesis of personality in cultural-historical psychology and associated fields and defines the general mechanism of development through interiorization. With several basic concepts of personality as examples, the paper concludes that personality can hardly be thought of as something that exists within an isolated individual. Thus it introduces the notions of 'cumulative subject', 'step of personality development' and 'angle of meaning deflection'.

Keywords: *personality, dialogicality, cumulative subject, psychotechnology, personality development, step of personality development, angle of meaning deflection, critical situation, emotional experience, activity.*

REFERENCES

1. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya [Social Learning Theory]. Saint Petersburg: Evraziya, 2000. 320 p.
2. Vasilyuk F.E. Zhiznennyi mir i krizis: tipologicheskii analiz kriticheskikh situatsii [Lifeworld And the Crisis: a Typological Analysis of Critical Situations]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 1995, vol. 16, no 3, pp. 90–101.
3. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii [Psychology of experiencing. Analysis of Overcoming the Critical Situation]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1984. 200 p.
4. Veresov N.N. Kul'tura i tvorchestvo kak psikhologicheskie idei [Culture And Creativity as Psychological Ideas]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1992, no. 1, pp. 124–128.
5. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. Moscow: AST Moskva: Khranitel', 2008. 668 p.

For citation:

Zhelyabin A.V. The Problem of Dialogical Personality in the Context of Modern Psychotechnology. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 134–149. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060310.

* Zhelyabin Anton — PhD student at the Chair of Individual and Group Counseling, Department of Clinical and Counseling Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; business coach and freelance consultant, Moscow, Russia, zhelyabinav@gmail.com

6. Gal'perin P.Y. O formirovanii umstvennykh deistvii i ponyatii [About Formation of Mental Actions and Concepts]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2010, no. 3, pp. 111–114.
7. Zhelyabin A.V. Kategoriya razvitiya v sovremennom psikhotehnicheskom kontekste [Elektronnyi resurs] [Category of Development in the Context of Modern Psychotechnic]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2014, vol. 6, no. 4, pp. 219–231. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Zhelyabin.phtml> (Accessed 24.01.2015).
8. Leontiev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p.
9. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow: Nauka, 1984. 445 p.
10. Maslow A. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and Personality]. Saint Petersburg: Piter, 2014. 400 p.
11. Allport G. Stanovlenie lichnosti: Izbrannyye trudy [Formation of Personality: Selected Works]. Leontiev D.A., ed. Moscow: Smysl, 2002. 464 p.
12. Petrovskii A.V. Trekhfaktornaya model' znachimogo drugogo [Three-Factor Model of the Significant Other]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1991, no. 1, pp. 7–18.
13. Petrovskii V.A. Petrovskii Artur Vladimirovich [Petrovsky AV]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2008, no. 2, pp. 112–118.
14. Piaget J. Rech' i myshlenie rebenka [The Language and Thought of the Child]. Lukova V.A., ed. Moscow: Pedagogika-Press, 1994. 528 p.
15. Puzyrei A.A. Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika [Psychology. Psychotechnic. Psychagogik]. Moscow: Smysl, 2005. 488 p.
16. Rogers C. Konsul'tirovanie i psikhoterapiya. Noveishie podkhody v oblasti prakticheskoi raboty [Counseling and Psychotherapy: Newer Concepts in Practice]. Moscow: EKSMO-press, 1999. 464 p.
17. Skinner B. Operantnoe nauchenie [Operant Learning]. Istoriya zarubezhnoi psikhologii. Teksty [History of Foreign Psychology. Texts]. Gal'perin P.Y., Zhdan A.N., ed. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1986, pp. 60–95.
18. Freud S. Tolkovanie snovidenii [The Interpretation of Dreams]. Kalmykova E.S., Agracheva M.B., Bokovikova A.M., ed. Moscow: Firma STD, 2005. 680 p.
19. Hjelle L., Ziegler D. Teorii lichnosti. Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primeneniye [Personality Theories: Basic Assumptions, Research and Applications]. Saint Petersburg: Piter, 2003. 608 p.
20. Shvedovskii O.V. Mikrodinamika lichnostnykh izmenenii v protsesse ponimayushchei psikhoterapii [Microdynamic of Personal Changes in the Process of Understanding Psychotherapy] [Elektronnyi resurs]. Nauka Pedagogika. URL: <http://nauka-pedagogika.com/viewer/43164/d> (Accessed 21.05.2014).
21. Elkonin D.B. Psikhologiya igry [Psychology of the Game]. Moscow: Gumanitarnyy izdatelskiy tsentr Vldos, 1999. 360 p.
22. Erikson E. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. Alekseev A.A., ed. Saint Petersburg: Letnii sad, 2000. 416 p.
23. Bredikyte M. Study of Developmental Acts in Practice. [Elektronnyi resurs]. ISCAR Summer University. 2010. Available at: http://iscarschool.ru/wp-content/uploads/2014/07/bredikyte_su2014-2.pptx.pdf (Accessed 24.10.2014).

Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики

В.А. ИЛЬИН*,
Москва, Россия,
va0405@mail.ru

С.В. БОНКАЛО**,
Москва, Россия,
BonKaLoSerG@yandex.ru

В статье рассматривается проблема бродяжничества как социально-психологического феномена, обусловленного личностными девиациями. Конкретизирован понятийный аппарат применительно к широко употребляемой в практикоориентированных исследованиях терминологической связке «бродяжничество — беспризорность (безнадзорность)». Показано, что бродяжничество представляет собой социально-психологический феномен, отражающий дисфункциональное разрешение базисных конфликтов психосоциального развития на ранних стадиях эпигенетического цикла. Обозначены ключевые задачи психолога-практика, направленные на профилактику бродяжничества.

Ключевые слова: бродяжничество, психосоциальное развитие, временная спутанность, патологическое самоосознание, ролевая фиксация.

Актуальность проблемы бродяжничества как социального явления, в настоящее время представляется, на первый взгляд, отнюдь не очевидной. В самом деле, в отличие от «лихих 90-х», на привокзальных площадях, в метро и элект-

ричках не встречаются, во всяком случае, в массовом количестве, беспризорные дети и подростки. Более того, явно сократилось число и взрослых лиц «без определенного места жительства». (Заметим, что в рамках данной статьи мы

Для цитаты:

Ильин В.А., Бонкало С.В. Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 150–156. doi: 10.17759/sps.2015060311.

* *Ильин Валерий Александрович* — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, социальной медицины и реабилитационных технологий Российского государственного социального университета, Москва, Россия, va0405@mail.ru

** *Бонкало Сергей Васильевич* — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности Российского государственного социального университета, Москва, Россия, BonKaLoSerG@yandex.ru

совершенно осознанно акцентируем внимание на феномене бродяжничества применительно именно к несовершеннолетним — в конце концов, взрослые граждане не только имеют формально-юридическое право вести подобного рода «свободный» образ жизни, но и являются, по сути дела, «производной» от детских девиаций и деприваций в личностном и социально-психологическом аспектах).

Тем не менее, если абстрагироваться от «видовых» впечатлений условного интуриста и даже от вполне серьезных социально-экономических выкладок, свидетельствующих о реальном и существенном сокращении потенциальной базы бродяжничества как социального явления, остаются вопросы, связанные с социально-психологической и индивидуально-личностной природой данного феномена. И здесь необходимо, прежде всего, что называется, договориться о терминах.

Прежде всего, заметим, что понятие «бродяжничество» достаточно часто, в частности, в работах А.В. Глаголевой, позиционируется как рядоположенное с понятиями «беспризорность», а также «безнадзорность» и, более того, по сути дела, в неразрывной связке с ними [2]. Такого рода подход совершенно оправдан, на наш взгляд, до тех пор, пока речь идет о собственно социальных, социально-экономических и социально-педагогических аспектах реальности, описываемой данными понятиями. Однако, если попытаться описать и проанализировать упомянутую реальность с позиций социальной психологии и психологии развития, то именно «бродяжничество» оказывается тем самым понятием (определение мы дадим чуть далее), которое отражает именно психологическую ее природу

и сущность. В таком ракурсе беспризорность и безнадзорность (что, строго говоря, в смысловом плане — одно и то же) можно рассматривать как социальные факторы, провоцирующие бродяжничество. Совершенно не случайно бродяжничество является актуальной проблемой и объектом, прежде всего, социально-психологических исследований во многих странах Западной Европы, а также в США, где в значительной степени отсутствуют, либо минимизированы социальные и экономические причины беспризорности (безнадзорности), актуальные для современной России.

С учетом сказанного, попытаемся раскрыть содержание понятия «бродяжничество».

Достаточно традиционно бродяжничество рассматривается как одна из форм крайней социальной дезадаптации и маргинальности индивида, выражающаяся в отсутствии постоянного места жительства, работы и стабильного дохода — в данном случае речь идет именно об очевидных социально-экономических параметрах определяющих крайнюю социальную проблемность индивида, прежде всего, с точки зрения сообщества, в котором он, таким образом, себя позиционирует и функционирует [3]. Заметим, что в субъективно-личностном восприятии такая социальная позиция далеко не всегда оказывается проблемной. Как показано в ряде работ, как отечественных, так и зарубежных, что существенно важно в данном контексте, исследователей (С.В. Бонкало, А.В. Глаголева, С. Мориц и др.), достаточно часто индивиды склонные к бродяжничеству наиболее комфортно чувствуют себя именно в такого рода экстремальных условиях.

Этот необъяснимый, с точки зрения обыденного сознания и, без всяких кавычек, здравого смысла парадокс, оказывается вполне понятен и, более того, закономерен, если рассматривать феномен бродяжничества в социально-психологическом и индивидуально-личностном контекстах.

Прежде всего, попытаемся определить феномен бродяжничества именно в данном ракурсе рассмотрения. На наш взгляд, это ничто иное, как социально-психологические проявления патохарактерологических и иных личностных расстройств, выражающиеся в периодически возникающей, часто компульсивной, потребности в резкой смене социального окружения, а также в неспособности к полноценной интеграции в группах членства и установлению партнерских отношений, поведенческой ригидности, отсутствии мотивации достижения, отчетливо выраженной предрасположенности к асоциальной активности.

В данном (безусловно не идеальном) определении собственно социально-психологические и индивидуально-личностные составляющие не просто взаимосвязаны, но настолько, в определенном смысле, интегрированы, что если бы мы ограничились этим, то только усложнили бы понимание сути дела.

В этой связи, далее, мы попытаемся не просто содержательно конкретизировать предложенное определение, но и раскрыть глубинную природу данного феномена.

Заметим, что еще в конце XIX в. бродяжничество стали рассматривать как психологическую, точнее сказать, психиатрическую проблему. Было даже введено понятие «пориомания» (от греческого «порос» — путь) — т.е. импульсивная

тяга к перемене мест или «инстинкт бродяжничества» [2].

Позднее психиатры и клинические психологи в качестве первопричины бродяжничества выделяли психопатии различного генеза. Эти гипотезы, хотя и подвергались критике, позднее получили подтверждение в многочисленных исследованиях, в частности, В.А. Жмурова, В.В. Ковалева, М.В. Коркиной и др. [3]. Причем в результате этих исследований список как психических, так и иных расстройств, рассматриваемых в качестве первопричин бродяжничества, был существенно расширен. К ним, в частности, были отнесены шизофрения, невротические расстройства, задержки развития, ранние стадии различных органических поражений и т.п.

При том, что бродяжничество безусловно может выступать как своеобразный симптомокомплекс перечисленных патологий, практика показывает, что в целом ряде случаев к нему склонны лица и, в первую очередь подростки, не имеющие психических и иных патологий.

Гораздо более универсальными причинами бродяжничества являются, на наш взгляд, совершенно определенные особенности психосоциального развития личности. И прежде всего, негативное разрешение базисных конфликтов первых четырех стадий эпигенетического цикла развития, описанного Э. Эриксоном. Попытаемся вкратце обрисовать специфику «вклада» дисфункционального развития на каждой из этих стадий в формирование синдрома бродяжничества.

Как показано в работах Э. Эриксона и его последователей, разрешение базисного конфликта первой стадии эпигенетического цикла в пользу недоверия влечет за собой временную спутанность или

утрату временной перспективы в зрелом возрасте. Это приводит к тому, что, как считает Э. Эриксон, в субъективном восприятии индивида «каждая отсрочка становится обманом, каждое ожидание — переживанием бессилия, каждая надежда — опасностью, каждый план — катастрофой, каждый возможный помощник — потенциальным изменником» [5, с. 191]. Достаточно очевидно, в рассматриваемом контексте, что подобного рода дисфункция, укорененная, заметим, в подсознании, блокирует возможности индивида к установлению не только реально партнерских, но и вообще сколь-нибудь длительных отношений в процессе социального взаимодействия. Одновременно она подталкивает к бегству от потенциальных «изменников» и «обманщиков» в поисках «надежных», «настоящих» людей. Понятно, что одной из наиболее очевидных, так сказать, «естественных» форм реализации в социально-психологическом, а также и, прежде всего, социальном планах такого рода подсознательных импульсов и обусловленных ими установок оказывается именно бродяжничество.

Негативное разрешение базисного конфликта второй стадии эпигенетического цикла влечет за собой, по мнению Э. Эриксона, формирование на интраперсональном уровне болезненного самоосознавания как антитезы свободной воли и уверенности в себе. Такое самоосознавание направлено, как считает Э. Эриксон, «на фиксацию противоречия между самооценкой, образом “я” автономной личности и образом “самого себя” в глазах окружающих» [5, с. 192].

Типичным проявлением болезненно-го самоосознавания как личностной патологии в социальной жизни является

неспособность устанавливать полноценные партнерские отношения, демонстративное поведение, привнесение в любое взаимодействие аффективного компонента. Еще одним типичным, собственно социально-психологическим, проявлением патологического самоосознавания индивида является гипертрофированная тяга к идентификации с группой. При этом, поскольку, в свете вышесказанного такой индивид оказывается, как правило, неспособным найти сколько-нибудь приемлемый баланс между самооценкой и восприятием себя другими членами группы, все сводится к принятию им внешней групповой атрибутики в сочетании с формальными групповыми нормами. Это означает, что проживание им даже первой стадии вхождения личности в группу, стадии адаптации, согласно известной схеме А.В. Петровского, происходит лишь частично. Совершенно закономерно наступает быстрое и, что существенно важно в рассматриваемом контексте, взаимное разочарование и отвержение. В результате индивид превращается в своего рода «социального Агасфера», бесконечно ищущего хоть сколько-нибудь комфортное для себя сообщество. Вряд ли требуется дополнительное разъяснение, каким образом такого рода личностно-социальная деформация связана с феноменом бродяжничества.

Негативное разрешение базисного кризиса третьей стадии эпигенетического цикла влечет за собой, согласно Э. Эриксону, тотальную ролевую фиксацию как альтернативу здоровому чувству цели и свободному ролевому экспериментированию. На уровне социального функционирования личности это выражается в установке на полный отказ от мотивации достижения, в тотальной

приверженности позиции маленького человека от которого ничего не зависит. Такие люди склонны к демонстративному, часто аффективному поведению, обычно направленному на обыгрывание темы несчастливой судьбы, дефицита внимания к ним со стороны окружающих и общества в целом. Еще одним классическим проявлением тотальной ролевой фиксации является крайняя, как интеллектуальная, так и поведенческая, ригидность. Данная психосоциальная дисфункция сама по себе не является ни глубинной причиной, ни даже «триггером» феномена бродяжничества, но создает идеальный, по сути дела, психологический «фон» для его формирования.

Негативное разрешение базисного кризиса четвертой стадии эпигенетического цикла выражается в неспособности индивида к какой-либо созидательной деятельности. Существенно важно в рассматриваемом контексте, что данная дисфункция, по мнению Э. Эриксона, является «логическим следствием глубокого чувства неадекватности собственных общих возможностей» [5, с. 194]. В социальном аспекте это приводит к очевидному ограничению потенциала и дееспособности индивида в получении реального образования даже на уровне средней школы, а, следовательно, в выборе профессиональной карьеры а, в конечном счете, называя вещи своими именами, возможностей социально одобряемых и, более того, социально приемлемых возможностей зарабатывания на жизнь. Закономерно, что, как показано в целом ряде работ Э. Эриксона и его последователей, компенсаторным механизмом именно данной психосоциальной дисфункции оказывается чаще всего

асоциальное, антисоциальное и откровенно криминальное поведение. Понятно, что бродяжничество, во-первых, аккумулирует, по сути дела, все возможные варианты копинг-стратегий подобного рода и, во-вторых, само по себе является копинг-стратегией в отношении данной психосоциальной дисфункции.

Подведем некоторые итоги.

Итак, прежде всего, бродяжничество является, по сути дела, отнюдь, не социальной, как это часто видится на уровне обыденного здравого смысла (которым зачастую руководствуются в данном отношении уполномоченные представители общества в лице государственных служащих), но, прежде всего, социально-психологической проблемой.

В свою очередь, глубинной причиной этой проблемы, применительно к конкретному индивиду, является негативное разрешение базисных конфликтов ранних стадий психосоциального развития. Это означает, что феномен бродяжничества, в том числе в самых экстремальных формах, может проявляться у детей и подростков из абсолютно благополучных по формальным социально-экономическим критериям семей.

Важно, что непосредственной диагностикой рисков и профилактикой такого рода психопатологического поведения реально эффективно может (и должен) заниматься только обученный профессионал.

В связи с этим прямой профессиональной обязанностью психологов-практиков, прежде всего работающих с детьми и подростками, является своевременное выявление группы риска относительно склонности к бродяжничеству и организация профилактических программ, включающих работу с родите-

лями, педагогами, школьной администрацией, а также мероприятия, направленные на предотвращение распространения бродяжничества в курируемом обществе через механизм социального заражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бонкало С.В.* Коррекция жизненной позиции делинквентных подростков в условиях специальных образовательных учреждений закрытого типа. М.: МГОСГИ, 2012. 224 с.
2. *Глаголева А.В.* Беспризорность: социально-психологические и педагогические аспекты. М.: МПСИ, 2004. 464 с.
3. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
4. *Пузыревич Н.Л.* Развитие подростков с рискованным поведением в семье // Социальная психология и общество. 2014. № 1. С.108–114.
5. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

The Phenomenon of Vagrancy from the Perspective of Psychosocial Theory of Development: Origins, Nature and Prevention Guidelines

V.A. ILYIN*,
Moscow, Russia,
va0405@mail.ru

S.V. BONKALO**,
Moscow, Russia,
BonKaLoSerG@yandex.ru

The paper addresses the issue of vagrancy as a social psychological phenomenon determined by personality deviations. It clarifies the conceptual relationship between the notions of 'vagrancy/homelessness' commonly used in practice-oriented research. As it is revealed, vagrancy as a social psychological phenomenon can be interpreted in terms of one's dysfunctional resolution of the basic conflicts of psychosocial development in the early stages of the epigenetic cycle. The paper also outlines the key tasks for practicing psychologists faced with the challenge of vagrancy prevention.

Keywords: *vagrancy, psychosocial development, time confusion, pathological self-awareness, role fixation.*

REFERENCES

- 1 *Bonkalo S.V.* Korrekciya zhiznennoi pozicii delinkventnyh podrostkov v usloviyah special'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenii zakrytogo tipa. [The correction of life attitudes of delinquent teenagers in special educational institutions of the closed type]. Moscow, MGOSGI, 2012, 224 p.
2. *Glagoleva A.V.* Besprizornost': social'no-psihologicheskie i pedagogicheskie aspekty [Homelessness amongst children: the sociopsychological and educational aspects]. Moscow, MPSI, 2004, 464 p.
3. *Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A.* Azbuka social'nogo psihologa-praktika [Handbook of applied social psychology]. Moscow, PER SE, 2007, 464 p.
4. *Puzyrevich N.L.* Razvitie podrostkov s riskovannym povedeniem v sem'e [Features of Development in Adolescents with Risky Behavior] // *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 108–114.
5. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow, Progress, 1996, 344 p.

For citation:

Ilyin V.A., Bonkalo S.V. The Phenomenon of Vagrancy from the Perspective of Psychosocial Theory of Development: Origins, Nature and Prevention Guidelines. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 150–156. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060311.

* *Ilyin Valery* – Doctor in Psychology, professor, Department of Psychology, Social Medicine and Rehabilitation Technologies, Russian State Social University, Moscow, Russia, va0405@mail.ru

** *Bonkalo Sergey* – PhD in Psychology, associate professor, Department of Work Psychology and Service, Russian State Social University, Moscow, Russia, BonKaLoSerG@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 100-ЛЕТИЮ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНО УНИВЕРСИТЕТА

Социальная психология в Южном федеральном университете (РГУ): этапы становления и научные направления

В.А. ЛАБУНСКАЯ*,
Ростов-на-Дону, Россия,
vlab@aaanet.ru

В 2015 г. отмечает свое 100-летие Южный федеральный университет — крупнейший научный и образовательный центр Юга России, история которого началась с переезда Императорского Варшавского университета в 1915 г. в г. Ростов-на-Дону. В статье рассматриваются различные факторы развития социальной психологии в ЮФУ (РГУ) в течение 45 лет, начиная с создания кафедры общей и социальной психологии (1971) и заканчивая образованием кафедры социальной психологии (1999), которая существует до настоящего времени. В статье особое внимание уделяется анализу общего контекста развития социальной психологии, представлены истоки формирования научного направления кафедры социальной психологии, приводятся сведения о включении определенных предметных областей социальной психологии в научно-исследовательскую деятельность сотрудников факультета психологии РГУ (ЮФУ). В заключение статьи подчеркивается, что характерной особенностью развития кафедры социальной психологии ЮФУ (РГУ) является то, что каждый сотрудник кафедры читает курсы и спецкурсы, которые отражают их научную и связанную с ней практическую деятельность, приводится перечень курсов и спецкурсов.

Ключевые слова: социальная психология, научное направление, социально-психологическая концепция.

Для цитаты:

Лабунская В.А. Социальная психология в Южном федеральном университете (РГУ): этапы становления и научные направления // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 157–166. doi: 10.17759/sps.2015060312.

* *Лабунская Вера Александровна* — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, vlab@aaanet.ru

Кафедра, в название которой входила социальная психология (кафедра общей и социальной психологии), была создана на отделении психологии философского факультета РГУ в 1971 г. В 1990 г. в результате структурных преобразований была сформирована кафедра социальной и промышленной психологии, а в 1991 г. организована кафедра социальной психологии и психологии личности, которая просуществовала до 1999 г. Начиная с сентября 1999 г. и по настоящее время, кафедра социальной психологии является самостоятельным структурным подразделением в составе факультета психологии РГУ (1999–2006), ЮФУ (2006–2014), Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (с июля 2014 г.). В различные периоды существования кафедр, в название которых входила социальная психология, ими руководили И.Г. Белявский (1971–1982), П.Н. Ермаков (1982–1990), А.С. Горбатенко (1990–1991), С.Т. Джанерьян (1996–1999), В.А. Лабунская (1991–1996; 1999 – по настоящее время). В соответствии с научными интересами руководителей и сотрудников выше перечисленных кафедр формировались направления исследований, выполненных в рамках социальной психологии.

Контекст развития социальной психологии в РГУ (ЮФУ)

Социальная психология, как предметное поле исследований в РГУ (ЮФУ), как специализация в рамках подготовки психологов, входила в пространство научных интересов, отражая общие тенденции становления социаль-

ной психологии в СССР в 1960-1980 гг. прошлого столетия. В это время формировались научные школы и направления исследований, открывались диссертационные советы по защитах кандидатских и докторских диссертаций в области социальной психологии. Центры социально-психологических исследований были в большей мере представлены в Ленинграде и Москве, что определяло подготовку кандидатов наук для Ростовского государственного университета.

В 1970–1980 гг. на отделении психологии философского факультета РГУ начинают свою работу кандидаты психологических наук, деятельность которых отражала основные направления исследований в области социальной психологии, сформировавшиеся на факультетах психологии МГУ и ЛГУ, в психологическом институте АПН (*Лабунская В.А.* Психологические условия успешного опознания эмоциональных состояний по выражению лица. Л., 1976; *Горбатенко А.С.* Социально-психологическое исследование отношения к новому члену группы. М., 1980; *Шкуратова И.П.* Исследование особенностей общения в связи с когнитивным стилем личности. Л., 1983; *Терехин В.А.* Аппаратурные методы исследования совместимости и срабатываемости (критерии оценки и эффективность использования). Л., 1984; *Ташева А.И.* Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах. М., 1987; *Кузнецова Е.В.* Развитие межличностных невербальных коммуникаций средствами социально-психологического тренинга. М., 1989). Можно сказать, что специфической особенностью развития социальной психологии в РГУ (ЮФУ) того периода становится стремление интегрировать различные научные направления. Находясь в

постоянном диалоге, а порой и конфликту между собой, представители различных школ, работающие в РГУ (ЮФУ), создавали условия для развития различных направлений. Важным моментом, на мой взгляд, является защита кандидатской диссертации В.А. Шкуратовым, написанной на стыке исторической и социальной психологии (*Шкуратов В.А. Критический анализ современной зарубежной исторической психологии* (школа И. Мейерсона). Л., 1981.).

Рассматривая контекст становления социальной психологии в РГУ (ЮФУ), необходимо отметить вклад в этот процесс первого заведующего кафедрой общей и социальной психологии — доктора психологических наук, профессора И.Г. Белявского, который, изучая совместно с В.А. Шкуратовым проблемы исторической психологии, обратил внимание на многие феномены социальной психологии, продолжая тем самым формирование исторической социальной психологии (см.: *Проблемы исторической психологии*. Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1982). Не менее важную роль в развитии социальной психологии в РГУ (ЮФУ) сыграл академик РАО П.Н. Ермаков, который не только долгое время руководил кафедрой общей и социальной психологии, но и открыл в 1995 г. первый на Юге России Совет по защитах кандидатских, затем докторских диссертаций по специальности 19.00.05 — Социальная психология, что существенно повлияло на развитие различных предметных областей социальной психологии в РГУ (ЮФУ). За время существования ученого совета по защитах диссертаций в нем было успешно защищено 60 диссертаций по социальной психологии, из них 20 диссертаций защитили сотрудники РГУ

(ЮФУ), которые, главным образом, работают или работали на кафедре социальной психологии и на кафедре психологии личности, причем следует особо отметить, что первые диссертационные исследования по социальной психологии, выполненные на факультете психологии РГУ, относятся к периоду существования кафедры социальной психологии и психологии личности, когда ее возглавляла доктор психологических наук, профессор С.Т. Джанерьян (Е.А. Молоткова, Т.А. Шкурко, В.Г. Ромек, М.Т. Ногерова, Ю.А. Менджеричкая, Е.Д. Бреус и др.).

Дальнейшая экспертиза диссертационных исследований проходила на кафедре социальной психологии, которая была организована в 1999 г. в результате разделения кафедры социальной психологии и психологии личности; последняя существует по настоящее время (зав. кафедрой — доктор психологических наук, профессор С.Т. Джанерьян), как и кафедра социальной психологии. На кафедре психологии личности ведутся исследования, затрагивающие различные аспекты социальной психологии, например, в области семейных отношений (А.И. Тащева); изучаются проблемы самораскрытия и самопредъявления личности в общении (И.П. Шкуратова, Е.В. Зинченко); стратегии совладания с трудными жизненными событиями (И.П. Шкуратова.).

Сильнейший сдвиг в развитии социальной психологии в РГУ (ЮФУ) произошел в связи с защитой сотрудниками факультета психологии докторских диссертаций по социальной психологии (*Лабунская В.А. Интерпретация невербального поведения в межличностном общении*, 1989; *Рюмишина Л.И. Формы общения: ценностно-смысловой анализ*,

2005; Сидоренков А.В. Неформальные подгруппы в малой группе, 2005; Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление, 1998.)

На общий контекст развития социальной психологии в РГУ (ЮФУ) повлияло создание в 2000 г. кафедры психологии развития и акмеологии, которую возглавила доктор психологических наук, профессор Т.П. Скрипкина. Она существенно расширила проблемное поле социальной психологии, представленной в РГУ (ЮФУ), создавая исследовательские проекты на стыке психологии развития и социальной психологии, педагогической и социальной психологии, психологии личности и социальной психологии. В круг научных интересов Т.П. Скрипкиной входило изучение социального доверия, особенностей проявления доверия на разных этапах онтогенеза. Под ее руководством выполнены исследования доверия в различных ситуациях социально-психологического взаимодействия: в педагогическом процессе, в бизнесе, в инновационной деятельности, в группах подростков — несовершеннолетних преступников, в разновозрастных группах детей, воспитывающихся в условиях депривации; под руководством Т.П. Скрипкиной выполнен ряд кандидатских диссертаций по социальной психологии.

На кафедре психологии развития и акмеологии работали также кандидат психологических наук В.А. Терехин, разрабатывающий проблему совместимости в процессе совместной деятельности, а также доктор психологических наук, профессор А.В. Сидоренков, который в результате структурных преобразований стал заведовать кафедрой психологии управления и акмеологии, а в последнее

время — кафедрой психологии управления и юридической психологии. А.В. Сидоренков является автором теории малых групп — микрогрупповой теории; под его руководством защищены кандидатские диссертации по социальной психологии, а также выполнены совместно с учениками научные проекты, результаты которых представлены в ведущих психологических журналах России.

Наряду с вышеназванными направлениями развития социальной психологии, осуществляемыми сотрудниками факультета, необходимо отметить весомый вклад профессора О.С. Васильевой, до недавнего времени возглавлявшей кафедру психологии здоровья и физической культуры ЮФУ. Работая на кафедре социальной психологии и психологии личности, О.С. Васильева подготовила ряд кандидатских диссертаций.

Необходимо отметить также тот факт, что создание Академии психологии и педагогики ЮФУ привело к увеличению направлений социально-психологических исследований. Так, на кафедре организационной и прикладной психологии, возглавляемой профессором Е.И. Роговым, изучаются социальные представления в сфере профессиональной деятельности. Наряду с этими исследованиями, доктором философских наук Е.Е. Роговой осуществляется разработка проблемы одиночества в условиях современного общества.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что общий контекст развития различных направлений социальной психологии в РГУ (ЮФУ) соответствует научно-исследовательским традициям, которые сложились во многих вузах России: социально-психологическая проблематика может быть представлена на

различных кафедрах, она включается в другие области психологического знания, интегрирует научные интересы исследователей, которые занимаются практической и прикладной психологией. На этом фоне перед любой кафедрой социальной психологии встает задача определить свое «научное лицо», учебную программу подготовки специалистов в области социальной психологии.

**Кафедра социальной психологии:
научные направления
и учебно-методическая
деятельность**

Кафедра социальной психологии, как отмечалось выше, была открыта в 1999 г., ее возглавила доктор психологических наук, профессор В.А. Лабунская. За прошедшие годы сформировалось научное направление кафедры: «Социальная психология общения и взаимодействия в различных контекстах жизнедеятельности», которое интегрировало ряд научно-исследовательских тем, в основе которых лежат оригинальные социально-психологические концепции. Одна из них — это концепция «социальная психология общения и экспрессивного поведения личности», разрабатываемая В.А. Лабунской. Методологией исследований, выполняемых в рамках этой концепции, является интеграция идей психологии социального познания, социального конструкционизма, семиологии и личностно-динамического, структурно-функционального подходов к невербальному выражению, экспрессивному поведению личности. В рамках рассматриваемой концепции выявлены основные характеристики интерпретации невербаль-

ного экспрессивного поведения личности. Подход к проблеме кодирования и интерпретации невербального поведения отражен в диссертационных исследованиях И.И. Дроздовой, А.В. Короченцевой, О.О. Пугачевского, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко и других.

В рамках концепции «социальная психология общения и экспрессивное поведение личности» разработаны теоретико-эмпирические подходы к решению проблемы конструирования и преобразования внешнего облика личности на различных этапах жизненного пути, на основе которых изучаются гендерные и личностные детерминанты интерпретации внешних атрибутов личности, отношение к внешнему облику в контексте бытия человека, внешний облик в конструировании представлений «свой-чужой», «друг-враг», в актуализации быденных дискриминационных практик.

Так, на основе концепции «социальная психология общения и экспрессивного поведения личности» изучается затрудненное и незатрудненное общение, создана теоретическая схема анализа личности как субъекта общения, описаны феномены: «сворачивание эмпатии» в ситуациях затрудненного общения (Ю.А. Менджерицкая), «тотальные трудности общения», порожденные завистью (Л.А. Архангельская.); выявлены факторы динамики представления о другом и о себе как о трудном партнере (Е.Д. Бреус), трудности общения детей из семей мигрантов (Л.А. Гейденрих), этнокультурные представления о трудностях общения учителей с учениками (М.Т. Ногерова); установлены различия в представлениях о враге и друге на различных этапах жизненного пути (Д.Н. Тулинова); выявлены направле-

ния трансформации представлений о Другом в связи с кризисом сложившейся системы отношений (В.Д. Альперович); определены взаимосвязи между выраженностью надежды, удовлетворенностью жизнью, оценками значимых событий (И.С. Мансурова).

Другая концепция — «Экзистенциально-гуманистическая психология, онтопсихология общения, психология манипуляции», развиваемая в рамках научного направления кафедры, разрабатывается профессором кафедры социальной психологии Л.И. Рюминой. Теоретические и эмпирические исследования общения с позиций экзистенциально-гуманистической психологии послужили основанием для создания онтопсихологии общения или ценностно-смыслового подхода к общению и личности, раскрывающего бытийную сущность общения и его роль в человеческом существовании. С позиций ценностно-смыслового подхода выполняются прикладные исследования в области рекламы, СМИ; рассматриваются вопросы, касающиеся социокультурной опосредованности общения, поиска способов и средств взаимопонимания, разрешения конфликтных ситуаций, влияния манипулятивных склонностей личности на удовлетворенность отношениями; изучаются особенности лиц, склонных к манипуляциям и ставших их объектом; в рамках разрабатываемой Л.И. Рюминой концепции защищены ряд диссертаций.

История развития кафедры социальной психологии ЮФУ (РГУ) свидетельствует о том, что каждый сотрудник данной кафедры, создавая научные проекты в рамках основного научного направления, привносит новые аспекты в его развитие. Так, доцент Е.Д. Бреус, акценти-

руя свое внимание на изучении психологии затрудненного общения, исследует социально-психологические детерминанты конфликтного взаимодействия, конфликтную компетентность руководителей и сотрудников организаций, вербальные и невербальные конфликтогены, возрастные, гендерные, межкультурные различия представлений о себе и другом как трудном партнере общения, факторы динамики этих представлений.

Доцент И.В. Введенский занимается социальной психологией рекламы и разрабатывает количественные и качественные методы проведения маркетинговых исследований, изучает социально-психологические аспекты формирования брендов и имиджа организаций; осуществляет на протяжении последних 20 лет ежегодное экспертное исследование успешности фирм, предпринимателей и ведущих брендов Ростовской области. Он является автором известных работ в области психологии искусства (см.: Александр Аксинин: Вечные книги / визуальные образы. Ростов-н/Д: ЮФУ, 2008; Metafratika. Aleksandr Aksinin (Метаграфика. Александр Аксинин). Польша: PRACOWNIA, 2012.). Дипломные проекты студентов, выполненные под руководством И.В. Введенского, посвящены, главным образом, изучению образа организаций различного типа, как у их сотрудников, так и у клиентов.

Доцент Д.В. Воронцов развивает достаточно новое для социальной психологии направление исследований — «Конструирование сексуальной привлекательности и гендерной идентичности личности в межличностном общении». Он разрабатывает методологические принципы изучения межличностного общения с позиций гендерной теории, на

основе концепций социального конструирования реальности и с учетом властного измерения системы отношений личности. Д.В. Воронцов подходит к анализу гендерного измерения межличностных отношений, процесса экспрессии личностных характеристик в общении и социального восприятия партнеров, используя системы гендерных представлений. В своих работах он ищет ответы на вопросы о том, как в процессе общения складываются и воспроизводятся гендерные характеристики личности, которые под влиянием различных социально-психологических явлений (самоподтверждающиеся пророчества, атрибутивные процессы, социальные ожидания, социальный надзор и т.п.) воспринимаются в качестве устойчивых сущностных проявлений маскулинности и фемининности; каким образом половые различия, а также различия в сфере сексуальности (сексуальные предпочтения) приводят к установлению определенных властных отношений между партнерами по общению; как социальные характеристики личности мужчин и женщин связаны с характером системы отношений между ними; каким образом система отношений личности определяет гендерные различия. В течение последних лет Д.В. Воронцов занимается написанием докторской диссертации, которая выполняется в соответствии с разрабатываемыми им теоретико-методологическими подходами к общению и взаимодействию.

Доцент Т.А. Шкурко продолжает разработку проблемы социально-психологических факторов формирования и развития отношений личности, расширяя данную тематику изучением контролирующего поведения в межличностном

взаимодействии. Т.А. Шкурко разработаны теоретико-методологические основы танцевально-экспрессивного тренинга, способствующего коррекции системы внутригрупповых и межличностных отношений. Ею установлены взаимосвязи между контролирующими тенденциями поведения и успешностью педагогической деятельности; созданы теоретическая и эмпирическая модели контролирующего типа личности; проведен анализ выраженности потребности в контроле у топ-менеджеров и менеджеров среднего звена. В последнее время Т.А. Шкурко занимается разработкой социальной психологии отношений в городской среде различного типа.

Доцент Г.В. Сериков сосредоточил свое внимание на изучении социально-психологических аспектов интерпретации, познания внутренних, сущностных сторон человека на основе их внешнего выражения, на рассмотрении психодраматургических подходов в социальной психологии общения. Под руководством Г.В. Серикова осуществляются дипломные проекты, выполняемые на стыке социальной и этнопсихологии, а также студенческие работы, затрагивающие вопросы влияния социально-психологических личностных особенностей на различные аспекты взаимодействия.

На кафедре социальной психологии работают преподаватели, которые по своему возрастному статусу относятся к молодым ученым. В частности, кандидат психологических наук, старший преподаватель В.Д. Альперович, продолжая разработку основного научного направления кафедры, обратилась к изучению социально-психологических факторов трансформации представлений о Другом. В рамках данной темы В.Д. Альпе-

рович исследует трансформации представлений о Другом как Враге и Друге в связи с динамикой системы отношений взрослой личности. В последнее время В.Д. Альперович, планируя свою научную карьеру, остановилась на нарративном подходе в социальной психологии.

К группе молодых ученых принадлежит доцент кафедры социальной психологии Д.В. Погонцева. За прошедшее пятилетие после защиты ею кандидатской диссертации она смогла внести немалый вклад в развитие научного направления кафедры. Так, Д.В. Погонцева определила свой научный путь, изучая социально-психологические аспекты представлений о красивой женщине. Занимаясь разработкой данной темы, Д.В. Погонцева обратилась к рассмотрению ряда вопросов социальной психологии дискриминации на основе внешнего облика. Она выделила в качестве главных детерминант актуализации дискриминационных практик гендерно-стратификационные характеристики взаимодействия, принадлежность его участников к определенным этническим группам и религиозным конфессиям.

Хотелось бы отметить научно-исследовательскую деятельность преподавателя кафедры Л.В. Поповой, которая в последние годы изучает социально-психологические аспекты антитеррористической деятельности. В развитии научного направления кафедры приняла участие А.А. Бзезян. Она подготовила диссертацию, посвященную изучению социально-психологических особенностей отношения к дискриминации представителей этнокультурных групп с различным типом внешнего облика (2015).

В завершении обзора научно-исследовательской деятельности кафедры со-

циальной психологии ЮФУ (РГУ) хочу отметить тот факт, что выше были представлены работы тех преподавателей, которые работают на данной кафедре длительный период времени, большинство — со дня ее основания. Вместе с этим хочу подчеркнуть, что на разных этапах формирования кафедры оказывали влияние на развитие ее научного направления совместители: профессор И.В. Мостовая, доктор психологических наук В.И. Пищик. Под руководством И.В. Мостовой и В.И. Пищик были защищены кандидатские диссертации, тематика которых расширила проблемное поле социальной психологии, представленной на кафедре.

Характерной особенностью развития кафедры социальной психологии ЮФУ (РГУ) является то, что каждый сотрудник кафедры читает курсы и спецкурсы, которые отражают их научную и связанную с ней практическую деятельность. За время существования кафедры подготовлено большое количество учебных пособий, учебно-методических указаний, презентаций лекций. Каждый курс и спецкурс, читаемый сотрудниками кафедры, имеет полный комплекс учебно-методических разработок.

В соответствии с развитием научного направления кафедры, с включением новых научно-исследовательских тем, отражающих тенденции развития современного российского общества, изменялся, дополнялся набор курсов и спецкурсов, читаемых бакалаврам и магистрам кафедры, это: «Количественные и качественные методы исследований в психологии», «Социальная психология конструктивного взаимодействия» (В.Д. Альперович); «Политическая психология», «Социальная психология конфликтного

взаимодействия», «Психологические основы управления персоналом» (Е.Д. Бреус); «Социально-психологические методы маркетинговых исследований» (И.В. Введенский); «Социологическая социальная психология», «Социально-психологические основы консультирования», «Гендерная психология общения», «Социально-психологические методы воздействия на личность и поведение» (Д.В. Воронцов); «Социальная психология», «Психология общения», «Социальная психология экспрессивного поведения личности», «Психология затрудненного общения», «Социальная психология ведения переговоров» (В.А. Лабунская); «Социальная психология ментальности поколений», «Социально-психологические технологии бизнес-консультирования» (В.И. Пищик); «Психология управления впечатлением», «Основы социально-психологического тренинга», «Визуальная диагностика личности» (Д.В. Погонцева); «Психология безопасности», «Технологии стресс-менеджмента в деятельности организации» (Л.В. Попова); «Гуманистическая психология», «Психология манипуляции», «Экзистенциально-гуманистическая психология как психология бытия» (Л.И. Рюмшина); «Этнопсихология», «Культурно и этнопсихологические исследования», «Психодрама» (Г.В. Сериков); «Социально-психологические основы PR-коммуникаций», «Основы танцевально-экспрессивного тренинга», «Социальная психология личности»,

«Основы социально-психологического тренинга» (Т.А. Шкурко).

Сегодня, кафедра социальной психологии занимается подготовкой бакалавров, имеет магистерскую программу «Социальная психология», прошедшую международную аккредитацию, аспирантуру и докторантуру по специальности 19.00.05 – Социальная психология.

В связи с созданием Академии психологии и педагогики ЮФУ, в которую входит кафедра социальной психологии, изменилась структура управления по сравнению со структурой управления факультетом психологии. Наряду с директором Академии (академик РАО П.Н. Ермаков), возглавляет психологическое направление, являясь его заместителем, член-корр. РАО И.В. Абакумова, которая проявляет постоянный интерес к социально-психологическим исследованиям, выполняя вместе со своими аспирантами работы на стыке общей и социальной психологии, психологии развития и социальной психологии.

Кафедра социальной психологии надеется, что и в новом для РГУ (ЮФУ) столетии будут развиваться в Академии психологии и педагогики различные направления социальной психологии, сохраняться тенденция не только интеграции исследований, но и создания оригинальных социально-психологических школ, развитие которых будет определять научное, педагогическое лицо кафедры социальной психологии.

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

Social Psychology at the Southern Federal University (RSU): Stages of Development and Research Directions

V.A. LABUNSKAYA*,
Rostov-on-Don, Russia,
vlab@aanet.ru

In 2015 the Southern Federal University celebrates its centennial anniversary. The University is the largest research and education center of the Russian south, and its history dates back to 1915 when the Imperial University of Warsaw was moved to Rostov-on-Don. The paper focuses on various factors that have contributed to the development of social psychology at the SFU (former RSU) over the period of 45 years, from the establishment of the Department of General and Social Psychology in 1971 to the emergence of the Department of Social Psychology in 1999 that is still active nowadays. Special attention is drawn to the analysis of the general context in which social psychology has been developing. The paper traces the origins of scholarly activities carried out at the Department of Social Psychology and provides a description of research areas covered by the staff of the Faculty of Psychology. The paper concludes that a distinctive feature of the Department is that each researcher provides academic courses and training in the field of his/her research activities and practice.

Keywords: social psychology, research direction, social psychological concept.

For citation:

Labunskaya V.A. Social Psychology at the Southern Federal University (RSU): Stages of Development and Research Directions. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 157–166. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060312.

* *Labunskaya Vera* – Doctor in Psychology, professor, head of the Department of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, vlab@aanet.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу Дианы Равич «Жизнь и смерть великой американской школьной системы», New York: Basic Books, 2010¹. 242 с.

К. БИЛС*,
Филадельфия, США,
katharine.p.beals@gmail.com

Настоящий материал представляет собой перевод рецензии Катарини Билс на книгу Дианы Равич «Жизнь и смерть великой американской школьной системы». В рецензии критически анализируются высказываемые Д. Равич взгляды на причины недостатков американской школьной системы образования, а также на предлагаемые ею пути улучшения образовательной системы; отмечается изменение взглядов Д. Равич на проблемы образования в сравнении с ранее высказываемыми ею мнениями по данным вопросам.

Работа «Смерть и жизнь Великой американской школьной системы» Дианы Равич, автора многих книг и критика образования, посвящена рассмотрению закона No

Child Left Behind («Ни один ребенок не оставлен позади»)², проблемам независимым (чартерных, привилегированных) школ³, а также программам выбора школ.

Для цитаты:

Билс К. Рецензия на книгу Дианы Равич «Жизнь и смерть великой американской школьной системы», New York: Basic Books, 2010. // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 167–173. doi: 10.17759/sps.2015060313.

* Билс Катарин — лектор Института Образования университета Пенсильвании, адъюнкт-профессор (доцент) Института образования Университета Дрекселя, США, *katharine.p.beals@gmail.com*.

¹ Beals, K. (2011). The death and life of the great American school system, Book review // *Nonpartisan Education Review / Reviews* 7(1) — Available at: <http://nonpartisaneducation.org/Review/Reviews/v7n1.htm#sthash.61b2rt1m.dpuf> (Accessed 22.07.2015)

² No Child Left Behind (NCLB) - государственный акт, поддерживающий введение каждым штатом стандартов образования и оценку соответствия им. От того, насколько школа соответствует этим стандартам, зависит получение данной конкретной школой финансирования. Также важной частью этого акта является программа поддержки студентов из экономически и/или социально неблагополучных семей (*здесь и далее примечания переводчика*).

³ Чартерная школа (charter school) — школа, получающая государственное финансирование, однако функционирующая независимо от системы обычных государственных школ.

Д. Равич по-прежнему поддерживает требующую усилий, содержательную основную учебную программу, продвигаемую Э.Д. Хиршем и его Фондом Основных Знаний⁴ и по-прежнему считает, что лучшие учителя — это те, кто хорошо знает свой предмет и подходит к преподаванию с энтузиазмом, и привлечение подобных учителей является почти таким же важным делом, как реформа учебной программы.

Хотя в своих более ранних исследованиях Д. Равич критиковала, в частности, целый ряд «торговцев причудами» из числа видных членов образовательной системы (см. «Оставлены Позади», опубликованная в 2000 году) [1], в настоящее время в недостатках школьного образования она, видимо, винит только три фактора: 1) тестирование по принципу «все или ничего»⁵ и подотчетность школ, диктуемую законом «Ни один ребенок не оставлен позади» (NCLB); 2) вмешательство в образовательный процесс влиятельных людей со стороны, таких как политики и бизнесмены; 3) авантюры с программами выбора школы, отбирающими лучших студентов и оставляющими остальных более отстающих в государственных школах.

Доводы Д. Равич о тестировании по NCLB и подотчетности школ выглядят

убедительными. Тесты могут быть эффективным, всеобъемлющим способом измерения успеваемости (образовательных успехов), в этом случае образование «для» школьников эквивалентно преподаванию им того, что они в любом случае должны выучить. Но, как объясняет Д. Равич, директивный, основанный на негативной мотивации подход NCLB заставляет штаты воздержаться от разработки тестов, которые хотя бы приближались к этому идеалу.

Не менее убедительна оценка Д. Равич конкретных случаев вмешательства политиков и бизнесменов в учебные дела. Эксперименты в Сан-Диего и Нью-Йорке, описанные ею, были явно основаны на заблуждениях. И подобными заблуждениями полны такие благонамеренные филантропы как Билл Гейтс, что видно на примере филадельфийского фиаско, известного как Школа Будущего⁶.

Но только ли люди извне — политики и бизнесмены — ответственны за неуспешность экспериментов? А что насчет всех этих влиятельных людей внутри системы, которые тоже балуются реформированием сверху (вниз)? Что насчет печально известной чартерной школы в Пало-Альто⁷, находящейся в ведении Стэнфордского института образования,

⁴ Фонд основных знаний (Core Knowledge Foundation) — неправительственная организация, направленная на поддержку преподавания фактических основных знаний в школе.

⁵ Тестирование проводится только один раз, нет возможности пересдачи, а результаты каждого теста влияют на конечный результат.

⁶ Школа Будущего (School of the Future) — государственная школа, организованная при участии компании Майкрософт и нацеленная на детей из менее благополучных семей, идеей которой было «революционное» преподавание с особым акцентом на знания и навыки, связанные с технологиями, активное использование компьютеров в процессе обучения и т.п. Школа испытала множество трудностей, таких как частая смена директоров, трудности с наймом подходящих учителей, проблемы с финансированием и другие.

⁷ Академия Восточного Пало-Альто (East Palo Alto Academy) — чартерная школа, созданная при активном содействии Института образования Стэнфордского университета и нацеленная на детей из низших слоев общества. 73% учеников составляют латиноамериканцы, многие дети отстают от школьной программы по английскому языку и литературе. Несмотря на высокий уровень преподавания и содействие лучших специалистов в этой области, школа попала в список школ с наихудшими результатами и по этой причине испытывала трудности с продлением чартерной лицензии.

которая недавно потеряла свои привилегии после того, как она попала в список школ с худшими в Калифорнии результатами? Что насчет тех многих начальников, которые продолжают поддерживать катастрофические учебные программы вроде «Расследований» и «Повседневной Математики»⁸, которые часто имеют под собой так мало эмпирических оснований, что, как это произошло в Сизтле, родители могут успешно засудить районные власти? Многие профессора института образования оторваны от классов k12⁹ в такой же степени, как и политики и лидеры бизнеса, и они несут еще большую ответственность за конструктивистские образовательные эксперименты, чем Блумберг и Гейтс — не в последнюю очередь потому, что их мнение часто влияет на решения, принимаемые политиками и благотворителями по поводу учебной программы и педагогики.

Д. Равич не обсуждает роль профессоров из институтов образования в текущих неудачных экспериментах. Она не упоминает, сколь многие из этих профессоров сидят в редакционных советах конструктивистских учебников математики, служат советниками или разработчиками конструктивистской учебной программы по математике, продвигают конструктивистские комплекты для чтения и письма, такие как «Сбалансированная грамотность» и «Мастерская писателя»¹⁰. Также она не отмечает, как в ходе своей повседневной работы, они

регулярно насаждают ордам весьма восприимчивых студентов малоподтвержденные теории о том, как дети учатся, и о том, что развивает мышление более высокого уровня, таким образом отговаривая многих потенциальных учителей от использования прямого, насыщенного материала и стандартных алгоритмов арифметики. Вообще она не может признать, насколько велико влияние наших педагогических институтов на мнения учителей, директоров, начальников и методистов, и насколько эффективно они заглушают голоса математиков и ученых, критикующих содержание учебных программ k12 по математике и естествознанию, когнитивных психологов, повествующих о последних открытиях о важности содержательной учебной программы, и замалчивают результаты оценки программ (например, «Project Follow Through»), показывающие большую эффективность прямого преподавания¹¹ в сравнении с преподаванием, подстраивающимся под ребенка (т.е. ставящим своей главной целью увлечь ребенка).

Д. Равич посвящает четыре главы неудачным экспериментам политиков и деловых людей и другие четыре — NCLB. Ни одна глава не посвящена деятелям внутри образовательных структур. Как-то за годы, прошедшие с момента выхода «Оставленных позади», Д. Равич, кажется, убедил себя, что национальные институты образования, начальники и школьные советы обладают

⁸ «Расследования» («Investigations») и «Повседневная математика» («Everyday Maths») — программы преподавания математики, основанные на использовании примеров операций в реальной жизни, а не на абстрактных задачах. Эти программы вызвали бурное недовольство и яркую критику как со стороны специалистов, так и со стороны родителей, утверждающих, что подготовка по этим программам не обеспечивает необходимой базы для дальнейшего изучения математики.

⁹ K12 — термин, объединяющий программы начального и среднего школьного образования.

¹⁰ Противоречивые программы преподавания английского языка.

¹¹ Прямое преподавание (direct teaching method) — преподавание на основе лекций и уроков в противоположность преподаванию путем постановки и решения задач.

большим количеством необходимых квалификаций по сравнению с политиками и бизнесменами.

Конечно, если школьные советы и институты образования также являются частью проблемы, то возникает вопрос, где же искать ее решение. Если ключом к решению проблемы являются только работники образования, которые могут знать о том, что действительно работает в сфере образования, и если их видение искажено не нашедшими подтверждения образовательными теориями, единственным средством может быть предоставление большей власти тем людям, которые одновременно обладают менее промытыми мозгами и являются наиболее заинтересованными в образовании детей, а именно — их родителям. Почему бы не дать родителям больше права голоса в местных школах, например, в выборе директоров школ и преподавателей? Почему бы не позволить им принимать активное участие в принятии решений относительно учебной программы и преподавания, прислушиваясь к тому, что они говорят о том, что работает и что не работает для их детей?

К сожалению, мы движемся в обратном направлении. Школы в наших крупнейших районах, большей частью населенные наиболее отстающими учащимися, все чаще контролируются невыборными директорами и школьными советами. Редки те случаи, когда мэров по голосованию отстраняли от должности за принятие непопулярных решений или назначений в области образования. Школьные советы в стране кажутся все более заинтересованными в рекомендациях специалистов из институтов образования, чем в проблемах родителей. Даже там, где советы избираются, а не назначаются, как часто бюллетени включа-

ют выборных кандидатов, поддерживающих отказ от большей части своей будущей власти в пользу народа и консультации с родителями, а не с так называемыми экспертами в области образования?

Что вызывает иронию, Д. Равич обвиняет тех, кто пытается сломать эти силовые структуры, в попытках уничтожить общественное образование, в то время как на самом деле большинство наших государственных школ уже перестали быть действительно общественными. Несмотря на то, что они финансируются государством (штатом) и бесплатны и открыты для всех местных детей, они все меньше и меньше прислушиваются к заботам своих избирателей. В результате происходит самоустранение родителей вместо того, чтобы дать им то, что Д. Равич, не оставляющая за родителями право голоса, больше не поддерживает: возможность выбора школы. Но настоящий выбор предполагает наличие школ, доступных для всех (т. е., местных и финансируемых государством или по ваучерам) и предлагающих достойные альтернативы в плане учебной программы и преподавания (т. е., отвечающие требованиям родителей и согласующиеся с современными исследованиями об эффективном преподавании).

Д. Равич справедливо описывает чартерные школы как отстающие по обоим этим параметрам и как в среднем не обеспечивающие лучшей альтернативы государственным школам. Она не признает, однако, что эти недостатки присущи не чартерным школам как таковым, но являются во многом результатом препятствий, созданными на их пути правительствами штатов и системой образования. Поскольку большинство штатов требуют сертификации большинства учителей чартерных школ, таким шко-

лам трудно нанять учителей, не подвергшихся сильнейшему влиянию со стороны института образования. Длинная и очень строгая форма заявки, которую должны подать те, кто желает открыть чартерную школу, часто может быть правильно заполнена только с существенной помощью со стороны работников образовательной системы (бюрократов). Кандидаты должны детально показать, каким образом учебная программа их будущей чартерной школы будет согласовываться с теми постыдными, вдохновленными NCLB государственными стандартами. Многие школьные округа ограничивают количество лицензий для новых чартерных школ, и их крайне политичный процесс подачи заявки, как правило, предполагает поддержку своих. Школьные районы также ограничивают количество принимаемых в школы учеников и/или предотвращают расширение. Оба эти фактора заставляют некоторые чартерные школы принимать лишь незначительную часть кандидатов. Кроме того, чартерные школы сталкиваются со многими из тех же обременяющих регуляций, что и существующие школы, и одновременно в дополнение к ним — со всеми проблемами и расходами на открытие новой школы без логистической и первоначальной финансовой поддержки своего школьного округа.

Возможно, именно поэтому более целесообразным будет наличие образовательных альтернатив в рамках существующих государственных школ — то, что Д. Равич, в самом деле, поддерживает. Опять же, альтернативы должны быть настоящими альтернативами, в отношении как учебной программы, так и преподавания (отвечаю-

щие требованиям родителей и согласующиеся с современными исследованиями об эффективном преподавании). Их существование должно, таким образом, привести к существованию по крайней мере двух вариантов программ K6, K8¹² или K12 в одной школе: в дополнение к стандартному конструктивистскому (т.е. современному американскому) — традиционная (или континентально-европейская / азиатская) альтернатива. Ключевым элементом также являются родители, которые должны быть теми, кто решает, каким путем будут следовать их дети. Выберут ли они последовательность «Повседневную математику/Исследования (чисел, данных и пространства)» или последовательность «Сингапурская математика/математика Саксона»? Выберут ли они «Сбалансированную грамотность» или звуковой метод и преподавание, ориентированное на содержание текстов? Выберут ли они «Мастерскую писателя» или преподавание, концентрирующееся на написании предложений? Выберут ли они учебные программы, основанные на создании проектов и «решении проблем», или традиционный последовательный курс основных знаний? Выберут ли они больше групповой деятельности или больше возможностей независимого обучения?

Некоторые из тех, кто предпочитают альтернативные учебные программы и методы преподавания, могут говорить о том, что эти программы не будут доступны для достаточного количества детей, которые наиболее остро нуждаются в них. Действительно, Д. Равич выставляет именно этот аргумент против выбора: возможно, только обеспеченные и образованные родители поймут, какая именно образовательная модель лучше; но про-

¹² K6 и K8 — в американской системе школьного образования - школьная программа с детского сада по 6-й и 8-й класс соответственно.

блема для менее благополучных родителей не в том, что они не представляют себе, что лучше для их детей, но в том, что нередко ни одна из школ, из которых они имеют возможность выбирать, не способна предложить им то, что они хотят.

Тот факт, что некоторые родители сделают неправильный выбор (по крайней мере, первоначально, до того момента, когда можно будет сравнить результаты различных моделей), не является аргументом в пользу отказа в выборе для тех, у кого в противном случае его не будет. Слишком редко противники выбора — кто, как правило, благодаря достаточному количеству денег, связей или хитрости имеют возможность сделать достойный выбор относительно своих собственных детей — действительно считают, что это означает полное отсутствие выбора; что это означает приговоренность ребенка к годам ужасных классовых комнат в ужасных школах, с острой нуждой немедленных альтернатив.

Родительский выбор не фигурирует в решениях Д. Равич. Вместо этого она, кажется, думает, что отказ от чартерных школ и NCLB принесет автоматическое улучшение. Она, кажется, считает, что худшие аспекты конструктивизма скоро исчезнут, и что возможно привлечение и обучение хороших учителей без радикального реформирования наших образовательных институтов.

На самом деле сегодняшние педагогические вузы (заведения для подготовки учителей) не привлекают и не подготавливают тех полных энтузиазма, знающих учителей,

которых Д. Равич берет за образец. Д. Равич подозревает, и не без оснований, что ее любимый учитель — умная, требовательная и начитанная миссис Ратклиф — зачахнет при NCLB. Но стала бы вообще миссис Ратклиф учителем в современном мире? Выдержал бы кто-то, кого «подавляют жаргон, безразличие к классической литературе и враждебность к ее манере преподавания» [2, с. 194] хотя бы одну неделю еды в школьных столовых, проектов, групповых заданий и проповедей о сбалансированной грамотности?

Конструктивизм также никуда не собирается уходить. Конструктивистские классы не только живы и здоровы, но также возрастают в числе, и единственный способ обратить процесс вспять — удостоверить, что всем детям — особенно тем, чье образование наиболее зависит от районных государственных школ — предложены альтернативы в виде содержательного и прямого преподавания.

Это не означает вручение влиятельным политикам и лидерам бизнеса бразды правления нашими школами, или насаждение тестирования вида «все или ничего». Это означает выбор — реальный выбор — то, чего большинство наших детей школьного возраста пока лишено, и против чего Д. Равич пока не придумала убедительных аргументов.

*Перевод К.Н. Виноградовой,
студентки бакалавриата
«Психология и науки о языке»
Университетского Колледжа
Лондона, Университет Лондона*

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Ravich D. Left Back: A Century of Battles Over School Reform. N.Y.: Simon and Schuster, 2001. 534 p. ISBN 0-684-84417-6.
2. Ravich D. The Death and Life of the Great American School System: How Testing and Choice Are Undermining Education. N.Y.: Basic Books, 2010. 242 p.

**Book review: Diane Ravitch "The death and life
of the great American school system".
New York: Basic Books, 2010¹.**

**K. BEALS*,
Philadelphia, USA,
katharine.p.beals@gmail.com**

The current paper is a translation of Katharine Beals' review of the book "The death and life of the great American school system" by Diane Ravitch. The article analyses the views on the causes of the inefficiency of the American school system expressed by Ravitch, as well as the ways of its improvement suggested by her. A change of stance compared to her previous works is also noted.

For citation:

Beals K. Book review: Diane Ravitch "The death and life of the great American school system". New York: Basic Books, 2010. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 167–173. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060313.

* *Beals Katharine* – lecturer at the University of Pennsylvania Graduate School of Education and an adjunct professor at the Drexel University School of Education, USA, katharine.p.beals@gmail.com

¹ *Beals, K.* (2011). The death and life of the great American school system, Book review. Nonpartisan Education Review / Reviews 7(1) – See more at: <http://nonpartisaneducation.org/Review/Reviews/v7n1.htm#sthash.61b2rt1m.dpuf>

АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ

К портрету отечественного профессионального психологического сообщества: блески реальности на официальном фраке

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ*
Москва, Россия

Как правило, воспоминания пишутся с целью, кроме актуализации в сознании самого их автора тех или иных событий, важных по каким-то критериям для него самого, еще и для того, чтобы что-то напомнить, а главное, разъяснить кому-либо, кто является «значимым другим» для этого автора, выстроить своего рода смысловой мостик не только между прошлым и настоящим, но и между настоящим и будущим, в котором самого автора уже не будет. Безусловно, если говорить об истории возникновения профессионального сообщества, особенно такого неоднозначного и яркого, каким является профессиональное сообщество российских психологов, то это заслуживает последовательного, детального, даже дошного повествования. Но в наш стремительный, сверхскоростной век ни писать, ни читать подобную летопись попросту некому и некогда. Те, кто еще жив, в своем большинстве не нуждаются в напоминании

о том, каким образом формировалась, складывалась система отношений в отечественном профессиональном психологическом сообществе — забыть об этом невозможно, так как это и составляло реальный контекст собственного профессионального становления. В то же время современные молодые российские психологи нередко имеют весьма искаженное представление о том, кем в реальности чисто по-человечески были их учителя и кумиры. Как правило, известные, выдающиеся, знаменитые отечественные психологи предстают в воображении своих сегодняшних потомков-продолжателей как забронзовевшие статуи, своего рода «личностные мумии», лишённые живых чувствований и переживаний, отягощенные исключительно необходимостью исполнения «профессионального долга». В действительности же, конечно, все это не просто не так, а совсем-совсем не так. И чтобы доказать эту истину далеко не обя-

Для цитаты:

Кондратьев М.Ю. К портрету отечественного профессионального психологического сообщества: блески реальности на официальном фраке // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 174–188. doi: 10.17759/sps.2015060314.

* Кондратьев Михаил Юрьевич — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

зательно подробно расписывать все их долгие жизненные истории, приводить примеры волевых подвигов, трудовых преодолений, а достаточно вспомнить наиболее яркие их личностные проявления, «блестки деяний», характерные всплески эмоций. И тогда и они сами предстанут перед своими коллегами теми многогранными, неоднозначными, но поистине живыми индивидуальностями, и профессиональное психологическое сообщество проявится как полноценный, противоречивый, но живой коллектив, ничего общего не имеющий с черно-белым заскорузлым идеологически выдержанным официальным портретом.

Неординарная адекватность

Во второй половине 70-х годов прошлого века, когда я устроился работать лаборантом в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, этот академический институт был, безусловно, наиболее продвинутым и прогрессивным психологическим научным центром в Москве. Объяснялось это целым комплексом причин: и директором здесь был академик А.А. Смирнов, человек энциклопедического ума, подлинный интеллигент, доброжелательный, спокойный и при этом готовый отстаивать каждого своего сотрудника даже в ущерб своим взаимоотношениям с начальством; и довольно большой штат Института (более 150 человек) представлял собой по-настоящему сплоченный коллектив ученых-энтузиастов со своими устоявшимися традициями и правилами общежития, нацеленный именно на работу, а не на межличностные склоки и дразги, что порой составляло основу жизни во многих «научных конторах» того времени. Но главная отличи-

тельная черта НИИ ОПП — атмосфера сотрудничества, взаимоподдержки, предклонения институтской молодежи перед старшим поколением и уважительной, почти трогательной опеки этой молодежи со стороны институтских «старейшин».

Сейчас для меня совершенно очевидно, что поддержание подобной внутриинститутской ауры было бы попросту невозможным, не будь в Институте такой удивительный и профессионально, и чисто по-человечески звездный состав талантливых «стариков». Те москвичи, которые еще помнят старый МХАТ, без сомнения ассоциируют его со мхатовскими «стариками», те кто помнят ныне Психологический институт РАО еще во времена НИИ ОПП, столь же однозначно ассоциируют его с институтскими «старейшинами» тех лет, каждый из которых был отдельным ярким миром, а все вместе — целостной и, к сожалению, навсегда уже ушедшей вселенной. Ни один из этих «стариков» не был ординарным и при этом все они вместе и каждый из них в отдельности представляли собой неординарную адекватность и времени, и миру науки, и коллегам — всему тому, чему они служили и для чего с упоением работали.

Одним из таких «старейшин» НИИ ОПП АПН СССР был замечательный психолог и яркий человек Федор Дмитриевич Горбов, руководитель лаборатории психических состояний Института. Он был достаточно известным психологом, при этом психологом-практиком, активно занимающимся проблематикой космической психологии, человеком лично и близко знакомым практически со всеми советскими космонавтами, жизнерадостным, веселым, любящим посиделки и компании. Во второй половине 70-х годов ему было около 60 лет.

Мне вспоминается одна история, именно в рамках которой я впервые увидел Федора Дмитриевича и познакомился с ним. Буквально через месяц после того, как я пришел на работу в Институт, Инна Владимировна Равич-Щербо, заведующая лабораторией психогенетики и одновременно мать моего тогда близкого приятеля, пригласила меня не столько поучаствовать, сколько поприсутствовать на заседании лаборатории, посвященной обсуждению результатов диссертационного исследования одного из своих аспирантов. Как потом оказалось, в качестве внешнего рецензента на апробацию этой диссертации был приглашен профессор Горбов. Для меня все происходящее было внове — строго научно выдержанные выступления, несколько даже пафосная взаимная вежливость дискутирующих, подчеркнуто уважительное отношение всех присутствующих к Инне Владимировне и к Федору Дмитриевичу. Так как обсуждаемая проблематика была никак для меня не родной и близкой, к середине заседания мне подумалось: «Скучновато...», что, правда, ни в коей мере не умалило чувства гордости от самого факта моего сопричастия к настоящему научному действию.

И тут ведущая заседание И.В. Равич-Щербо обратилась к Горбову: «Федор Дмитриевич, будьте добры, выскажите по поводу корректности постановки проблемы исследования в данной диссертации. Нас принципиально интересует Ваша оценка как официального внешнего рецензента». Все повернулись к Федору Дмитриевичу в ожидании его ответных слов, но он неожиданно для всех, молча поднялся со стула и, ничего не говоря, вышел из помещения лаборатории в коридор, даже не прикрыв за собой дверь. На лицах у всех присутствующих

отразилось живое недоумение, но уже через несколько секунд изумленным взглядам членов лаборатории предстала следующая картина. Шестидесятилетний доктор психологических наук, профессор Федор Дмитриевич Горбов на руках вошел в помещение лаборатории и, так и стоя кверху ногами, спокойным голосом произнес: «Вынужден констатировать следующий факт — исследовательская проблема в данной диссертации поставлена именно таким образом».

На протяжении многих последующих лет я нередко участвовал в подобных заседаниях, но концовка именно этого запомнилась мне как наиболее эффективная и лишенная так мешающей любой продуктивной работе надуманной напускной пафосности и пустой многозначительности.

В этом же 1977 году в НИИ ОПП произошел еще один случай, заставивший меня по-особому оценить неординарность, креативность и при этом полную личностную адекватность Федора Дмитриевича Горбова.

Любому из нас, кому пришлось в рамках своей профессиональной карьеры хоть сколько-нибудь работать в научно-исследовательских учреждениях, известна ежегодная мучительная «тягомотина» с подготовкой годовых отчетов о проведенной работе. Процедура эта и мучительна, и «тягомотна», во-первых, потому, что эти отчеты должны быть подготовлены и оформлены по бессмысленным правилам и нормам, разработанным чиновниками-садистами, а во-вторых, потому, что «сбивающий» текст отчета сотрудник априори, с самого начала однозначно уверен — никто и никогда не будет читать этот вымученный им в страданиях документ. В решающей степени именно

бессмысленность предпринимаемых усилий лишает человека его субъектности и, главное, самоуважения настолько, что, несмотря на угрозы начальства, реальные санкции в отношении неотчитавшихся, ежегодно таковые все равно находятся. По-видимому, именно поэтому из года в год администрация практически любого научно-исследовательского учреждения ближе к концу отчетного периода проводит специальные совещания, на которых «накачивает» своих сотрудников по поводу тех ужасных последствий, которые обрушатся на них неминуемо в том случае, если отчетные материалы не будут вовремя и по форме подготовлены.

Так случилось и в 1977 году. В один из присутственных ноябрьских дней все сотрудники Института были загнаны в Большую аудиторию на первом этаже, а сидящие в президиуме представители администрации Института начали «проработку» потенциально нерадивых институтских масс. Когда основной поток уговоров, предупреждений и угроз начал иссякать, а сотрудники стали уже приподниматься со своих мест, чтобы разойтись по лабораториям, в зале поднял руку Федор Дмитриевич Горбов. Ему предоставили слово. «Могу ли я обратиться к нашей администрации с просьбой принести отчет моей лаборатории за 1972 год?». В президиуме зашевелились и кто-то из институтских лаборантов по распоряжению ученого секретаря Института побежал в архив за отчетом. Через несколько минут переплетенный том был доставлен в аудиторию. Федор Дмитриевич из зала обратился к ученому секретарю, который держал в руках отчет: «Откройте, пожалуйста, текст на странице 32 и прочитайте выделенную фразу». Ученый секретарь открыл том, нашел

необходимую страницу и с выражением на весь зал прочитал: «Тот, кто дочитал данный отчет до этого места, может зайти в лабораторию психических состояний к Горбову Ф.Д. и получить за проделанную работу ящик коньяка».

Федор Дмитриевич встал со своего места и, обращаясь прежде всего к коллегам в зале, грустным голосом сказал: «Больше пяти лет жду хоть кого-нибудь. Так и не дождался!». Уже через секунду, обернувшись к президиуму, Д.Ф. Горбов произнес: «Я это совсем не к тому, чтобы не готовить отчеты. Я к тому, что мы все здесь должны понимать — таковы правила игры и помнить, что в этой жизни мы — это единое «мы», и те, кто в зале, и те, кто в президиуме!».

Понятно, что после этих слов наметившееся, проскользнувшее противостояние администрации и рядовых сотрудников исчезло, растворилось...

Кандидат наук — «академик»: лидер отечественной психогенетики

Совершенно уверен, что какие бы то ни было воспоминания, связанные с НИИ ОПП АПН СССР и Психологическим институтом РАО, выглядели бы ущербными, а не просто неполными, если в их рамках не упоминалась бы Инна Владимировна Равич-Щербо. Не столько собственно по возрасту, сколько по своей значимости в жизни Института и личностных яркости и талантливости И.В. Равич-Щербо не может не быть безоговорочно отнесена к статусу одного из «старейшин» этого знаменитого психологического центра. Человеком она была жестким, принципиальным, способным высказать в лицо любому оппо-

ненту ту истину, которую исповедовала. Надо сказать, что в Институте у нее было достаточно искренних друзей и почитателей, но и людей, не прощавших ей ее непреклонность и резкость в общении, так же было немало.

И.В. Равич-Щербо на протяжении целого ряда десятилетий безоговорочно признавалась, по сути дела, научным лидером отечественной психогенетики. При этом подобное признание она имела не только в нашей стране, но и за рубежом. Я сам неоднократно видел присланные ей многочисленные приглашения на международные конференции, симпозиумы и конгрессы, в которых она неизменно именовалась «академиком». На самом же деле, будучи заведующей лабораторией психогенетики, И.В. Равич-Щербо формально была простым кандидатом психологических наук, так до самой своей смерти и не защитившим докторскую диссертацию. На вопросы о том, почему бы ей попросту в виде научного доклада не защититься (при ее профессиональном статусе подобная акция носила бы действительно формальный характер), она, как правило, с усмешкой отвечала: «Что же мне теперь признаваться, что я кандидат наук?».

Не могу сказать, что часто, но все же в течение своей профессиональной жизни я неоднократно сталкивался с примерами подобного кажущегося отсутствия амбициозности известных психологов, не стремящихся зафиксировать свой высокий профессиональный статус с помощью специальных ученых степеней и званий. Правда, насколько мне теперь вспоминается, это практически всегда были случаи, когда они выросли в семьях знаменитых или, во всяком случае, известных и успешных ученых. По-ви-

димому, привычные к неформальному общению с дядями и тетями — профессорами и академиками, и во взрослом возрасте они больше внимания уделяли собственно личностным заслугам и достоинствам, а не внешней научной маркировке этих людей, а значит, и самих себя. Не была исключением в этом плане и Инна Владимировна Равич-Щербо, дочь известнейшего в Москве врача-профессора Равича. В послевоенные годы он жил недалеко от станции метро «Чистые пруды», в так называемом «доме врачей», в котором в те времена сконцентрировалась практически вся элита московской медицинской профессуры.

Знаю об этом, потому что в одном подъезде с Равичем в конце 40-х — начале 50-х годов проживала семья друзей моих родителей, известных пульманологов Сергея Ивановича и Ашхен Абгаровны Лапиных. Отмечу, что в те годы «дом врачей» был полупустым, так как большинство жильцов усилиями работников тогдашних спецслужб были объявлены «врачами-убийцами» и арестованы. Согласно нашим семейным воспоминаниям, Лапины, как, наверное, и Равич, также ожидали ареста практически каждую ночь. Под супружеской кроватью Сергея Ивановича и Ашхен Абгаровны лежали два собранных чемоданчика с вещами на случай ареста. Однажды ночью, часа в два (это было наиболее привычное время домашних арестов) в дверь Лапиных позвонили. Ашхен Абгаровна босиком приблизилась к двери, предварительно на прощание поцеловав своего мужа. Из-за двери послышался мужской голос: «Ашхен Абгаровна, не волнуйтесь, это я, управдом. Ничего не случилось. Вас просто верхние соседи затопили кипятком!». Только в этот момент несчастная женщина почувствовала, что обварила ноги. «Сере-

жа, Сережа! Какое счастье — это нас соседи кипятком залили», — с восторгом прокричала она вглубь квартиры, обращаясь к спешно одевавшемуся и готовящемуся к аресту своему мужу.

Понятно, что, сталкиваясь в те годы с подобной реальностью, молодая ученая И.В. Равич-Щербо до конца поняла «невесомость» каких бы то ни было высоких научных степеней и званий.

Правда, ее «кандидатство» в дальнейшем не раз ставило в тупик коллег. Помню, что в 2005 году в свет должен был выйти шестой, заключительный том «Психологического лексикона», который назывался «Психология в лицах. Персоналии». В нем в краткой форме должны были быть изложены научные биографии наиболее известных как зарубежных, так и отечественных психологов. Совершенно понятно, что по своей профессионально-личностной значимости фигура И.В. Равич-Щербо попросту не могла не быть там представлена. В то же время сделать это напрямую было невозможно, так как в список утвержденных персоналий имели право быть включены лишь те, кто являлся, как минимум, доктором психологических наук и член-корреспондентом Российской академии образования. Формально Инна Владимировна не была ни тем, ни другим. Выход из положения нашли редакторы «Психологического лексикона» А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский: за несколько дней до сдачи рукописи в издательство они решением редсовета ввели И.В. Равич-Щербо в состав редколлегии, а по положению научные биографии членов редколлегии допускалось включить в текст тома.

Помимо того, что И.В. Равич-Щербо до последних своих дней была блестящим и при этом крайне эффективным ис-

следователем, она не чуралась чтения лекций в университетах и институтах, находя, несмотря на свою академическую строгость, живой контакт с аудиторией студентов-психологов. В последние два-три года своей жизни она периодически, по моей просьбе как декана, читала профессорские лекции на факультете социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета. С тем, чтобы уже перед лекцией наладить контакт Инны Владимировны с аудиторией и, насколько это возможно, снять напряжение у студентов в связи с заслуженным, но при этом запредельным авторитетом лектора, я каждый год неизменно перед началом лекции рассказывал одну историю, как ни странно реально произошедшую и при этом напрямую связанную с И.В. Равич-Щербо.

В 80-е, а затем и в 90-е годы XX века А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский по целому ряду причин активно занялись подготовкой словарно-энциклопедического материала по психологии. Так, ими были выпущены вполне востребованные еще и сегодня «Краткий психологический словарь» и «Психология. Словарь». Понятно, что подготовку блока словарных статей по психогенетической проблематике было поручено курировать, да и в основном лично подготовить, И.В. Равич-Щербо — очевидному лидеру отечественной психогенетики. Раскрывая методическую суть близнецового метода, Инна Владимировна была вынуждена написать и небольшую уточняющую статью «Однояйцовые близнецы». Надо сказать, что изданные на русском языке в издательстве «Политиздат» словари в 80–90-е годы были переведены на множество языков в издательстве «Прогресс» и разошлись по миру. Следует от-

метить, что переводчиками в издательстве «Прогресс» в подавляющем своем большинстве служили исчерпывающе проверенные службами КГБ СССР люди, но психологами они, как правило, не являлись. Возможно, именно в связи с этим в изданный «Прогрессом» словарь на английском языке вкралась следующая ошибка. Статья «Однойцовые близнецы» была переведена на английский язык как «Близнецы с одним яйцом». Но история на этом не закончилась. Дело в том, что в Лондоне решили переиздать этот словарь своими силами. На это раз переводчиками выступили в основном английские психологи, а за базовый материал были взяты статьи из изданного на английском языке «Прогрессом» словаря. Все та же статья — «Однойцовые близнецы» — на этот раз была обозначена совсем оригинально — «Близнецы с одним яйцом (сиамские)».

Эта история неизменно расслабляла студенческую аудиторию, помогала установить изначальный контакт между слушателями и лектором, но в то же время заставляла задумываться каждого из нас о том, насколько зависимым и уязвимым оказывается даже самый серьезный ученый от непрофессионального и безграмотного окружения, если оно облечено неоправданными полномочиями, раздаваемыми формальными внешними силами.

«Мачо» отечественной психологии

Если говорить об известных династиях в отечественной психологии, то первая приходящая из них на ум — это Леонтьевы Алексей Николаевич, Алексей Алексеевич и Дмитрий Алексеевич — дед, академик АПН СССР, Лауреат Ленинской

премии, декан психологического факультета МГУ; отец, академик РАО, доктор психологических и филологических наук, профессор психологического факультета МГУ; внук, доктор психологических наук, профессор психологического факультета МГУ. Согласитесь, более чем впечатляет. Но, если задуматься, то в памяти всплывает и еще одна бесспорно замечательная династия ученых-психологов — это Зинченко: Петр Иванович Зинченко и его сын и дочь — Владимир Петрович Зинченко и Татьяна Петровна Зинченко, все, конечно же, известнейшие доктора наук и профессора. Если применительно к династии Леонтьевых совершенно очевидно, что «центральной» фигурой является Алексей Николаевич, то, во всяком случае, по моему мнению, наиболее яркой личностью и выдающимся ученым в семье Зинченко был недавно, к сожалению, ушедший из жизни академик РАО Владимир Петрович.

Я совершенно неслучайно в предыдущей фразе на первое место при обозначении особенностей Владимира Петровича Зинченко как человека поставил именно его личностную незаурядность, неординарность, многомерность. Это, конечно, ни в коей мере не означает, что как ученый он был менее значим. Замечательный исследователь, талантливый теоретик, человек энциклопедического, во многом философского ума... Не говоря уже о его многочисленных и крайне разносторонних научных трудах, достаточно вспомнить его удивительно глубокую, правдивую и, несмотря ни на что, безусловно жизнеутверждающую книгу «Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии». И все же, наверное, если внимательно «покопаться» в списках

отечественного профессионального психологического сообщества, удастся найти в нем в научном плане вполне рядоположенные фигуры, а вот в личностном плане В.П. Зинченко был неповторим, причем на протяжении всей своей достаточно продолжительной жизни. Помимо высочайшего интеллекта, настоящей мужской смелости, достоинства и самоуважения, щедрости, удивительно выраженными у Владимира Петровича были юмор, коммуникабельность и отсутствие высокомерия, подлинная человеческая доступность. По-видимому, именно этот набор качеств в решающей степени и обусловил то, что, будучи всегда в центре внимания и у «научного начальства», и у всего профессионального психологического сообщества, официальных серьезных постов он в течение жизни практически не занимал. Исключением, пожалуй, было назначение В.П. Зинченко председателем Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК РФ, в то время, когда он был избран академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии РАО. Правда, период этот был недолгим — 1993—1997 годы.

Я, конечно, знал, кто такой Владимир Петрович Зинченко еще с 1977 года, когда пришел лаборантом в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, но это было, что называется, одностороннее знание. Помню, мы с сыном Никитой, которому было лет десять, смотрели телевизор и вдруг на экране появился Владимир Петрович Зинченко, рассказывающий что-то научно-популярное об эффектах восприятия. От неожиданности я воскликнул: «Владимир Петрович Зинченко!». Никита с неподдельным восхищением воззрился на меня, знакомого с тем, кого показывают по

телевизору: «Ты его знаешь?!». «Конечно, — гордо ответил я, — это Владимир Петрович Зинченко, психолог, так же, как и я». А про себя подумал: «Я-то его знаю, а вот он меня — нет...».

Действительно лично познакомился я с Владимиром Петровичем в 1993 году, когда специально для этого знакомства тогда президент РАО А.В. Петровский пригласил нас в Дом актера на закрытый просмотр фильма Ролана Быкова «Чучело», в котором он являлся научным консультантом. После фильма, уже сидя в кафе, Артур Владимирович, еще раз уже официально представив нас друг другу, рассказал, что ему поручено сформировать новый Экспертный совет по педагогике и психологии ВАК (тогда Высшая аттестационная комиссия была не как сейчас при Министерстве образования и науки, а при Совете министров РФ) и он, будучи членом Президиума ВАК, собирается предложить в качестве председателя Экспертного совета Владимира Петровича Зинченко, а в качестве ученого секретаря — меня. Не знаю, было ли это предложение неожиданным для Владимира Петровича (думаю, что нет, вряд ли могло быть, что о возможности подобного назначения ему в принципе было неизвестно), но для меня подобный карьерный скачок, да еще возможность работать вместе с легендарным В.П. Зинченко и с другими ведущими отечественными психологами был поистине неслыханным сюрпризом. Владимир Петрович посмотрел на меня, потрясенно молчащего, со снисходительной, но явно доброжелательной улыбкой и, обернувшись к Петровскому, произнес: «Ну если Михаил Юрьевич одобрит Ваш выбор председателя, то уж я-то, конечно, на такого ученого секретаря согласен».

С этого дня последующие четыре с лишним года раз в две недели в доме в Брюсовом переулке проходили заседания Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК РФ, которым руководил Владимир Петрович Зинченко, а участвовали такие замечательные психологи, как А.И. Донцов, И.В. Дубровина, И.А. Зимняя, В.С. Мухина, В.А. Пономаренко... Представляете себе, какая школа была для меня, обычного кандидата психологических наук. И «директором», душой этой школы был Владимир Петрович Зинченко, ни разу за все эти годы, с одной стороны, не упустивший рычага управления этим сложнейшим, но коллективом, и в то же время, с другой стороны, ни разу не позволивший себе повысить голос на кого-нибудь из членов совета или просто прибегнуть к авторитарному давлению в ущерб объяснениям того, почему следует принять то или иное решение.

И еще об одном. Понятно, что отношение к Владимиру Петровичу каждого из членов Экспертного совета было индивидуальным. Это были совершенно состоявшиеся в профессиональном и карьерном плане взрослые и даже пожилые люди, у которых система отношений с Владимиром Петровичем Зинченко никак не исчерпывалась контактами в стенах ВАК, но все они безоговорочно признавали его авторитет в качестве председателя совета и все без исключения были благодарны ему за то, что могли высказывать свое мнение без оглядки на начальство, перед которым Владимир Петрович Зинченко совершенно бескомпромиссно и бесстрашно отстаивал позицию и всего Экспертного совета, и каждого из нас в отдельности. Все мы были тогда, что называется, «под его крылом».

В те годы я лично очень сблизился с В.П. Зинченко, воспринимал его как наставника по жизни и, главное, именно его модель такого по-настоящему мужского, ответственного поведения стала для меня своего рода образцом для подражания. Вспоминаю, что я даже сменил марку сигарет с тем, чтобы и курить то же самое, что и Владимир Петрович, перенял я и некоторые другие его привычки, правда, к сожалению, лишь внешние. Понятно, что, если удавалось, я старался побольше времени проводить рядом с ним, ходил на его лекции, во всяком случае, на публичные, стремился, где возможно, пересечься с тем, чтобы лишний раз даже не столько поговорить с ним, сколько послушать его. А послушать было что, так как Владимир Петрович общался и дружил с самыми интересными, глубокими и талантливыми представителями ученого мира и мира искусства.

Портрет Владимира Петровича был бы явно неполным, если не упомянуть его талант лектора. Любое публичное выступление В.П. Зинченко, любая его лекция в Университете или даже на каких-то курсах повышения квалификации всегда привлекали внимание, были ярким, запоминающимся действием, наполненным живым контактом с аудиторией. Как об ораторе, как о «златоусте» о Владимире Петровиче ходили легенды, которые в действительности были самой настоящей былью. Студенты его обожали. Он был свободен в своих высказываниях, всегда был способен к неожиданным ассоциациям, ответам на любые вопросы. И при этом он был красив, мужествен — настоящий «мачо». Уже через минуту после начала выступления все слушатели — мужчины, и женщины — испытывали чувство восхищения, чело-

веческой влюбленности в стоящего перед ними широкого душой талантливое человека.

Мне вспоминается одно, в принципе совершенно «проходное» выступление Владимира Петровича Зинченко на каких-то малозначительных курсах повышения квалификации провинциальных работников образования. Так сложилось, что мне в тот раз удалось «увязаться» за ним, и я присутствовал на его выступлении. В помещении Университета Российской академии образования лектора Зинченко ожидала обычная группа слушателей — человек тридцать преподавателей педагогики и психологии провинциальных пединституты, среди которых, кроме взволнованных предстоящей встречей с академиком женщин среднего возраста, присутствовал и один-единственный слушатель-мужчина. Они приехали в Москву на несколько дней с тем, чтобы прослушать цикл лекций, одной из которых была лекция В.П. Зинченко. Было совершенно очевидно, что единственный в их группе мужчина-слушатель в связи с отсутствием конкуренции просто купался во внимании своих сокурсниц. Понятно, что при появлении Владимира Петровича все женское внимание было переключено на него. Мужчина-слушатель моментально внутренне напрягся и, что называется, настроился на конкурентную конфронтацию. Владимир Петрович, как всегда, мастерски и ярко прочитал лекцию, посвященную проблематике восприятия, и в завершении ее традиционно произнес: «Если есть какие-то вопросы, то я с удовольствием готов на них ответить». Завороженные слушательницы сидели, не шелохнувшись, и молчали. В этот момент из-за заднего стола взметнулась ру-

ка единственного в аудитории, кроме нас с В.П. Зинченко, мужчины. Он почти выкрикнул свой вопрос, будучи уверен, что поставит Владимира Петровича в тупик: «А почему же образ воспринимаемого не формируется непосредственно в глазу?». Владимир Петрович доброжелательно и как-то с сожалением посмотрел на возбужденного слушателя и мягко, словно ребенку, пояснил: «Ну, дорогой мой, это было бы как-то уж очень негигиенично». Мы вышли из аудитории и В.П. Зинченко тут же окружила толпа слушательниц. Задавший вопрос их товарищ так и остался сидеть в аудитории.

Многое изменилось в жизни Владимира Петровича Зинченко и во многом изменился он сам, начиная с 1997 года, когда Н.Д. Никандров и В.А. Поляков, на мой взгляд, просто обманом, сыграв, что называется, на подростковом «слабо», втянули его в заговор по снятию А.В. Петровского с поста Президента РАО, что, в конечном счете, привело к тому, что он оставил пост академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии и даже покинул состав этого родного для него Отделения. Последние годы своей жизни, несмотря на то, что он личностно изменился, погрузился в себя, существенно растерял свой искрометный юмор, Владимир Петрович Зинченко активно и плодотворно работал и при этом оставался самым привлекательным и талантливым «мачо» отечественной психологии.

Авторитет власти и власть авторитета

Сегодня никого не удивишь тем, что сотрудник академического научно-иссле-

довательского института преподает в том или ином университете, а какой-нибудь доцент или профессор одновременно является научным сотрудником НИИ. Конечно, в середине 80-х годов прошлого века подобные ситуации так же порой имели место. Но это не было обычным, массовым явлением, как сегодня. В то же время Артур Владимирович Петровский, болея душой за каждого из своих сотрудников, стремился пристроить нас к дополнительной работе, а значит, и к заработкам, используя все свои оставшиеся после потери поста вице-президента АПН СССР немногие возможности.

Мне вспоминается солнечный весенний день 1985 года, когда мы шли зачем-то с ним от ГУМа по направлению к Политехническому музею. На тротуарах, рядом с мощеной мостовой вразброс стояли круглые массивные, похожие на катушки для металлических тросов театральные тумбы для объявлений. Проходя мимо одной из них, А.В. Петровский вдруг остановился, ткнул пальцем в огромный лист бумаги, опоясывающий тумбу, и произнес: «Читай. Только смотри, себя не пропусти». На афише я прочитал, что в октябре того года (т.е. через шесть месяцев) под эгидой Всесоюзного общества «Знание» будет прочитан в Политехническом музее цикл психологических публичных лекций по абонементам. С изумлением я обнаружил, что наряду с такими знаменитыми лекторами и выдающимися психологами, как А.В. Петровский, И.С. Кон, В.П. Зинченко и т.п., лекцию «Авторитет власти и власть авторитета» прочтет кандидат психологических наук М.Ю. Кондратьев. Пока я, не будучи способным в принципе осознать реальность происходящего, таранился на афишу, А.В. Петров-

ский объяснял мне, что настоящий ученый должен не только проводить исследования, но и уметь профессионально читать лекции, популяризируя свои научные достижения. Надо сказать, что я уже тогда понимал, насколько престижным было оказаться в списке подобного рода «популяризаторов». Завершая свой нравоучительный монолог, Артур Владимирович многозначительно добавил: «Кстати, за лекцию заработаешь больше восьмисот рублей». Деньги были, конечно, колоссальные. Достаточно сказать, что моя месячная зарплата старшего научного сотрудника, кандидата психологических наук исчислялась двухсот тридцатью рублями. Но я вообще никогда и нигде не читал лекций, тем более публичных, по абонементу, да еще и в аудитории, насчитывающей не менее пяти-сот-шестисот человек. Понятно, что, не отходя от Артура Владимировича в течение всего последующего дня, я неистово уговаривал его убрать меня во что бы то ни стало из этого списка. Он мог это сделать, потому что к тому времени оставался еще заместителем председателя Всесоюзного общества «Знание». Отчаяние и испуг мой были настолько неподдельными, что он дрогнул и пообещал мне: «Хорошо, завтра же вычеркну тебя. Хотя зря...».

Прошло время, наступил октябрь... Как-то утром в пятницу я перед работой пил кофе на кухне, на стене тихонько что-то шептал радиоприемник. Почему-то, к своему счастью, я прислушался к голосу из репродуктора: «В театре «Современник» сегодня состоится спектакль «Трамвай «Желание»... В Политехническом музее пройдет публичная лекция кандидата психологических наук Михаила Юрьевича Кондратьева «Авто-

ритет власти и власть авторитета»... В Консерватории...». Холодный пот выступил у меня на лбу, я схватился за телефонную трубку: «Алло, Артур Владимирович, Вы же обещали, что снимите мою лекцию...». Петровский спокойным голосом ответил: «Ну, Миша, ну забыл, что ж теперь-то делать? Подготовься, да и прочитай сегодня вечером». Сердце мое бешено колотилось. Было совершенно очевидно, во всяком случае, для меня, что читать эту лекцию я не буду. Ни при каких обстоятельствах. Умру, но не буду. Что же делать? И тут мне пришла, как оказалось в дальнейшем, спасительная мысль — я вспомнил своего хорошего приятеля, Сергея Николаевича Ениколопова, который по-настоящему умел и, главное, любил выступать перед аудиторией. Уже через минуту я хитро, как Лиса Патрикеевна, уговаривал Сергея спасти меня и выступить с лекцией в Политехническом музее: «Сережа, какая им разница про авторитет будет эта лекция или о фрустрации? Все одно — про жизнь. А потом, подумай, ведь восемьсот рублей...». Не знаю, уж какой из моих доводов возымел действие, но вечером этого же дня в Политехническом музее С.Н. Ениколоповым была успешно прочитана публичная психологическая лекция. Правда, на следующий день мой спаситель рассказал, что после окончания выступления, когда с мест начали задавать вопросы, к нему почему-то обращались исключительно как к Михаилу Юрьевичу, да еще и с записками, напечатанными на машинке, по поводу проблематики авторитета.

Прошло несколько лет прежде, чем я решился после истории с Политехническим музеем выступить в роли лектора. Да и то не по собственной воле, а в свя-

зи с настоящей необходимостью «спасти лабораторию». Однажды к нам во второе здание Психологического института, которое находилось напротив Консерватории, неожиданно пришел Анатолий Алексеевич Деркач, в те годы работавший профессором психологии в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Он прошел в кабинет заведующего лабораторией А.В. Петровского, а через минуту последний позвал туда уже и меня. Оказалось, что по распоряжению Президиума АПН СССР назначена проверка исполнения лабораторией «опального» академика Петровского научно-исследовательской работы за последние пять лет, и осуществлять эту проверку было поручено такой, как бы нейтральной внеакадемической фигуре, как А.А. Деркач. Позиция Анатолия Алексеевича, которая прояснилась сразу же в начале беседы, меня потрясла своей простотой и прозрачной искренностью: «Артур Владимирович, как Вы понимаете, проверять Вашу научную состоятельность мне и на ум не приходит. Поэтому я предлагаю следующий вариант осуществления подобной немислимой ревизии — Вы готовите итоговые материалы проверки, а я их подписываю». Понятно, что Артур Владимирович тут же с благодарностью согласился и при этом отрядил меня готовить документы. В течение, сейчас уже не помню, двух или трех дней я творил заключение проверки, время от времени советуясь по телефону с А.А. Деркачом по поводу того, какие незначительные недостатки должны быть включены в итоговый вариант бумаги с тем, чтобы она выглядела реалистичной. Наконец был назначен день, когда мы все трое — Петровский, Деркач и я встретились в

кабинете у Артура Владимировича и в условиях отсутствия тогда принтеров, склонившись над черновиком, все втроем одновременно прочитали эту официальную бумагу, а затем отдали ее на перепечатку. Вот тут-то и произошло, как потом оказалось, знаменательное для меня событие. Анатолий Алексеевич, обратившись к Артуру Владимировичу, вдруг сказал: «А теперь поговорим о цене вопроса». Брови Петровского изумленно взметнулись. А.А. Деркач улыбнулся: «Да я шучу, Артур Владимирович. Я это к тому, что мне бы хотелось, чтобы Михаил Юрьевич прочитал нашей учебной спецгруппе шестнадцатичасовой курс «Авторитет власти и власть авторитета». Лицо Петровского прояснилось, он заулыбался и ответил: «Ну, конечно, Анатолий Алексеевич, разговора нет. Миша, давай выручай нашу лабораторию». Я настолько опешил от неожиданности, что не нашелся спросить ничего, кроме: «А что значит спецгруппа?». Уже выходя из кабинета Петровского, Деркач почти через плечо бросил мне: «Это двадцать пять секретарей обкомов партии по идеологии. Ладно, созвонимся».

Надо сказать, что к тому времени я и правда занимался практически по распоряжению вице-президента АПН СССР А.Г. Хрипковой не своими несовершеннолетними правонарушителями (она считала, что в СССР детской преступности не существует), а проблематикой авторитета учителя. Но, во-первых, одно дело — авторитет педагога, а другое дело — проблематика авторитета в контексте общественных отношений в целом, а, во-вторых, и это главное, — одно дело заниматься эмпирическими исследованиями, а другое — читать курс лекций, да

еще и в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Понятно, что оставшиеся до начала лекций две недели я в страхе судорожно готовился к своему преподавательскому дебюту.

Академия общественных наук при ЦК КПСС в то время, о котором идет речь, располагалась недалеко от метро «Белорусская» на Миусской площади, где сегодня вольготно раскинулся Российский государственный гуманитарный университет. Именно там я в течение двух недель в конце 80-х годов и читал шестнадцатичасовой курс «Авторитет власти и власть авторитета» целой учебной спецгруппе — секретарям обкомов партии по идеологии.

На первый взгляд, удивительно, но больше мне никогда не удавалось встретиться со столь дисциплинированными, усердными, старательными и послушными слушателями. Сегодня я совершенно уверен, что объяснялся этот феномен абсолютного послушания крайне просто. Эти руководители, привыкшие к беспрекословному подчинению своих сотрудников, в подавляющем большинстве были классическими авторитарными личностями. Как известно, согласно позиции Адорно, создавшего F-шкалу, авторитарной личностью является не тот субъект, который безапелляционно давит нижестоящего в социальной иерархии, а, прежде всего, тот, кто практически без насилия над собой готов подчиняться давлению социального «верха», но лишь при условии, что ему как законопослушному представителю «системы» дается право быть проводником вниз этого социального давления, а значит, и право «давить» нижестоящих во властной иерархии. По сути дела, речь идет, прежде

всего, не об авторитете личности, а об авторитете роли, авторитете власти. Совершенно очевидно, что в тех условиях, в которые они попали по тем или иным причинам, будучи посланными своим начальством на повышение профессиональной квалификации, они воспринимали себя (пусть на время) нижестоящими по сравнению со своим преподавателем, который оказался для них в ранге представителя вышестоящего в данном конкретном случае партийного статусного «уровня».

На заключительную лекцию ко мне, по-видимому, с инспекционной задачей пришли заведующий кафедрой, профессор Уледов, его заместительница, профессор Яблокова и «заваривший всю эту кашу» профессор Деркач. Я, за две недели своей преподавательской деятельности обретший полную уверенность в своем беспрекословном праве руководить секретарями обкомов, появился в аудитории, когда все три эти профессора уже в ней находились. Войдя в помещение, я поздоровался со слушателями, которые, как первоклассники, мгновенно вскочили со своих мест, и, обернувшись к доске, достаточно резко спросил: «Кто сегодня дежурный? Намочите тряпку и сотрите с доски». Один из высокопоставленных слушателей с готовностью поспешил выполнить указание. Изумление на лицах профессоров — штатных сотрудников Академии общественных наук при ЦК КПСС было трудно не заметить. По окончании занятий, подводя итоги моего педагогического дебюта, профессор Уледов не преминул заметить с некоторой укоризной: «Знаете, Михаил Юрьевич, даже я не позволяю себе в таком тоне общаться с секретарями обкомов. Но на Вас они не жаловались».

Вполне возможно, что подобная успешная лекторская практика в столь уважаемом тогда учреждении позволила бы мне выстроить достаточно быструю преподавательскую карьеру, но в дело вмешалась моя мама. Через месяц в нашей квартире раздался звонок (как потом я узнал, мне хотели предложить место работы в Академии общественных наук), к телефону подошла моя мама. Из трубки она услышала: «Позовите, пожалуйста, к телефону Кондратьева Михаила Юрьевича». «Он на работе. Что ему передать? Кто ему звонит?». Ответ прозвучал твердо и значительно: «Вас беспокоят из ЦК партии». «Какой партии?». Конечно же, мама знала, что партия у нас тогда была одна, но знала она также и то, что к нашей семье эта партия никакого отношения не имела. В трубке никакого отношения не имела. В трубке помолчали и затем как-то даже немного обиженно отреагировали: «У нас, слава богу, партия одна». Больше мне не перезванивали, да и через некоторое время партий в стране стало много...

Шутки шутками, но сейчас я могу с полной уверенностью сказать, что именно опыт (пусть и небольшой, но успешный) преподавания в Академии общественных наук при ЦК КПСС позволил мне набраться смелости и в 1998 году согласиться на предложение академика РАО В.В. Рубцова перейти с должности главного научного сотрудника Психологического института РАО на должность декана факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического института (ныне университета), в котором я и проработал следующие пятнадцать лет, создавая вместе со своими сотрудниками первый в Российской Федерации факультет социальной психологии.

On the Portrait of the Russian Professional Psychological Community: Sparkles of Reality on the Official Tailcoat

M.YU. KONDRATYEV*

Moscow, Russia

The main distinguishing characteristic of SRI GEP is the atmosphere of comradery, mutual support, youth's admiration for the older generation and respectful, almost touching care for this youth on the part of the "elders". Now for me it is absolutely obvious that maintaining such an atmosphere would have been impossible if the institute had not possess such an astonishingly and professionally top-level group of "elders".

For citation:

Kondratyev M.Yu. On the Portrait of the Russian Professional Psychological Community: Sparkles of Reality on the Official Tailcoat. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 174–188 (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060314.

* *Kondratyev Mikhail* – Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia